

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Гармонь поет, бубенцы звенят...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 10 (2227)

Основан 1 апреля 1923 года

7 МАРТА 1970

ПРОЩАЙ,

До свиданья, Дедушка Мороз!

Сбитеньком да чайком погреемся...

ЗИМА!

Фото М. САВИНА.

Это ведь только с виду еще зима, а на самом деле солнце давно уже на лето повернуло! Оно, правда, до поры до времени жаркого норова своего не показывало — календарь не велел. А уж как март подошел, тут только держись — начало Ярило штуки свои вытворять. То горячими буравчиками снежное поле иссверлит, то сосулек под крышей навешает, а уже как совсем разойдется — пойдет кропить направо и налево лучами-кисточками, усыпая девичьи носы и щеки золотыми брызгами веснушек. И такая краска прочная у весеннего солнышка, что никаким мылом не смоешь, никаким кремом не выведешь! И невдомек девчатам, что веснушки-то им никак не во вред — лишь прелести да задора прибавляют. Недаром, заглядываясь на них, парни головы потеряли. Ведь одна другой краше эти льговские девчата, что собрались нынче на площади проводить русскую зиму-матушку да весну-красну встретить.

Где скоморохи, там и озорство.

Продолжение на стр. 32.

А ну-ка попробуй нас перепеть!

С ЧУЖОЙ ЗЕМЛИ —

— Я уверен, что у оккупантов есть четкий, продуманный план вытеснения арабов из Иерусалима и из целого ряда других районов западного берега Иордана. Они намереваются «очистить» от арабов эти земли, именно поэтому не хотят политического решения ближневосточной проблемы. Я еще больше убедился в израильских замыслах, узнав о введении так называемого «коллективного наказания» арабского населения оккупированных территорий в случае нападения партизан на израильских солдат и жителей.

Эти слова принадлежат палестинцу, бывшему мэру арабской части Иерусалима Рухи Хатыбу, отказавшемуся от сотрудничества с израильскими оккупантами. Ясно одно: Израиль намерен изгнать коренное арабское население Палестины из своих жилищ и земель. В этой связи не мешает вспомнить высказывания одного из лидеров международного сионизма, Давида Бен-Гуриона, перед израильской молодежью: «Карта (Израиля) не является картой нашей страны. У нас имеется другая карта, которую вы, студенты и молодежь еврейских школ, должны воплотить в жизнь. Израильская нация должна расширить свою территорию от Евфрата до Нила».

На эту «новую» карту прежде всего попала Палестина. Чтобы обосновать свои претензии на Палестину, сионистская пропаганда изо дня в день трубит, что евреи-де испокон веков были ее коренным населением, что арабы оказались здесь якобы случайно и были всего лишь временными жителями этого района и никакой, видите ли, проблемы палестинских арабских беженцев не существует.

Факты и история находятся в явном противоречии с этими утверждениями. И сколько бы пропагандисты из Тель-Авива ни пытались перевернуть историю посвоему, арабы были и остаются коренным населением Палестины и беженцы имеют все основания требовать возвращения своей родины.

Правящие круги Израиля пытаются доказать свою непричастность к возникновению проблемы палестинских беженцев. Их пропаганда из кожи вон лезет, чтоб убедить мир, что эта проблема возникла будто бы в результате военных действий, которые якобы развязали арабы против молодого израильского государства. Но эти утверждения шиты белыми нитками. Во-первых, военные действия в 1948 году были спровоцированы израильскими сионистами и английскими колонизаторами. А вовторых, по официальным данным ООН, еще до провозглашения государства Израиль, то есть до 15 мая 1948 года, число арабских беженцев из Палестины уже достигало 900 тысяч человек.

Вспомним, как сразу после событий 1948 года израильские ультранационалисты «очищали» Палестину от ее коренных жителей. Методы сионистов очень напоминали собой практику гитлеровских эсэсовцев по «очищению» Европы от «неарийцев». Недаром генерал в отставке Игал Аллон, нынешний заместитель премьер-министра Израиля, с гордостью вспоминает: «Там, где проходят израильские войска, не остается арабов».

Так был превращен в руины некогда цветущий арабский город Яффа, та же участь постигла арабские памятники культуры и искусства в Рамле и других районах Палестины. Только руины да обросшие мхом камни остались немыми свидетелями величайших преступлений сионистов против миролюбивого населения Палестины.

Приведу еще пример, который показывает, каким образом сионисты «очищали» от арабов земли. 9 апреля 1948 года банды головорезов из шовинистической организации «Иргун цвай Леуми» ворвались в мирную арабскую деревню Дейр-Ясин и устроили кровавое побоище. Бывший министр юстиции Израиля либерал Дов Йосеф прямо назвал этот налет «преднамеренным и неспровоцированным нападением на мирных арабских жителей». 250 арабских женщин и детей погибли в этой резне. Лидер профашистской партии «Херут», с которой были связаны головорезы и которая ныне является опорой правительства Голды Меир, сионист Менахэм Бегин убеждает, что «эта резня была не только оправданна, но не было бы государства Израиль без победы в Дейр-Ясине».

Появившиеся за последние годы исследования проблем палестинских арабских беженцев свидетельствуют о кровавых преступлениях, совершенных против них сионистскими расистами. Идейными вдохновителями этих преступлений были многие сионистские деятели, ныне занимающие министерские посты в кабинете Голды Меир.

По далеко не полным данным, свыше 75 тысяч жилищ, около 350 деревень, до четырех миллионов дунамов плодородных земель вынуждены были оставить в Палестине арабские беженцы, спасаясь от террора. Сионисты захватили у палестинцев имущества на сумму в один миллиард 832 миллиона фунтов стерлингов.

Во второй мировой войне нацисты преследовали евреев, физически уничтожали их, создавали для них гетто. Теперь сионисты, обосновавшиеся в Израиле, оказались в роли самых отпетых шовинистов и националистов!

Кровавые расправы со школьниками и женщинами в районе Газы, непрекращающиеся облавы и избиения арабов в Рамаллахе, введение осадного положения в Наблусе, в районе Хеврона, в арабской части Иерусалима, систематическое и планомерное разрушение домов, принадлежащих арабам, уничтожение целых деревень и городков, как это имело место в Хальхуле, где, по свидетельству корреспондента лондонской газеты «Таймс» Патрика Брогана, было разрушено в течение нескольких часов 60 или 70 домов,— так выглядят сейчас преступления гаулейтеров Моше Даяна, так Тель-Авив «разрешает» проблему палестинских беженцев.

Правящие круги Израиля выдвинули версию, что арабские беженцы будто бы уже давно утратили право на возвращение к своим родным очагам в Палестине. При этом Тель-Авив ссылается на то, что сотни тысяч еврейских переселенцев из арабских стран нашли якобы убежище в Израиле. Таким образом, заявляют израильские сионисты и их пропаганда, произошел как бы естественный обмен народами: евреи из арабских стран переехали в Израиль, а палестинские арабы разместились в арабских странах.

Но такая «аргументация» не выдерживает никакой критики. Известно, что евреев в арабских странах никто никогда не преследовал и никогда не требовал их выселения. Так каким образом «черные» евреи, как называют израильские сионисты переселенцев из арабских стран, оказались в Израиле? Все очень просто: Израилю была нужна рабочая сила, которая была бы покорна и не доставляла хлопот. Такой рабочей силой стали «черные» евреи, которых «цивилизованные» евреи превратили в своих рабов. И потом, если уж потребуется проливать кровь в борьбе с арабами за «великий Израиль», рассуждали мудрецы на сионских холмах, так пусть это будет «черная» кровь восточных евреев из Ирака, Алжира, Марокко, Туниса. С этой целью сионисты, не жалея денег, искусственно подогревают кампанию антисемитизма, запугивают бедные слои еврейства в арабских странах, а затем на самолетах вывозят в Израиль.

Видный американский исследователь и автор многих книг по еврейскому вопросу Альфред Лилиенталь писал, что так называемая иммиграция «черных» евреев в Израиль — это результат «всевозможных интриг и провокаций международного сионизма, агенты которого сознательно раздували антисемитизм в арабских странах, запугивали отсталые слои еврейского населения и обещали им рай в «обетованной земле».

Иностранный турист имеет возможность, посетив Израиль, увидеть истощенных изнурительным трудом «черных» евреев на ремонте дорог, вывозе нечистот из домов «белых» евреев, на подсобных работах на заводах и фабриках. Ни одного генерала или офицера из «черных» евреев нет на руководящих постах в израильской армии.

Две еврейские общины, «черная» и «белая», живут своей особой жизнью, они практически не общаются друг с другом вне работы. Смешанные браки «черных» и «белых» юношей и девушек шокируют «цивилизованных» сионистов в Израиле.

Так обстоит дело с «естественным» обменом арабских беженцев из Палестины на «черных» евреев из арабских стран.

Лишив родного очага палестинцев, Израиль продолжает жестоко притеснять тех, кто остался на оккупированной территории. Одним из «изобретений» в этом отношении является «коллективное наказание» за действия палестинских патриотов, введенное Моше Даяном. Оно предусматривает насильственное выселение из своих жилищ и с оккупированной территории коренного арабского населения! Ныне число беженцев достигает уже полутора миллионов.

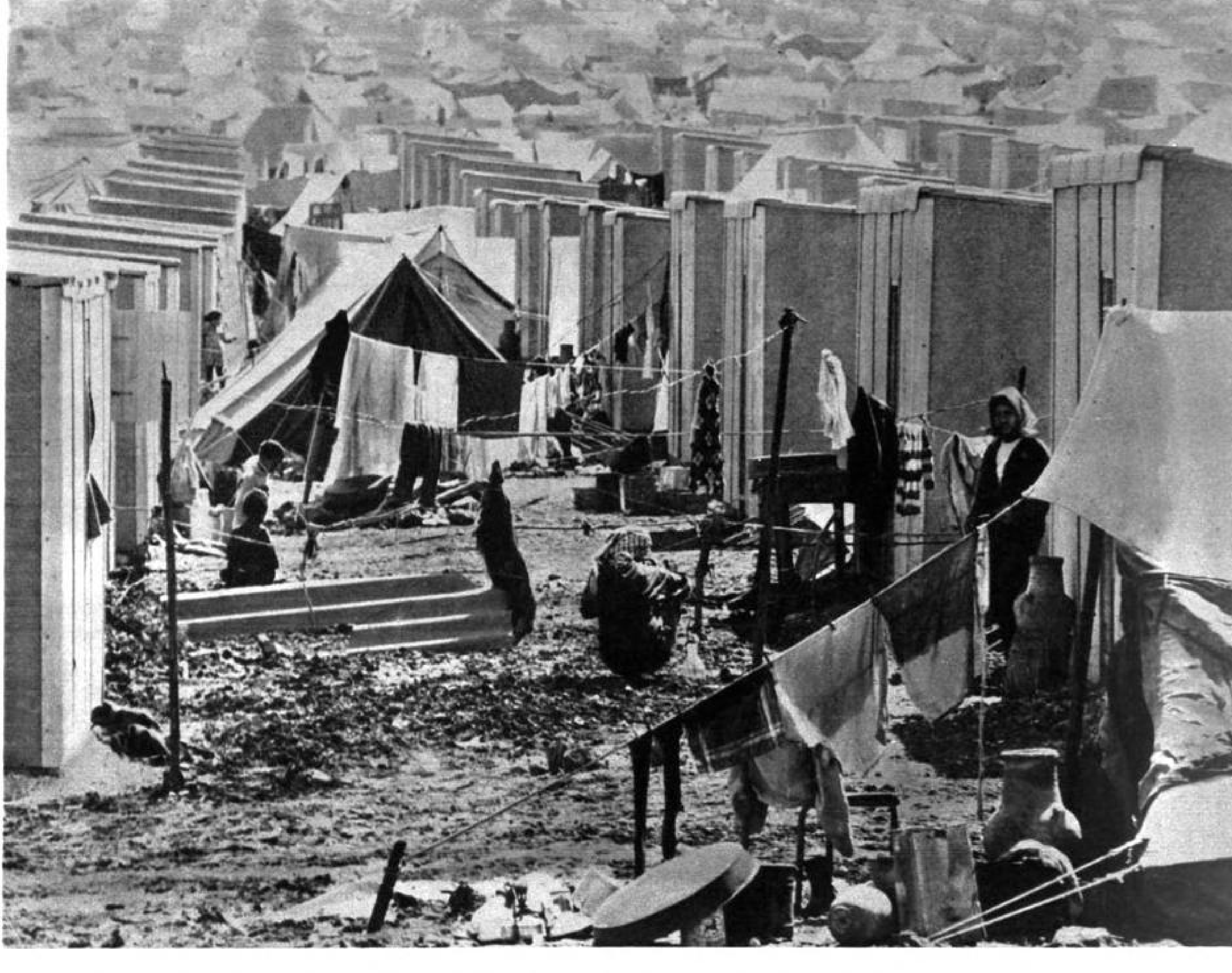
Проект резолюции XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, одобренной 10 декабря 1969 года, призывает Организацию Объединенных Наций принять энергичные меры, чтобы заставить Израиль предоставить палестинским арабским беженцам возможность вернуться к своим очагам в Палестине или выплатить им компенсацию. И, несмотря на ярость господина Текоа, представителя Израиля при ООН, заявившего, что для его правительства проблемы палестинских беженцев не существует, более ста делегаций высказались за эту резолюцию.

Сионистские правители Израиля стараются приписать арабским государствам свои собственные планы, когда утверждают, что проблема палестинских беженцев нужна арабским странам для «политической игры» и что поэтому-де арабы не заинтересованы в ее решении. Но здесь все поставлено с ног на голову. Как раз сионисты, израильские и заокеанские, определяющие нынешнюю политику Израиля, не хотят решения этой проблемы и стараются использовать ее в своих корыстных целях.

Будучи уверенными, что арабские страны не пойдут ни на какое соглашение в решении палестинского вопроса, Тель-Авив внушает евреям мысль о «постоянной угрозе» Израилю со стороны арабов. Эта «постоянная угроза» помогает Израилю околпачивать еврейские общины за рубежом и вымогать из них дополнительные валютные средства на осуществление своих агрессивных, милитаристских замыслов. Кроме того, эта «угроза» дает возможность Израилю вербовать сионистских фанатиков за рубежом в свою армию.

Попытки Израиля обвинить арабские страны в том, что они не хотят мирного решения ближневосточного кризиса, при рассмотрении фактов терпят полный провал. В интервью французской газете «Монд» 20 февраля этого года президент ОАР Гамаль Абдель Насер подтвердил готовность

ВОН !

Так живут арабские беженцы, лишенные крова израильскими сионистами.
Фото ЮПИ.

арабских стран выполнить резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года. Известно, что эта резолюция предусматривает как уход израильских войск с захваченных территорий, так и справедливое решение палестинского вопроса, и вместе с тем эта резолюция дает Израилю «гарантии его права на суверенное существование, мир и безопасность, а также гарантии свободы навигации израильских судов в Акабском заливе и по Суэцкому каналу». При этом президент ОАР подчеркнул, что если бы Израиль согласился с таким решением, то не было бы и разногласий, которые разделяют Израиль и ОАР. Это заявление президента Насера показывает, что Объединенная Арабская Республика далека от мысли, чтобы использовать проблему палестинских беженцев для «политической игры» с Израилем.

Тель-Авив предоставляет другим решать эту проблему, поэтому настаивает на расселении палестинских беженцев в соседних арабских странах. Кнессет так и постановил, «что единственно возможным решением этой проблемы является расселение беженцев в арабских странах».

Нынешняя обстановка на оккупированных Израилем арабских территориях становится все тревожнее и напряженнее. Не случайно министр обороны Израиля Моше Даян признал, что действия палестинских патриотов вынуждают Израиль принимать строжайшие меры предосторожности. «Они дерутся как львы»,— вынуждена была заявить крайне шовинистическая газета в Тель-Авиве после одного боя израильских парашютистов с бойцами палестинского сопротивления.

«Мы видели, как юноши из богатых семей отказывались от учебы в иностранных университетах, чтобы перебраться через Иордан и вступить на территорию, охраняемую Израилем, что было настоящим самоубийством»,— писал депутат израильского кнессета Ури Авнери в своей книге «Израиль без сионизма». Этим самым он давал оценку роста патриотических чувств среди палестинцев.

Справедливая борьба палестинских беженцев и их боевых организаций находит поддержку у всех прогрессивных людей, и в первую очередь в социалистических странах. В ноябре прошлого года в Заявлении о положении на Ближнем Востоке представители шести коммунистических партий и правительств социалистических стран подчеркнули, что «вместе с другими вопросами должен быть справедливо решен и вопрос об обеспечении законных прав и интересов арабского народа Палестины, который ведет мужественную национально-освободительную антиимпериалистическую борьбу».

Коммунисты Израиля занимают правильную позицию в вопросе о палестинских беженцах. «Сионистская, проимпериалистическая политика правителей Израиля,— сказал один из руководителей Компартии Израиля, депутат кнессета Эмиль Хабиби,— которая отрицает суверенные права палестинских арабов, ставит под угрозу также суверенные права самого Израиля».

Усилившиеся в последние недели вооруженные провокации израильской военщины против арабских стран, применение ею напалма против мирного, гражданского населения ОАР и проведение политики открытого геноцида на оккупированных территориях свидетельствуют о том, что господа сионисты нервничают и страх перед гневом честных людей мира толкает их на крайности.

Они изворачиваются, громогласно заявляют о своем стремлении к миру. Но если бы правящие круги Израиля желали мира, они бы давно открыто признали права палестинцев, вернули захваченные арабские земли, одним словом, выполнили бы резолюцию Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года.

Альтернативы нет. И если в Тель-Авиве этого еще не поняли, то время им разъяснит, что длительная, изнурительная и кровопролитная война может поставить под угрозу само существование израильского государства.

Сергей ДМИТРИЕВ

С оружием в руках отстаивают свои права арабские патриоты.
Фото из арабской прессы.

КОГДА РАЗУМ СПИТ...

И. А. КАССИРСКИЙ,
академик Академии медицинских наук СССР, профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР

Государство Израиль, возглавляемое экстремистами, все больше и больше накаляет атмосферу на Ближнем Востоке. Оно строит свою политику на эмоциях, на амбициях, а не на разуме. С библейским фанатизмом Даян и Голда Меир приносят в жертву свою молодежь, продолжая аннексировать большие территории арабских государств и держать в изгнании сотни тысяч палестинцев. В фанатических выступлениях Меир и Даяна причудливо переплетаются национальная ограниченность и желание играть роль разводящих международного империализма на Ближнем Востоке, провинциализм мышления и маниакальные потуги создать «Великий Израиль».

Один из офортов Гойи из серии «Капричос» назван «Когда разум спит, пробуждаются чудовища».

Последние дни принесли новые доказательства безрассудства лидеров правительства Израиля. Речь идет об обращении Меир к евреям СССР покинуть свою Родину и переехать в государство Израиль. Здесь интересно заметить, что израильские лидеры всячески доказывают всему миру, что они не претендовали и не претендуют на чужие территории, что они обороняются от стремящихся уничтожить их государство арабских стран, но элементарная логика позволяет разобраться в истине. Спрашивается, где же они собираются расселить около 8 миллионов евреев, которых они скликают со всего света в «землю обетованную»? Они мечтают о захвате земель. Они сами разоблачили себя!

Маскируя свои подлинные цели, Меир говорит о «защите евреев», которым будто бы угрожает бесправие в странах социализма. Я как врач-ученый за свою полувековую деятельность выработал один важный принцип подхода к диагностике и лечению больного. Я больше всего боюсь субъективизма и иллюзий — ведь речь идет о здоровье и жизни человека. Вы же, госпожа Меир, в своих действиях, которые связаны с жизнью и судьбами миллионов людей, находитесь целиком в сфере узкого националистического субъективизма и фантастических иллюзий, созданных в вашем воображении по «лучшим» образцам ветхозаветных талмудических и синагогальных устоев.

Ваши устои плюс амбициозность не позволяют вам судить о вещах и фактах, об исторических событиях, о социальных сдвигах и преобразованиях по большому счету. Вы копаетесь в грязном белье, в мелочах; вам как государственному деятелю не хватает масштабного, панорамного зрения. А всему человечеству известно, что Великая Октябрьская социалистическая революция принесла подлинную свободу всем народам России и в том числе евреям, что могучая и доблестная Советская Армия своею кровью спасла все человечество и многие народы, в том числе еврейский народ, от полного физического уничтожения фашистами. Но такова логика фальсификаторов истории: не питать уважения к фактам, злонамеренно извращать истину, искажать правду, подменять диалектику жизни софистикой. Рассудок в ваших суждениях уступает место ветхозаветным предрассудкам, а библейский религиозный фанатизм, который избран вами как одна из основ воспитания народа и его патриотизма, выступает у вас в роли советчика.

Россия — моя родина, а любовь к родине — одно из самых глубоких, всеобъемлющих, невытравимых чувств. Столетия мои предки жили в России, где они нашли приют. Мой дед солдатом в 60-е годы XIX столетия пришел в Среднюю Азию, мои родичи по 8 лет служили в Фергане в горной артиллерии, охраняя границы своей Родины, отец при Советской власти строил хлопковые заводы на Аму-Дарье, в гражданскую войну я вступил добровольцем в Первую Конную Армию Буденного, с которой прошел тысячи километров тяжелейшего боевого пути; я потерял брата на Уральском фронте, два моих брата сражались как офицеры под Сталинградом и на Курской дуге, один из них получил очень тяжелые ранения; двое из моих близких пали смертью храбрых. Их подвиги отмечены особыми приказами.

Я пишу о себе и о своих близких, но то же самое могут написать сотни тысяч евреев Советского Союза. Я, мой сын, мои внуки воспитаны в лучших традициях великой русской культуры, они говорят, думают, пишут на русском языке, мое и их интеллектуальное, общественно-эстетическое развитие, воспитание чувств шло и идет от Пушкина, Белинского, Чернышевского, Тургенева, Толстого, Горького, Репина, Сурикова, Левитана, Глинки, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, Шостаковича; наше новое, социалистическое мировоззрение связано с эпохой Ленина, с ленинизмом — куда же вы зовете нас? Мы хотим идти только вперед, а вы зовете назад.

В нашей любви к Советской Родине органически слились истинный патриотизм и пролетарский интернационализм, который, не игнорируя национальные особенности, отвергает национальную обособленность, ту узкую национальную ограниченность и особую, прерогативную исключительность, идею которой вы стараетесь привить своему народу в вашем государстве. Нам с вами не по пути!

Народы Советского Союза поиному понимают национальный вопрос. Специфика национального в условиях социализма состоит в развитии и обогащении интернационального, общечеловеческого, состоит в единстве и нерасторжимости интересов всех народов СССР, у которых одна Родина — Советский Союз, одна общая цель — построение нового, комму-

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАЧДИВ

К 75-летию со дня рождения.

Имя Василия Исидоровича Киквидзе еще при жизни стало легендой. За свою недолгую жизнь он удивительно много успел сделать и остался в памяти всех, кто знал его, солдатом революции, человеком беззаветного мужества, большой и светлой души. Бойцы называли его «железным начдивом». Враги как огня боялись Киквидзе, рассказывали невероятные на первый взгляд истории о красном командире, которого «пуля не берет, штык не колет». Впрочем, тем, кто испытал на себе силу ударов киквидзевцев, эти истории не казались фантастичными.

Все, кто сражался рядом с начдивом, не переставали удивляться его неиссякаемой энергии, неутомимости. Киквидзе прошел большую жизненную школу. Он родился 12 марта 1895 года в Кутаиси, который считался одним из центров революционного движения на Кавказе. Гимназия, в которой учился будущий полководец, находилась на особом счету у властей. Ученики ее распространяли листовки, вели агитацию среди населения. Частым гостем в казармах солдат был и Владимир Маяковский, которого любили все в гимназии. Васо Киквидзе доверяли задания, требующие сноровки, находчивости. Он умел пронести прокламации сквозь любой полицейский кордон. Когда после поражения революции пятого года полицейские ищейки начали усиленно разыскивать революционеров, Васо спрятал нелегальную литературу в подвале здания, в котором жил полковник жандармерии. Это был остроумный и безошибочный ход. Но в гимназии, хотя у учителей и не было прямых доказательств, Васо все-таки подозревали в распространении запрещенной литературы. В ноябре 1910 года Киквидзе был вычеркнут из списков гимназистов.

Он не прекращает революционной работы, углубленно изучает «бунтарские» книги. В первую мировую войну Киквидзе воевал на Юго-Западном фронте. За революционную пропаганду среди солдат его арестовали, обвинив в разложении армии, в преступной агитации против царя. Киквидзе грозила смертная казнь. Но суд так и не состоялся: Февральская революция открыла двери тюрьмы. Киквидзе избирают председателем солдатского комитета 6-й кавалерийской дивизии, а в ноябре он стал заместителем председателя Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта.

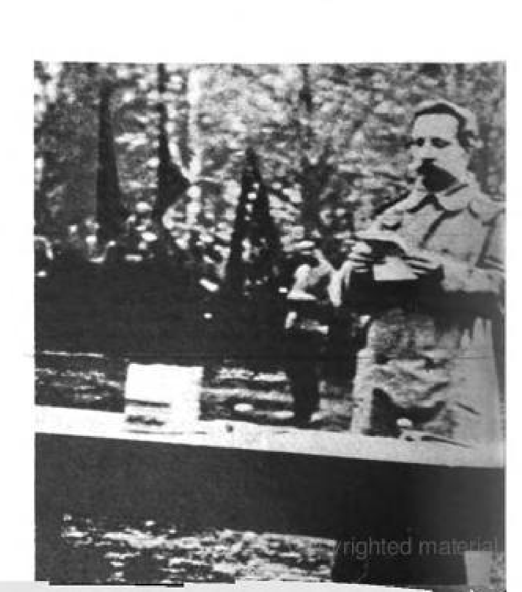
В последние дни 1917 года Василий Исидорович сформировал один из первых отрядов Красной гвардии, названный Ровенским социалистическим отрядом. В боях с гайдамаками и немецкими интервентами на Украине отряд креп, набирался опыта, и скоро из него была сформирована 16-я стрелковая дивизия. Всю вторую половину 1918 года дивизия провела в кровопролитных, почти непрерывных боях с белогвардейскими бандами на Южном фронте, на подступах к Царицыну.

Дивизия Киквидзе была поистине интернациональной. Рядом с русскими и украинцами, белорусами и грузинами в ее рядах сражались чехи, венгры, немцы, китайцы, югославы, австрийцы.

Душой дивизии был Киквидзе. В каждом бою проявлялись его поразительное мужество, феноменальная находчивость.

Много блистательных побед над красновцами одержала 16-я стрелковая дивизия. Как вспоминал старый большевик С. И. Аралов, Владимир Ильич Ленин знал о боевом пути дивизии, отзывался о Киквидзе как об одном из храбрейших красных командиров.

11 января 1919 года Киквидзе был смертельно ранен в боях на Дону, под хутором Зубриловом. После его гибели 16-й стрелковой

нистического общества, единое мировоззрение — вечно живое марксистско-ленинское учение.

Только эти священные, прогрессивные идеи человечества привели к тому, что после того, как В. И. Ленин подписал декрет об основании Среднеазиатского государственного университета, сотни русских ученых в 1920 году 50 дней ехали в Ташкент в теплушках, чтобы помочь среднеазиатским народам заложить основы большой науки впервые в Средней Азии. Я счастлив, что я помогал строить медицинский институт, что таскал кирпичи, что воспитал за 15 лет работы там и 35 лет работы в Москве кадры профессоров, среди них первые женщины — узбечки и таджички—профессора, доктора наук. Вот какими идеалами мы живем, господа даяны и меиры! И мы верим, что наступит время, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Мы, советские люди, составляющие единую и дружную интернациональную семью многонационального Советского Союза, поддерживаем наше правительство в его усилиях добиться мирного урегулирования на Ближнем Востоке. А вам, зарвавшимся фанатикам израильского экстремизма, мы говорим:

— Одумайтесь, пока не поздно! Не тянитесь к крови! Внемлите голосу трезвого разума! Госпоже Меир и воинственному Даяну, возомнившему себя Бонапартом, нелишне вспомнить, что сам Наполеон признался, что все империи погибали от «несварения желудка».

Ваше же приглашение перебраться к вам мы отвергаем с гневом. Мы жили и будем жить в Советском Союзе. Многонациональная семья советских народов непобедима! Она выдержала самые суровые испытания временем. Она сплочена вокруг Коммунистической партии, в которой, по выражению великого Ленина, воплощены ум, честь и совесть нашей эпохи.

дивизии было присвоено имя начдива.

Похоронен Киквидзе в Москве, на Ваганьковском кладбище, рядом со своими боевыми товарищами А. Железняковым и С. Медведовским.

Память о герое живет и поныне.

М. БУЗУКАШВИЛИ

На снимке: 16-я дивизия принимает присягу в Тамбове. Слева направо: наркомвоен Н. И. Подвойский и начдив В. И. Киквидзе.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЖОНГЛЕРСТВО

Николай ПАСТУХОВ

Ранним утром из отеля «Гавана Либре» можно увидеть в дымке морского горизонта силуэт американского крейсера, постоянно несущего вахту у северных берегов Кубы. Как-то в двадцатых числах февраля на балконе этого отеля я слушал по радио текст послания Никсона конгрессу «Внешняя политика США в 70-е годы» и смотрел туда, где маячил крейсер, туда, где всего в нескольких десятках километров то же самое море омывает южные берега Соединенных Штатов. Ощущение этой непосредственной близости от места, где вырабатывается глобальная стратегия империализма, рождало какое-то особое волнение и заставляло глубже вникать в каждую фразу послания.

Диктор американской радиостанции, артистически вибрируя голосовыми связками торжественно передавал общеизвестные истины как некое сенсационное откровение, призванное успокоить встревоженного американца, посеять иллюзии у людей за пределами США. Но полицейская тень, покачивающаяся на море, сообщения о разгуле агрессии на Ближнем Востоке и Индокитайском полуострове возвращали к реальной действительности. В конечном итоге послание не оставляло никаких сомнений в том, что это — очередное, тонко продуманное политическое жонглерство сорока тысячами пустых слов, которые, подобно каплям влаги, поднимающейся с моря, заволакивают туманом на весь день контуры американского военного корабля напротив «Гавана Либре».

При более внимательном рассмотрении текста послания Никсона становится очевидным, что президент США хочет убедить в важных изменениях, происшедших во внешней политике его страны, а именно: Соединенные Штаты выполняют якобы свои обязательства, но не будут больше брать на себя роль международного жандарма; в своих отношениях с другими странами они, видите ли, намереваются заменить отношения «господства» отношениями «сотрудничества». Как справедливо заявил на одном из последних заседаний парижского совещания по Вьетнаму член делегации ДРВ Нгуен Минь Ви, «просто, потерпев провал в своей политике вмешательства и агрессии во многих районах мира и, в частности, во Вьетнаме, администрация Никсона была вынуждена пересмотреть свою политику. Однако она продолжает осуществлять ее другими методами».

На Ближнем Востоке, например, США проводят ее руками тель-авивских агрессоров, полностью опираясь на свою агентуру в кругах международного сионизма. Не так давно президент Никсон, обращаясь к конференции руководителей сионистских организаций, откровенно заявил: «Соединенные Штаты остаются верными своим друзьям. Израиль — один из наших друзей». Он заверил сионистских лидеров, что США пристально следят за соотношением сил в районе Ближнего Востока и без всякого колебания предоставят оружие дружественным государствам (то есть Израилю). В данном случае это не были пустые слова. Тель-Авив получил новые партии «фантомов» и «скайхоков». Недавнее послание Никсона вновь вдохновило Тель-Авив. Об этом поспешила сообщить Голда Меир в своем интервью корреспонденту газеты «Вашингтон пост». Но ее вдохновение не носило чисто эмоционального характера. Оно выразилось в преступных актах — варварских бомбардировках пригородов Каира, мирных деревень Иордании и Ливана.

Генеральный секретарь ООН У Тан, направившийся на родину, в Бирму, отдохнуть после недавней напряженной сессии Генеральной ассамблеи, был вынужден срочно вернуться в штаб-квартиру ООН. Выражая в этой связи свое сожаление, бирманская газета «Ботатаун» считает, что причиной отъезда У Тана «явилось тревожное положение на Ближнем Востоке». Далее, анализируя это положение, газета пишет, что «США оказывают поддержку Израилю потому, что их не устраивают правительства арабских стран, проводящие политику национального развития и борьбы против империализма». Эту же мысль высказал недавно президент ОАР Гамаль Абдель Насер в интервью, которое он дал ряду иностранных газет. Вот что он заявил обозревателю газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймсу Рестону:

«Затем мы получили запись на пленку заявлений здешнего руководителя ЦРУ о замыслах США, направленных против нашего правительства. Мы арестовали этого человека, потому что он имел дело с одним египтянином, газетчиком. Соединенные Штаты пытались всеми средствами избавиться от нас. Вот почему они поддержали Израиль».

Что касается агрессии против вьетнамского народа, то послание президента Никсона и здесь не оставляет никаких сомнений о подлинных целях Соединенных Штатов. Обращает на себя внимание одна фраза Никсона: «Наши интересы должны определять наши обязательства». Это нечто новое. Ведь прежняя вашингтонская администрация оправдывала агрессию США против вьетнамского народа «обязательствами» перед сайгонским режимом, а вот сегодня на первый план выдвигаются «интересы» Соединенных Штатов. Видимо, эти «интересы» заставили недавно Пентагон включить в зону своих военных действий Лаос. Факты о новых агрессивных актах тщательно скрываются не только от американского народа, но даже и от конгресса. Цель этого очевидна — Вашингтон любой ценой желает затянуть агрессию на Индокитайском полуострове, уйти от мирного решения вьетнамской проблемы.

Такова суть послания Никсона и реальной внешней политики, которую проводят сегодня Соединенные Штаты. Изменилась фразеология, но остались прежними цели американского империализма.

СТРАНА ВЕЧНОГО СОЛНЦА

Поэты и художники называют Туркменистан «страной вечного солнца». Это, пожалуй, не гипербола. Самая южная в нашей стране республика по количеству ясных, сухих дней не уступает Калифорнии и Египту. Обилие света и тепла позволяет земледельцам выращивать на орошаемых землях по два-три урожая овощей и зерна в год. Даже такое теплолюбивое растение, как тонковолокнистый хлопчатник, приносит в Туркмении высокие урожаи и большие доходы. За успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, республика награждена орденом Ленина.

Нет в мире ковров лучше туркменских, каракуля чудеснее каракумского, дынь ароматнее «гуляби», скакунов резвее ахалтекинских.

Но все это не главные богатства моего народа. Созданы нефтедобывающая, химическая, нефтеперерабатывающая, электротехническая, машиностроительная и другие новые отрасли промышленности. В песках выросли города Небитдаг, Челекен, Безмеин... Сбылась давнишняя мечта туркменов: воды своенравной Аму-Дарьи орошают земли Мургабского и Тедженского оазисов, прикопетдагской равнины.

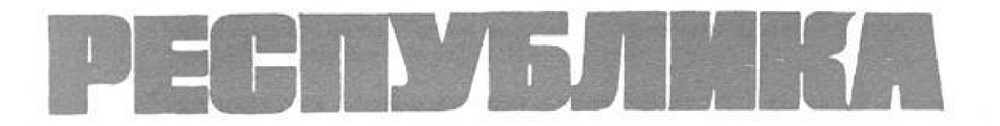
Население Туркмении, которое прежде было обречено на вымирание, за годы Советской власти увеличилось более чем в два раза. По рождаемости и приросту населения Туркменистан занимает одно из первых мест в мире.

В дореволюционном прошлом среди туркмен не было инженеров, врачей, артистов. Народ почти поголовно был неграмотным. Не было ни драмы, ни оперы, ни балета, ни эстрады, ни других видов театрального искусства. Все это сегодня есть. У нас своя Академия наук. Тысячи ученых плодотворно трудятся в научно-исследовательских институтах, на опытных станциях, в высших учебных заведениях.

Прекрасна наша республика.
Поэт о ней сказал так:

Любуясь на красу твою,
Как зачарованный, стою...
Я в честь твою дестан пою,
Счастливый край мой — солнца стан —
Туркменистан, Туркменистан!

Мамед БАДАЕВ,
редактор газеты
«Совет Туркменистаны»

КАРАКУМСКИЙ МИЛЛИОН

В 1918 году В. И. Ленин подписал исторический декрет об орошении в Туркестане и предсказал, что «орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Если бы Владимир Ильич мог видеть, какие плоды дал этот декрет, с каким размахом осуществляют его заветы, как сказочно преображаются туркменистанские пустыни и степи!

Вода Каракумского канала меняет облик огромных просторов туркменской земли. Зоной канала стал целый край. И не только там, где осваиваются новые земли, строятся совхозы, расширяются колхозные посевы. Уникальный машинный канал, перебросивший воды Аму-Дарьи в одряхлевший Мургаб, позволил поднять урожайность в десятках колхозов.

Сторицей вернул канал народу усилия и средства, затраченные на его строительство, щедро воздал героям, что прокладывали путь воде в пустыне. Каракумская река сейчас орошает более двухсот тысяч гектаров. В Тедженском и Гяурском оазисах в ближайшее пятилетие предстоит освоить еще 600 тысяч гектаров земель, создать более 30 совхозов. Представляете, какое там будет строительство! И на окраине Теджена сооружается огромный комбинат строительных материалов, один из самых крупных в стране.

Ю. ЮЛИН

Каракумский канал.

ПОТОМУ ЧТО БЕЗ ВОДЫ...

В Ашхабадском аэропорту стоит готовый к вылету транспортный самолет «ЛИ-2». К нему подкатывает большая автоцистерна с водой.

— Грузите две тонны,— распоряжается бортмеханик самолета Олег Эртелев.

Вода здесь — груз обычный. Ее заливают в баки, установленные на «ЛИ-2», и везут за сотни километров в пустыню — животноводам, нефтяникам, газовикам. Работу эту регулярно выполняют самолеты одного из лучших управлений Аэрофлота — Ашхабадского.

— Сегодня идем в Дарвазу. Обернемся за три часа,— говорит командир корабля Владимир Занудин.

...Летим низко. До самого горизонта тянутся барханы — зыбкие волны песчаного моря. Над ними водовоз «ЛИ-2» летает по нескольку раз в день. И так из месяца в месяц, из года в год...

— Нравится вам такая работа? — спрашиваю у летчиков.

— Работа наша не из легких,— говорит командир корабля.— Вот сейчас зимой мы с вами летим спокойно. А летом! От раскаленного песка поднимаются струи горячего воздуха. Очень сильная болтанка — треплет по шесть часов в день. А ориентиры в полете — лишь солончаки. Вон справа как раз такой ориентир. Мы его зовем «пиковый туз». Тем не менее молодые пилоты идут в водовозы охотно: полеты над пустыней для них хорошая школа.

В Дарвазе воду ценят. Даже зимой наш самолет разгружают аккуратно, стараясь не пролить ни капли. Прежде чем строить жилище, здесь роют в песке и цементируют емкость для воды. А к летчикам-водовозам относятся с глубочайшим почтением. Без воды не проживешь...

— Летом, в зной,— рассказывает командир,— когда сливаем из самолета воду, птицы прямо падают в струю. Ничего не боятся. Лишь бы жажду утолить. От работы своей мы получаем огромное удовлетворение. Видим, как нужна она людям.

Г. НЕПЕСОВ

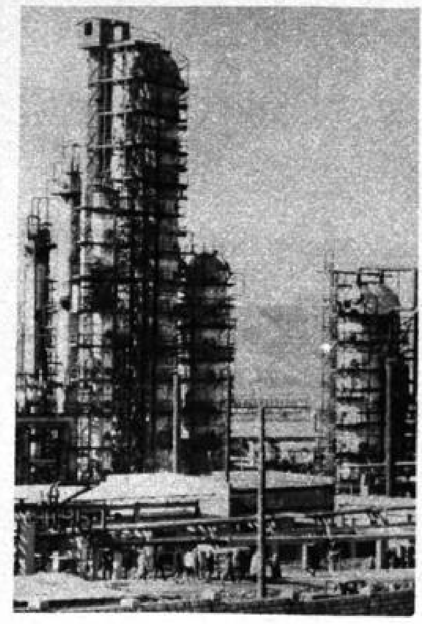
Фото А. Голикова.

А поиск продолжается

«Сообщите, как дела с челекенской нефтью и нефтью вообще» — это строки из телеграммы В. И. Ленина, посланной им 24 февраля 1920 года М. В. Фрунзе.

В Туркмении добывалось несколько тысяч пудов нефти в год. Черпали ее из глубоких колодцев, вручную. О том времени Максим Горький писал, что нефтяные промыслы остались в его памяти гениально сделанной картиной мрачного ада.

Неузнаваемо изменился за полвека облик промыслов. Теперь тут широко внедряются телемеханизация, автоматика, электробурение.

Красноводский нефтеперерабатывающий завод.

Нефтеразведчики в Каракумах.

С чем сравнить сегодняшний день нефтяной промышленности республики? В нынешнем году Туркменистан даст свыше 14 миллионов тонн черного золота. Это больше, чем добывалось во всей России до Октября. А поиск продолжается. Сейчас идет успешная разведка новых месторождений на 40 площадях, от Каспийского моря до Аму-Дарьи. И недалек тот день, когда мы будем чествовать героев открытия и освоения новых богатейших нефтяных и газовых промыслов.

Сбываются слова академика И. М. Губкина о том, что Нефтедаг, Запад Туркмении, должен стать одним из крупнейших и богатейших месторождений нефти мирового масштаба, мы можем получить здесь не отдельное нефтеносное месторождение, а целую нефтеносную область.

Р. ТОЙДЖАНОВ

Скоро лента асфальта пересечет пески.

Снимки Д. УХТОМСКОГО.

Прошли по трассе изыскатели

Через Каракумы караванной тропой много дней шел академик А. Е. Ферсман к серному заводу.

Сейчас так называется поселок, где живут рабочие геологических партий и буровых бригад, чабаны. К поселку ведет несколько дорог, правда, не асфальтированных, но вполне освоенных мощными грузовиками, которые доставляют в пустыню нефтяное и газовое оборудование, строительные материалы, горючее.

Но уже прошли по трассе будущей Каракумской автомагистрали изыскатели, и скоро лента асфальта пересечет пески, свяжет столицу республики с Ташаузским оазисом, пройдет через районы, перспективные на нефть, газ и другие полезные ископаемые.

Под натиском людей пустыня отступает. Теперь ее приметы — газовые магистрали, нефтепроводы, линии электропередач.

Ю. ТАГИЕВ

ЗОЛОТЫЕ СМУШКИ

Каракумы называют валютным цехом страны: отсюда идет на экспорт ценное сырье — прекрасные каракульские смушки. Многотысячные отары овец пасутся круглый год в пустыне. Почти в центре Каракумов, на колодце Аяз, пасет отары овец знатный чабан Акмамед Атакулиев из совхоза «Бахарден». Двадцать девять лет назад он взял первую отару и с тех пор не расстается с пустыней. В урочище Атабег стоит его дом, просторный, светлый. Хороший вырос поселок: тут есть школа, медпункт, магазин, библиотека, радиоузел. В Атабеге живут отец и старшие братья Акмамеда, тоже опытные чабаны совхоза.

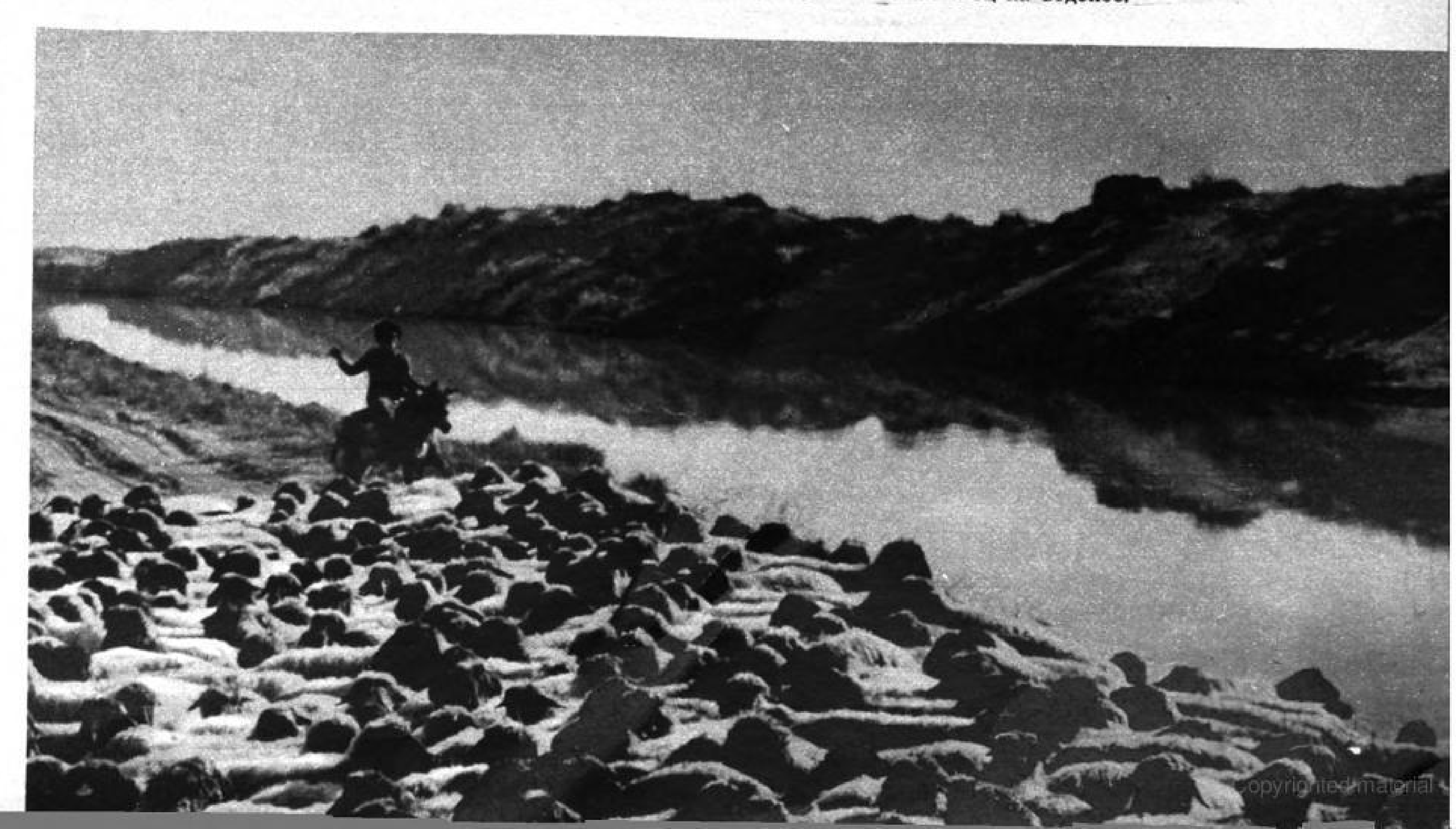
Перед нынешней зимой каракулеводы разработали четкий план передвижения отар, создали запасы кормов на случай буранов и снежных заносов. Подготовили кошары и укрытия.

Совхоз «Бахарден» ежегодно перевыполняет план по производству и по продаже государству каракуля, мяса, шерсти. Подача воды из глубоких колодцев здесь механизирована. В урочище Овезших работает солнечная опреснительная установка, созданная учеными Физико-технического института Академии наук Туркменской ССР в содружестве с Всесоюзным научно-исследовательским институтом источников тока. Это первая промышленная солнечная установка в Каракумах. Солнце из горько-соленой воды делает сладкую.

На мировом рынке туркменский каракуль давно пользуется огромным спросом. Более миллиона с четвертью каракульских смушек дала моя республика Родине в прошлом году. А нынче обещает произвести еще больше. Так решили каракулеводы, соревнующиеся за достойную встречу столетия со дня рождения В. И. Ленина.

А. КАРАЕВА

На снимке: отары каракульских овец на водопое.

ВСЕ ЗОЛОТО КОЛХИДЫ

НА СНИМКАХ:
Колхозники Абдул Барамидзе и Мухамед Сулейманович Атабаги из села Цонарисы, Батумского района.

Зеленый мыс. Санаторий «Аджария».

Кормление котиков в Батумском аквариуме.

Столица Аджарии — Батуми.

Махунцецкий водопад.

К. БАРЫКИН,

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО,

специальные корреспонденты «Огонька»

— А ведь едва ли найдешь сейчас в нашей республике метр необработанной земли,— говорил нам второй секретарь Аджарского обкома КПСС Л. М. Уклеба,— даже горные склоны используем. И колхидские болота продолжаем осушать. Посевные земли расширяются. Садов все больше.

В Батуми есть нефтеперерабатывающий завод. В этот район, к порту, еще в 1900 году проложили керосинопровод Баку — Батуми. А ныне здесь и завод. Большой. Когда строили (было это в первой пятилетке), говорили: «Гигант». Во всесоюзном масштабе гигант. Но сейчас он и по аджарским масштабам небольшое предприятие. В республике работает судостроительный завод, единственное в Европе кофеиновое предприятие, тунговый завод... И, конечно, чайные фабрики — 36 тысяч 700 тонн чая дали мы только в прошлом году. Посевные площади колхозов и совхозов ныне 7 998 гектаров. Две трети всех цитрусовых дает стране Аджария...

Пройдите по дорогам Аджарии, посмотрите, как живет народ, как работает...

Побеседовали мы с Леваном Михайловичем и отправились в путешествие по автономной республике Аджарии.

Километрах в тридцати от Батуми, вдоль побережья, протянулся светлой черточкой город-курорт Кобулети. А рядом с ним, чуть выше, километрах в двух от моря, находится удивительный совхоз. Выращивают здесь растения только лекарственные. Почти у каждого препарата, изготовленного из здешних растений, есть нечто общее: все они содержат вещества, поддерживающие в человеке бодрость, дающие ему силу.

Грядки алоэ, тысячи кустиков столетника. А вот уж совсем редкая вещь — плантация почечного чая. Редкая даже для Кобулетского совхоза. Я прошу директора Аслана Джемаловича Инайшвили рассказать о почечном чае. Но он говорит:

— Попросим лучше об этом Михаила Михайловича Молодожникова.

А почему именно его? Да потому, что историю этого растения тесно связывают с именем Михаила Михайловича, который и сейчас здесь работает.

...Еще в 1931 году к нам в страну попало несколько семян яванского чая. Молодожников, тогда еще не кандидат наук, а совсем молодой агроном, взялся акклиматизировать капризного иностранца. Ночей не спал, смотрел: нет ли ростка? И выходил-таки четыре семечка из семи. Проросли они, пошли в рост. Вот с них-то и начались эти 35 гектаров лечебного чая.

Около 500 лекарственных растений выращивают в Кобулетском совхозе лекарственных растений. Ежегодные экспедиции в горы и леса Закавказья, изучение флоры других республик пополняют эту коллекцию. Совсем недавно в ней появился стальник, растущий в долине Куры.

Из совхоза мы отправились на кофеиновый завод, который перерабатывает лекарственные растения. Именно здесь отходы обычного чая перегоняют в очень нужный медицинской промышленности кофеин. А белые шелковистые его снежинки дают и цитрамон, и пирамеин, и другие лекарства. В одном из цехов завода установлены огромные, по три куба каждый, медные чайники. В них-то и перегоняют чуть подсохшие, грубые листы чая и получают кофеин.

...На судостроительном заводе делают лимузины. Небольшие, очень комфортабельные, стремительные катера на подводных крыльях. Свою элегантность катер начинает приобретать где-то на двадцатом метре поточной линии. «Крылатый мастер» Шота Цинцадзе устанавливает крыло так, чтобы оно вынесло кораблик вверх, дало ему способность лететь над водой. Затем ставят мотор, руль — точь-в-точь такой, как у «Волги»,— и выкатывают готовый катер прямо на берег. Портальный кран опускает судно в Черное море. И испытатель Авни Сейдишвили выводит его на строгую мерную милю. На обычном шоссе все ясно: асфальт всегда асфальт. Черноморская же вода не отличается постоянством. Если скорость маловата или что-то не отвечает требованиям, катеру не миновать доделки. Но такого уж давно не было. Батумские лимузины служат не только на озерах, реках и морях нашей страны. Работают они в Финляндии и еще в тридцати пяти странах мира. Но привычнее всего им, конечно, в черноморской воде, поэтому не случайно болгары закупили целую партию этих катеров.

В краеведческом музее Батуми есть макет корабля. На нем приплывали когда-то аргонавты за колхидским золотым руном. Нынешние катера отличаются от корабля «Арго» не только тем, что у них не 50 весел, а один мотор, но и тем, что они золото не увозят, а привозят: это — золото медалей, присужденных за мастерство и конструкторам и рабочим-судостроителям.

Батумский аквариум — тоже вода. И тоже черноморская. И живут в ней радужная форель и змееголов, мидии, морские звезды, голотурии, тюлени, морские котики — для них даже искусственную льдину сделали.

Котики и тюлени обитают в этом аквариуме уже не первый год. С утра поднимают рев: требуют завтрак,— затем лезут в бассейн и плещутся весь день. В аквариуме создана среда, близкая к естественным условиям. В подводном этом мире живет 60 видов животных. И обитатели Черного моря и даже те, кого привезли сюда из других морей и океанов. Отдельный бассейн понадобился для медлительных стокилограммовых индийских черепах. С помощью аквариума изучают многие проблемы, связанные с хозяйственным освоением морских сокровищ. Научных сотрудников интересует и промысел тунца или барабульки, и возможность выращивания гибридов, и влияние морского промысла на моду. Оказывается, кожа небольшой черноморской акулы очень хороша для отделки фетровых шляпок.

В аквариуме есть и демонстрационный зал, где можно посмотреть сказочную золотую рыбку, батумскую шемаю и гибрид белуги и стерляди...

Задумали в Аджарии построить дельфинарий. Первый в нашей стране. Может быть, там откроют тайны и разгадают загадки дельфинов.

Батумской земле дождь нипочем: пористая, из не притершихся друг к другу мелких камешков, почва свободно пропускает воду, и даже после ливня кругом сухо. И здесь было бы сухо, но мандариновые деревья поймали воду, накопили ее в густоте листвы. Лишь дотронешься до ветки, как тебя обдает холодным душем. Вахтанг Сулейманович Чхеидзе, директор Ахалшенского цитрусового совхоза, невысокий, едва видный из накрывшего его до пят дождевика, укоризненно смотрит на небо: подвела погода, подвела. Урожай выдался неплохой, если на круг — тонн 420 мандаринов соберут. А то и 425. Но трудно в такую погоду работать на плантациях, очень трудно.

И Бежан Михайлович Беридзе подтверждает: трудно. А Беридзе тут и родился, и учился, и на пенсию ушел. Но и сегодня в совхоз утром приходят 250 рабочих и служащих и пенсионер Беридзе. Совсем не лишний человек в хозяйстве, нужный человек!

Если посмотреть на гору, склоны которой засажены чайными кустами, то кажется, что вовсе и не гора это, а бесконечная зеленая каракулевая шкурка: завиток к завитку, плотные, упругие, ухоженные. В Чакве работают люди знающие и трудолюбивые. А чай капризен и требует большой заботы. Жара ли, дождь ли — подоспели флеши, убирай. День пропустил, еще — зеленый листочек загрубел, и сколько потом над ним ни бейся, как ни крути, как ни старайся — не будет «экстры». Да что «экстра», дай бог получить первый сорт. Капризен грузинский чай.

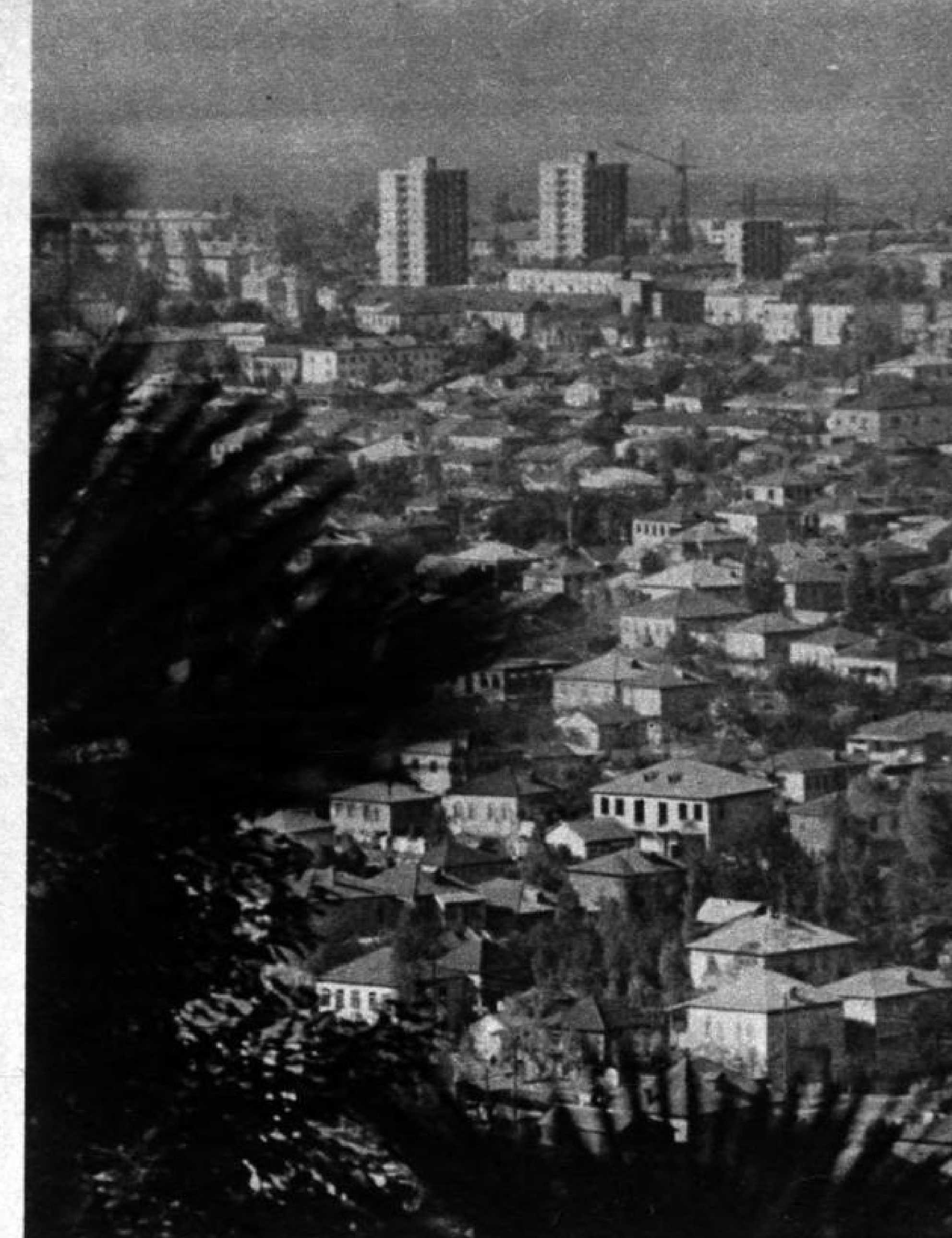
Но зато и хорош! Всякий хорош, а чаквинский мне показался особенно вкусным.

Директор совхоза Тенгиз Мамудович Джинчирадзе приглашает нас в автомобиль — пешему нелегко даже за неделю побывать на всех плантациях чаквинского совхоза. Тонны сортового зеленого, байхового черного чая, мандарины, лимоны, апельсины, тунг, благородный лавр. А роскошная бамбуковая плантация? Почти 60 гектаров бамбука! Деньги, растущие из земли со скоростью несколько десятков сантиметров в день. Бамбук «мосо», толстый, самый дорогой, пригодный и для мебели и на иные поделки, приносит совхозу 40 копеек с каждого метра. Тонкий бамбук, тот, что идет на удилища, лыжные палки, трости, подешевле.

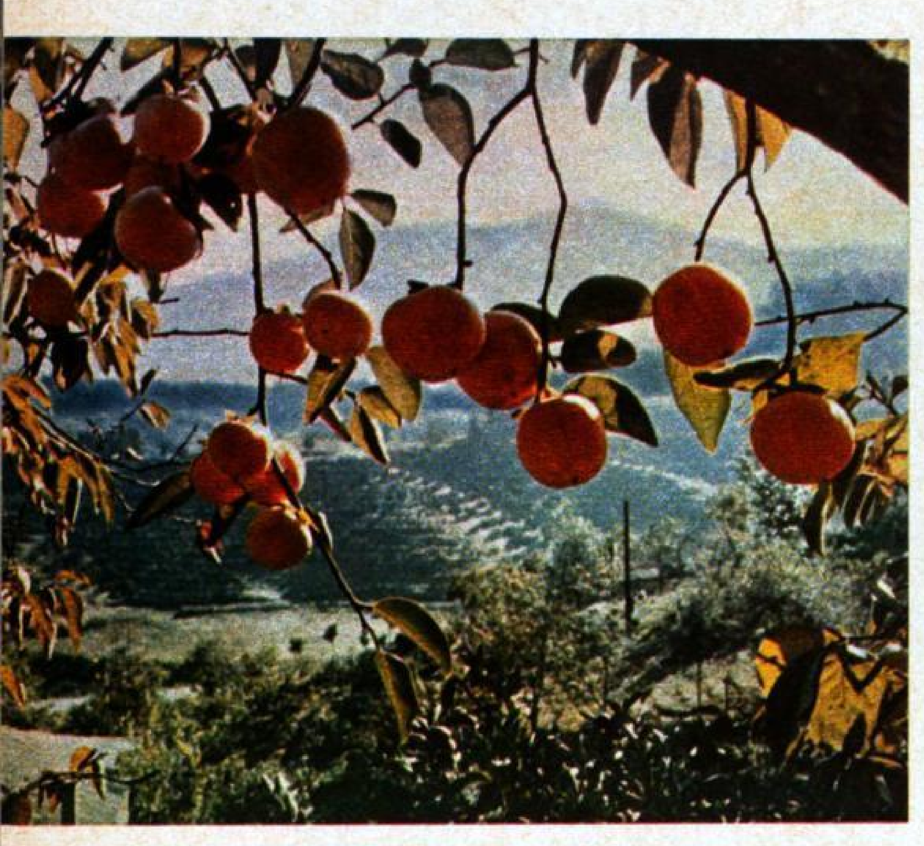
В Батуми есть район, который по привычке все еще нередко называют «чаоба» — болота. Давно нет болота, а стоят на его месте жилые дома, магазины. И, путешествуя по республике, видишь, как этот край, который едва ли не весь был «чаоба» и разносил по всему Закавказью малярию, стал теперь совсем иным.

С того времени, как Аджария получила по ленинскому декрету автономию, прошло, в сущности, не так уж много времени. Но не узнать в нынешней Аджарии прежнюю болотистую Колхиду. Все золото этого края создано его людьми, им и принадлежит.

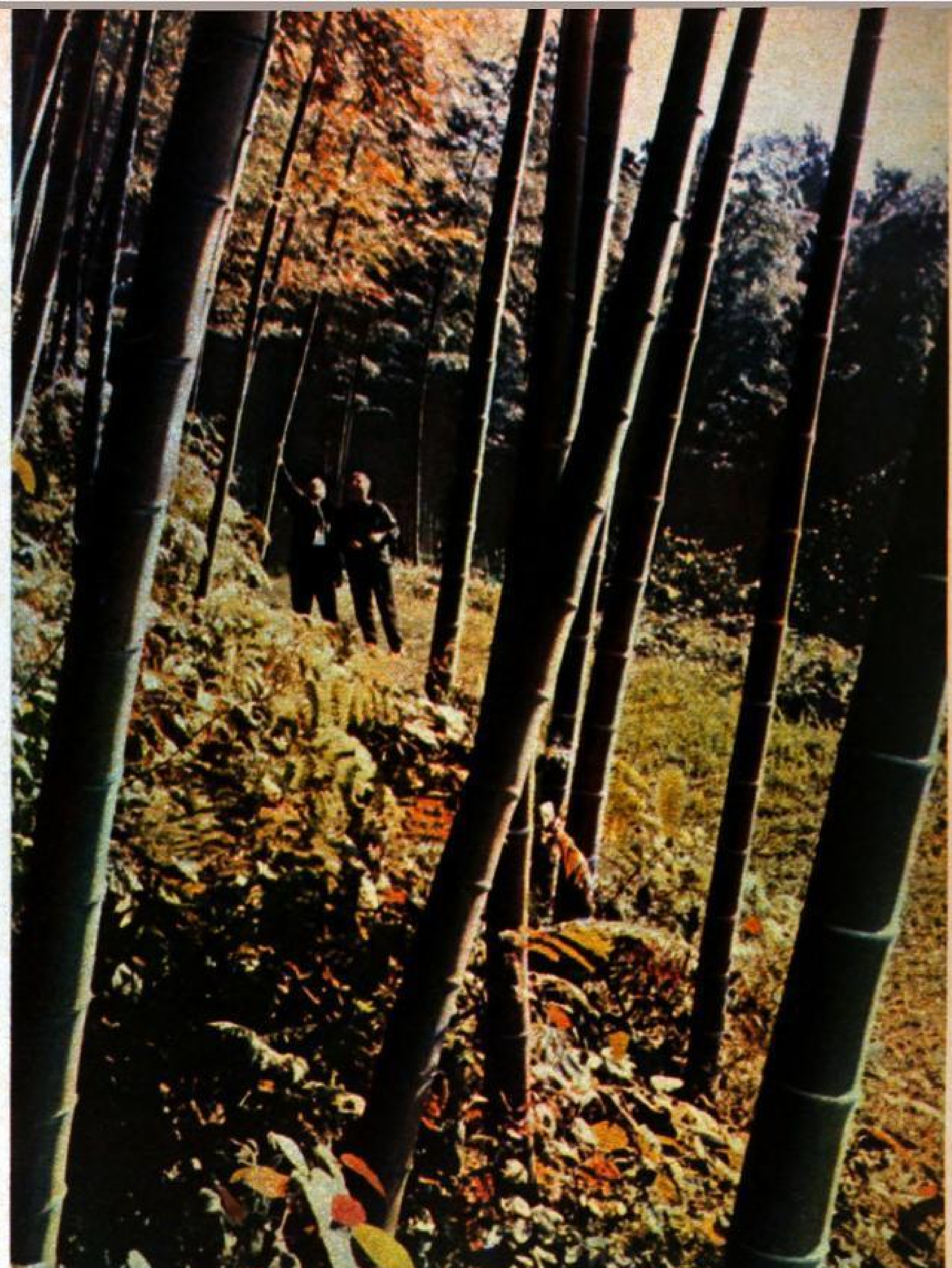

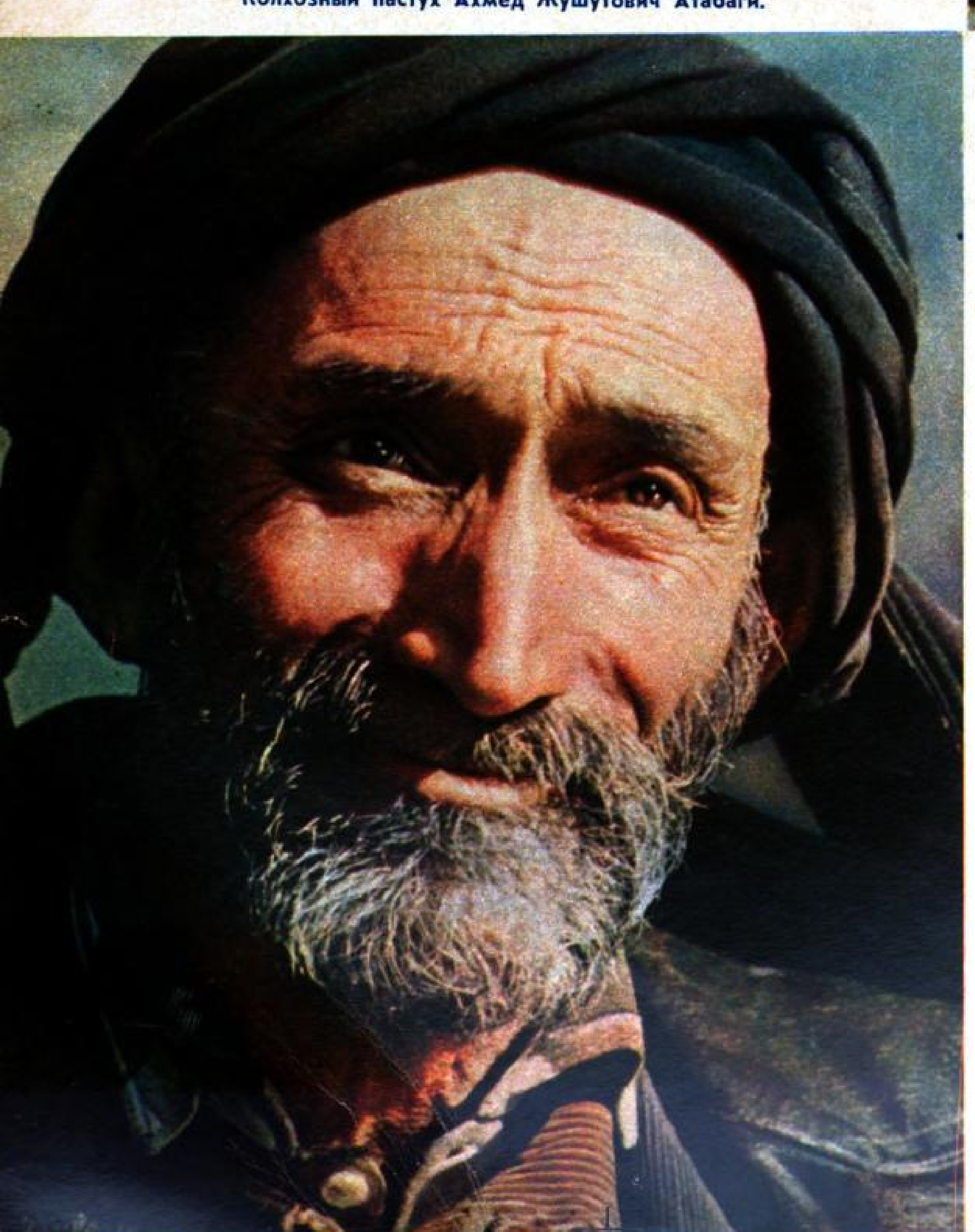
Чаква, Кобулетский район.

Бамбуковая роща в совхозе «Чаква».

Колхозный пастух Ахмед Жушутович Атабаги.

В Батумском порту.

Пелагея Никитична Прокофьева с дочерью Раей. Окончив школу, девушка пошла работать в родной колхоз.

ПОДВИГ

В Дуброво я приехал под вечер. В колхозной конторе пятый час подряд кипели страсти — шло заседание правления. Решался жизненно важный для колхоза вопрос — тактика и стратегия весенних работ. Главный стратег, бессменный, с 1944 года, председатель Пелагея Никитична Прокофьева — во главе стола. Говорит она мало, больше слушает. Но иногда решительно вступает в спор, и негромкий ее голос перекрывает шум. Тогда слушают ее, и по тому, как слушают, можно увидеть, с каким уважением к ней относятся. Когда заседание окончилось, Пелагея Никитична повела меня знакомиться с колхозным хозяйством. А потом не один час просидели мы с ней за чаем, неспешно беседовали. И тут я услышал ее рассказ о прошлом, рассказ, который надолго останется в моей памяти.

...Пахоту они завершили на закате неизвестно каких по счету суток, слившихся в один тяжкий, адов день. Они, словно чуда, ждали конца этого дня, ждали, когда примутся за последний сороковой гектар. На большее у них не хватило бы сил... И сама Пелагея Прокофьева, председатель этого странного бабьего колхоза, возникшего на пепелище родного Дуброва тотчас после ухода немца за дальний лес, на запад, тоже ждала чуда, тоже надеялась, тоже на рассвете впрягалась вместе со всеми и тащила тяжелый плуг... Временами Пелагее казалось, что не будет конца неравной схватке голодных, обессиленных людей с неподатливой землей. Но она находила в себе силы подбадривать других, казаться уверенной и даже веселой в минуты, когда хотелось кричать... Ночами было хуже. Ночами воспоминания тревожили душу. То она видела себя довоенной залихватской девчонкой на колесном «фордзоне-путиловце». Как же, Пелагея Прокофьева—первая в округе девушка-трактористка, последовательница знаменитой Паши Ангелиной. Эх, сейчас бы им тот допотопный «фордзон»! Но и его не было, не было даже худой лошаденки... А то вдруг вспоминала себя в белом подвенечном платье об руку с Алексеем. Где ты теперь, мой родной? Дважды «очевидцы» передавали ей, будто бы своими глазами видели его мертвым в окопе, потом — будто вели его немцы на расстрел. Нет, не верила она этим слухам, не верила, но все же выбегала порой из землянки на улицу, чтобы никто не заметил председательских слез... На черном небе висели все те же бесстрастные звезды, которые видели тяжкое горе оккупации, смелые партизанские рейды, побег Пелагеи из гестаповской тюрьмы во время бомбежки... А потом она шла в землянку, и мысли вновь возвращались к насущному, к тем сорока гектарам, которые непременно нужно вспахать и засеять. Это маленькое поле — их единственная надежда, их жизнь...

Последний гектар был вспахан, последняя горсть семян ушла в землю. Дружно взошли озимые, и жизнь в бабьем царстве стала почти нормальной.

Весна принесла великую радость победы над фашизмом. А в другие двери уже стучалась нежданная беда: их первое поле, с таким трудом возвращенное к жизни, погибло. Зимой выпало слишком мало снега, и озимые вымерзли. Надо было все начинать сначала. Только где брать семена, где найти новые силы и уверенность?..

С войны возвращались мужчины, смотрели на руины родного села и думали: пожалуй, здесь, в тылу, их женам пришлось даже потруднее, чем им самим на фронте. Многие воины вообще не вернулись в Дуброво, погибли в боях. Около пятисот человек недосчитался колхоз имени Калинина. Не вернулся и Алексей, но Пелагея Никитична по-прежнему не верила в его гибель. А он действительно был жив. Дважды контуженный, перенесший ленинградскую блокаду, трижды горевший в танке, политрук Алексей Прокофьев, весь закованный в гипс, лежал в это время в госпитале под Будапештом.

А жизнь в Дуброве шла вперед. Приходили новые трудности, и неведь откуда брались у людей новые силы. Наверное, прибавляла их сама родная земля, истосковавшаяся по мирному труду. Никогда раньше людьми не владела такая жажда жизни и счастья. В колхозе появилась ферма (восемь телок, четыре свиньи да несколько овец), и председательница затеяла первое послевоенное строительство. Сейчас от той фермы не осталось даже воспоминаний, но тогда она представлялась колхозникам настоящим богатством. Наверное, это было справедливо, как ныне справедливо другое. Современный колхоз имени Калинина — это добротные кирпичные фермы на полторы тысячи голов крупного рогатого скота. Это свыше семи тысяч гектаров земли, из которых три с половиной тысячи пахотной. Это лучшие в области урожаи льна и картофеля, миллионные доходы, веселые синие, коричневые, зеленые домики в деревнях с мачтами телеантенн над крышами и газовыми плитами в кухнях...

Я слушал рассказ Пелагеи Никитичны и думал: какое же событие было в ее жизни самым важным? Какой год самый радостный? Может, тот, когда узнала, что жив Алексей? Может быть, тот, когда ей присвоили звание Героя Социалистического Труда? Или когда колхоз имени Калинина впервые занял первое место в области? Или когда выросли и стали на ноги дети? А может, самым радостным был год, когда Прокофьеву наградили вторым орденом Ленина и почти одновременно такую же награду вручил всей Новгородской области член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов? Пелагея Никитична от имени новгородцев преподнесла хлеб-соль почетному гостю. А сколько радости принес председательнице недавно проходивший Третий Всесоюзный съезд колхозников, делегатом которого она была и который открыл новые горизонты. И в каждый из этих счастливых дней память неизбежно возвращала Пелагею Никитичну к предпоследнему военному году, к первому самому маленькому и самому трудному полю, к возрождению колхоза. И тут мне стало ясно, что ни один эпизод из жизни председательницы нельзя оторвать от другого, и впервые пришла ко мне мысль, что вся жизнь этой женщины, матери и государственного деятеля, есть подвиг. Потом эта мысль укрепилась окончательно...

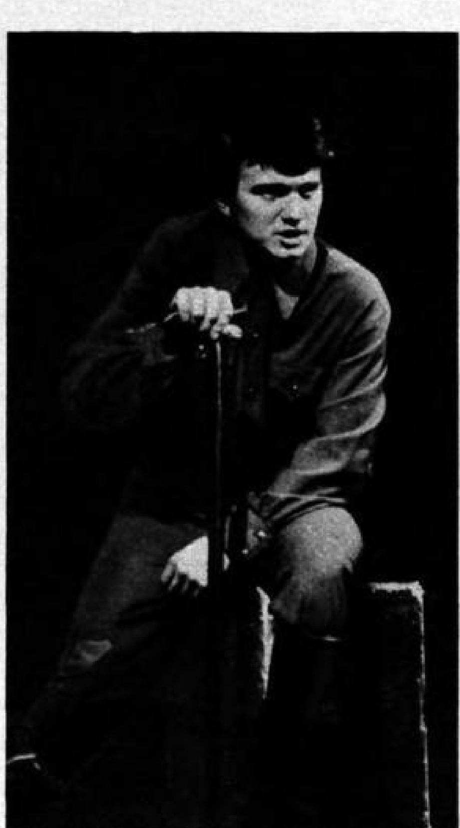
Ю. ЛУШИН
Фото автора.

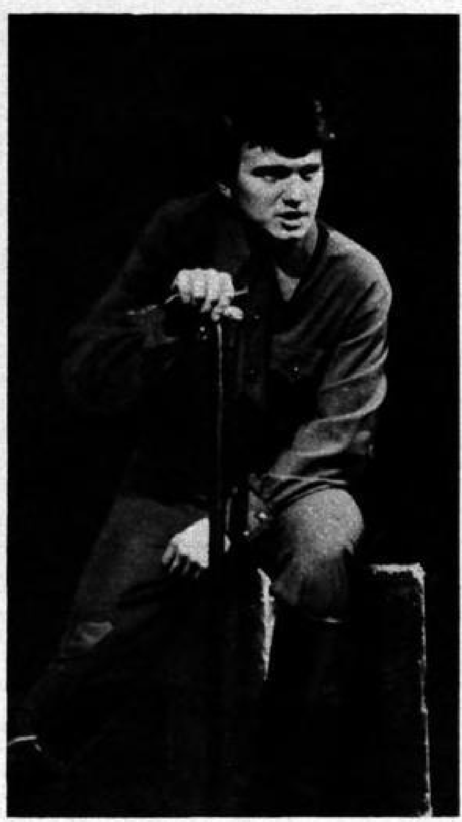

А. ШАПОШНИКОВА,
секретарь МГК КПСС

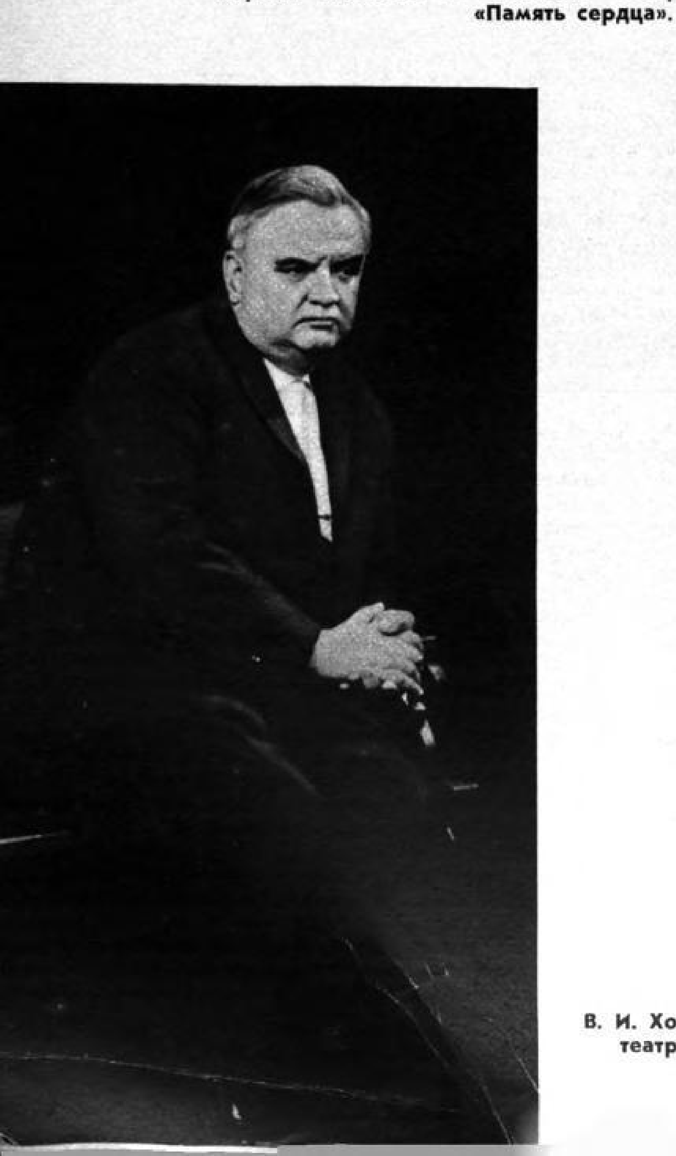
КОММ

Лариса Пашкова в спектакле Театра имени Вахтангова «Память сердца».
Фото Н. Гранова.

Александр Хотченков — Павка Корчагин в спектакле Центрального детского театра «Как закалялась сталь».
Фото Е. Умнова.

В. И. Хохряков в спектакле Малого театра «Твой дядя Миша».
Фото И. Ефимова.

Л. Марков в роли Мефодьева в спектакле «Мое сердце с тобой». Театр имени Моссовета.
Фото В. Петрусовой.

Состоять в партии коммунистов, созданной Лениным,— большая честь и большая ответственность для художников советской сцены.

В становлении творческой личности актера огромное влияние оказывает наша социалистическая действительность, идеи и дела Коммунистической партии.

Накануне великой даты ленинского юбилея партийные организации Москвы насчитывают более 800 тысяч коммунистов... Среди них особое место занимают коммунисты театров — актеры, режиссеры, художники, дирижеры, балетмейстеры. Они составляют боевой авангард, возглавляющий поступательное движение советского искусства. По нему равняются коллективы творческих организаций.

Надо ли доказывать, что коммунистическая принципиальность, активность передовой когорты деятелей столичной сцены особенно важны, особенно необходимы в нынешние дни, когда сама жизнь, все ее события ежеминутно подтверждают неоспоримую ленинскую мысль, что аполитичного искусства нигде в мире нет и быть не может. Каждый художник, хочет он того или нет, всегда стоит на определенных классовых позициях. Выражает и защищает их всей своей деятельностью, всей жизнью.

Велением самой жизни артист, художник советской сцены — это политик, борец. По мере того, как обостряется, принимает все более напряженный характер борьба двух миров, двух идеологий, значение советского искусства усиливается. Разве только слепые, равнодушные глаза сейчас не видят того, как велика роль искусства в борьбе за человека. За его сердце и ум. За его место в боевом строю. Сегодняшнее искусство сцены всем своим идейным содержанием и, конечно, отточенной, яркой, художественной формой должно отвечать важнейшим политическим задачам нашего народа, огромному размаху его свершений, его борьбы.

Таково, повторяю, главное назначение искусства. Таковы и его славные традиции.

Вспомним: уже на заре своего возникновения, с самых первых дней, советский театр стал театром Революции, театром народа, борющегося за Советскую власть, острым и верным оружием нашей партии. Невозможно без волнения перечитывать в «Хождении по мукам» Алексея Толстого, как Даша, приехавшая с Иваном Телегиным в полк, создает по поручению комиссара полковой театр.

«Комиссар очень заторопил с театром. Качалинский полк, пополненный и переобмундированный из скудных запасов царицынского интендантства, готовился вскорости выступить на фронт».

И как же сердечно откликнулись бойцы на чудесную выдумку своего комиссара! «В полку теперь только и говорили, что о театре... На лекциях вопросы сы-

УНИСТЫ ТЕАТРА

пались, как горный обвал,— красноармейцы хотели все знать... Увлекательна была повесть о давно прошедшем времени, о чужой стране, где вот так же люди, вздев на пику красный колпак, пошли напролом одни против всего мира».

А ведь после Великого Октября русским людям во главе с партией большевиков приходилось тоже обороняться чуть ли не от всего мира — от всех сил контрреволюции. Еще один замечательный наш писатель, Константин Федин, в романе «Необыкновенное лето» с волнением рассказывает, какое потрясение всех чувств вызывали спектакли у зрителей — людей, первый раз в жизни соприкоснувшихся с искусством.

«Там, на подмостках,— говорится в «Необыкновенном лете»,— господствовал произвол. Здесь, в зале, произвол вызывал возмущенье. В зале горела жажда справедливости. На подмостках справедливость преследовалась, и к ней рвалось через рампу неудержимое участие и сострадание зрителя...»

Пробуждение высоких чувств приподнимало не только зрителей. Актеры тоже становились активными бойцами Революции... Москва, многие ее драматурги, актеры, режиссеры могут по праву этим гордиться.

Важным представляется и то, что в Москве, в стенах старейшего русского театра, именующего себя Домом Щепкина, впервые пошел спектакль о героях Революции, о борющемся народе. С созданием этого спектакля метод искусства социалистического реализма на сцене стал основополагающим.

Я имею в виду бессмертное творение Малого театра — спектакль «Любовь Яровая».

Наиболее поразительной чертой этого произведения, которым, по сути дела, и началась история советского революционного театра, была редкая целостность сцены и зрительного зала. Их живое единство. Одинаково восхищаясь героями, одинаково любя их и сочувствуя им, актеры и зрители жили одной жизнью с героями, дышали одним воздухом с ними.

Впервые произошло органическое совпадение того, что мы называем «социальным заказом», с творческой реализацией этого заказа. Необходимость раскрыть важнейшую эпохальную тему революции полностью ответила и назревшей внутренней потребности художников театра: они стремились ответить на «заказ» своего героического времени искренне и широко, что называется, от всего сердца!

Наверное, стоит напомнить, что, играя Любовь Яровую, великая русская актриса, истинная дочь Малого театра, наследница традиций Ермоловой и Садовской, Вера Николаевна Пашенная закономерно обратилась мыслями к партии большевиков. Она стала впоследствии коммунисткой, как становились коммунистами, убежденными идейными борцами многие актеры, художники многих театров Москвы.

Уверенно шли они по пути дальнейших творческих свершений, рука об руку с Коммунистической партией, вдохновенно выполняя ее задачи. Многие и многие замечательные артисты — партийные и непартийные большевики— стали подлинными помощниками театральных партийных организаций в воспитании нового человека. Да, впрочем, это явление было характерно не только для Москвы, а для всех городов Советской страны, где вслед за столичной сценой театры показывали зрителям замечательные спектакли о революции: «Бронепоезд 14-69» и «Виринею», «Человека с ружьем» и «Интервенцию», «Оптимистическую трагедию» и «Нашествие», «Фронт» и «Кремлевские куранты», «День рождения Терезы» и «Третью, патетическую»...

Надо сказать, что созданная талантливейшим драматургом Н. Ф. Погодиным театральная Лениниана, ставшая сокровищницей советской сцены, тоже обошла не только почти все без исключения крупные профессиональные театры, но и стала достоянием и лучших народных театров.

Борис Щукин, первым сыгравший в Москве В. И. Ленина, а за ним москвичи М. М. Штраух и Б. А. Смирнов дали счастье видеть живой образ Ильича сотням тысяч зрителей. С огромным успехом проходят спектакли Ленинианы и в нашей стране и за рубежом.

Созидательная деятельность партии и народа, осмысленная с позиций не только художественных, но и политических, общественно важных, массовый героизм, проявленный в сражениях против фашистских захватчиков, историческая победа нашей страны в Великой Отечественной войне опять-таки «диктовали» театрам столицы форму и содержание новых, художественно значительных и высокоидейных спектаклей. В них снова театры вели разговор со своим зрителем о событиях, важных для всего народа, всего общества. О людях незаурядных. О настоящем человеке— положительном герое современности. Ненадуманный, естественный разговор этот, увлекающий атмосферой жизненной правды и высокого романтизма, нес зрителю необходимое ему слово о нем самом, о его силе и мужестве, о духовной его красоте...

Спору нет, далеко не каждый спектакль становится праздником сценического искусства. Бывали в столичных театрах и неудачи и срывы; случались бездумные, шаблонные повторы однажды найденного яркого приема... Однако не они составляют то лучшее, драгоценное, что свято бережет, о чем думает, подводя сегодня итоги своей деятельности перед встречей столетней годовщины со дня рождения В. И. Ленина, каждый театр Москвы.

* * *

Не ошибусь, если скажу, что нет в Москве ни одного театра, где партийная организация не обдумывала бы своих больших задач, встающих в связи со знаменательной ленинской датой. Своих важнейших обязанностей перед зрителями.

В каждом театре столицы проходят собрания, посвященные этому серьезному вопросу. Требовательно говорят на собраниях коммунисты о том, как идет подготовка к ленинскому юбилею.

Участие в собраниях приняли и первые секретари райкомов партии — Н. В. Ермаков, Е. А. Пирогов, Б. В. Покаржевский, и другие партийные работники...

В Государственном академическом Большом театре, известном всему миру своими замечательными творческими достижениями, с докладом выступил Б. В. Покаржевский, секретарь Свердловского районного комитета партии.

Партийная организация ГАБТ насчитывает около семисот коммунистов. Многие из них являются художественными руководителями, возглавляют напряженную творческую жизнь коллектива. Это режиссеры, балетмейстеры, хормейстеры, дирижеры... И на руководящие партийные посты в Большом театре избраны опять-таки известные всем зрителям крупнейшие художники: М. И. Чулаки, И. М. Туманов, А. Р. Томский, З. И. Анджапаридзе и многие другие. Деятельно включаясь в большую теоретическую работу по изучению марксизма-ленинизма, они показывают личный пример всей партийной организации.

Многие коммунисты ГАБТ, изучая марксизм-ленинизм по индивидуальным творческим планам, делятся опытом работы над произведениями Владимира Ильича; выступают с докладами на темы «Ленин о культуре и искусстве», «Роль социалистического реализма в борьбе за коммунизм»... Над содержательными, интересными темами увлеченно работают и слушатели филиала университета марксизма-ленинизма, существующего в стенах Большого театра. На четырех факультетах в университете занимается более 500 человек, из них 350 — творческие работники ГАБТ.

Теми же путями идет освоение глубокой сущности ленинских заветов о литературе и искусстве, изучение вопросов партийности и народности искусства во многих творческих коллективах. Успех всегда бывает результатом живого сочетания марксистско-ленинской теории с непосредственными, практическими задачами театров. Именно это и приносит им плодотворные итоги.

Вообще весь опыт партийной работы и партийной учебы коммунистов в театрах Москвы показывает, что поистине глубокое ознакомление с важными теоретическими проблемами марксизма-ленинизма необходимо теснейшим образом связывать с реальной жизнью, которой живет и волнуется каждый творческий коллектив. Только тогда теория становится для партийных организаций подлинной душой практики.

Более года назад Московский городской комитет партии принял решение «О руководстве Свердловского РК КПСС партийными организациями творческих коллективов и учреждений культуры». Решение это многим помогло, нацелив не только райкомы, но и самые партийные организации на воспитание у творческих работников высокой идейной убежденности, подлинной гражданственности, чувств советского патриотизма и пролетарского интернационализма. А ведь именно ради этих высоких целей и организуется изучение мировоззренческих дисциплин. Более того, их глубокое освоение коммунистами должно найти свое непременное, обязательное отражение в творческой практике театров! Иными словами, знание ленинских, партийных требований, предъявляемых к литературе и искусству, должно помочь созданию новых, полноценных сценических полотен, масштабных спектаклей, волнующих зрителя своей жизненной силой.

И, конечно, как я уже говорила, не только ГАБТ, но и ряд других московских театров могут сегодня с гордостью назвать имена замечательных артистов, которые, связывая теорию с практикой, успешно решают творческие задачи организации... Вот секретарь парткома МХАТа Ангелина Осиповна Степанова. Замечательную актрису знают все: она имеет свой особенный, неповторимый облик. Каждому москвичу-театралу хорошо известны роли, сыгранные Степановой. Да и не только москвичи знакомы с этой актрисой: вся страна знает ее по кинофильмам, достаточно напомнить хотя бы роль Анны Павловны Шерер, которую А. Степанова играет в фильме «Война и мир» С. Бондарчука.

Секретарем парткома Малого театра является Михаил Иванович Жаров, актер с таким же громким, известным именем. В Театре имени Ленинского комсомола членами партбюро избраны народная артистка СССР С. В. Гиацинтова и главный режиссер В. Б. Монахов... Николай Сличенко — энергичный секретарь партбюро театра «Ромэн». В Театре сатиры парторганизацию возглавляет Е. Кузнецов. Народный артист РСФСР Г. Слабиняк — секретарь парторганизации Театра имени Моссовета...

Можно было бы продолжить еще и дальше список имен актеров-коммунистов, руководителей парторганизаций, чьими творче-

Валентина САА КОВА

Улицы воспоминаний

ПЕРЕКРЕСТОК ЮНОСТИ

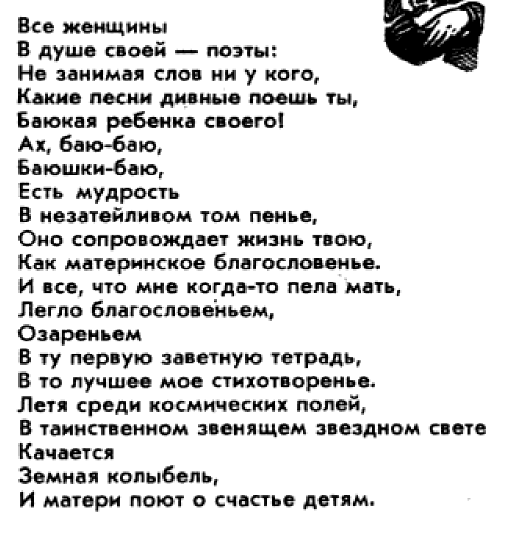
Моей любви,
Моей весны свидетель,
Седой ровесник незабытых дней,
Он мне, как веха памяти, приметен,
Тот перекресток юности моей.

Как беззаботно брошены портфели
У двух сплетенных временем корней!
И первый разговор сердец несмелый
На перекрестке юности моей...

Когда война вдруг погасила звезды
Над перекрестком юности моей,
Стал перекресток, словно перехлесток
На гимнастерке кожаных ремней.

Ты здесь с любовью нашей попрощался,
Чтобы живым не возвратиться к ней.
А может быть, ты тоже возвращался
На перекресток юности моей?

Иду одна под небом поседелым
На перекресток юности моей
И вижу чьи-то школьные портфели
У двух сплетенных временем корней.

ПЛОЩАДЬ ПАМЯТИ

Площадь памяти,
Площадь памяти,
На ресницах слезы дрожат.
Как три вскрика,
На сером камне
Три гвоздики красных лежат.
Площадь памяти,
Площадь памяти,
Это память стучит в виски.
К серым камням
Приходят матери,
Поседевшие от тоски.
А над ними
Стоят колоннами,
Отпечатаны в синеве,
Как застывшие похоронные,
Обелиски в честь сыновей.
Площадь памяти,
Площадь памяти,
Темной ночью и ясным днем
Будоражь ты людскую память
Негасимым своим огнем.
В рань весеннюю,
Зимней замятью,
Как по городу ни кружу,
Обязательно,
Площадь памяти,
На поклон к тебе прихожу.

* * *

Все женщины
В душе своей — поэты:
Не занимая слов ни у кого,
Какие песни дивные поешь ты,
Баюкая ребенка своего!
Ах, баю-баю,
Баюшки-баю,
Есть мудрость
В незатейливом том пенье,
Оно сопровождает жизнь твою,
Как материнское благословенье.
И все, что мне когда-то пела мать,
Легло благословеньем,
Озареньем
В ту первую заветную тетрадь,
В то лучшее мое стихотворенье.
Летя среди космических полей,
В таинственном звенящем звездном свете
Качается
Земная колыбель,
И матери поют о счастье детям.

* * *

Не увяданье, а горенье
В осенней ярости садов.
Оно, как поздняя любовь,
Как времени преодоленье.
Проходят сроки листопада,
И снегом пахнет на заре;
И все садам кого-то надо
Своим теплом последним греть.

скими усилиями, как, разумеется, и усилиями всего коллектива, создаются те спектакли, которые мы сегодня отбираем в золотой фонд советского искусства.

При всей строгости подхода к оценке этих спектаклей, режиссерских и актерских работ, думается, все же надо признать, что Москва, московская сцена и ныне создают много интересного, талантливого. Думается также, что среди режиссеров и актеров да и всех творческих работников московских театров с каждым днем все меньше остается людей, которые не понимали бы, что в наше время вопросы творчества вплотную связаны с вопросами идеологической борьбы. Напротив, все больше страстная убежденность, партийность творчества пронизывают деятельность театров, впрямую выражая мировоззрение художников сцены, позволяют видеть их отношение к окружающей действительности.

Каждый истинный талант по самой природе своей призван воздействовать на внутренний мир людей. Призван убеждать людей силой могучих переживаний, рождаемых творчеством. Убеждать в правоте дела Ленина, Коммунистической партии. Поэтому-то и самое творчество перестает быть «беспартийным». Его главной задачей становится большая цель: поднимать людей на подвиг во имя Родины, во имя борьбы с пережитками прошлого, с буржуазным влиянием; во имя светлого будущего.

Поднять Человека на высоту достойных его дел, помочь Человеку полностью выразить себя в жизни — благородная задача, достойная каждого истинного художника. А сегодня, больше чем когда-либо, искусство не может стоять в стороне от борьбы идей. Врезаясь в самую гущу этой борьбы, оно направляет ее, формирует убеждения человека-борца... Исчерпывающе сказал об этих задачах искусства Владимир Ильич Ленин в бессмертных строках своей статьи «Партийная организация и партийная литература». Ныне эта ленинская работа стала настольной книгой для многих людей московской сцены, стремящихся создать яркие и сильные образы современности.

* * *

Подобно Маяковскому, говорившему про свои стихи: «все сто томов моих партийных книжек»,— многие актеры и режиссеры Москвы тоже могли бы примерно так же сказать о себе, о своей работе: «все сто моих партийных ролей» или «все сто моих партийных спектаклей»...

Вызывает чувство глубокого уважения и признательности многолетняя творческая работа маститого художника Ю. А. Завадского, руководителя Театра имени Моссовета; так же как и работа Б. И. Равенских, возглавляющего коллектив Театра имени А. С. Пушкина.

Глубоко убежденными, партийными были почти все постановки покойного Рубена Николаевича Симонова, талантливейшего режиссера-вахтанговца. Не будучи членом партии, Р. Н. Симонов в то же время по-коммунистически страстно, непримиримо воевал со сцены Театра имени Вахтангова против «свинцовых мерзостей» прошлого. И столь же пылко, заразительно, с молодой влюбленностью утверждал победу нового, социалистического строя, горячо прославлял его борцов. Вспомним хотя бы «Конармию», спектакль, начиная с драматургии, целиком созданный самими вахтанговцами, как памятник простым людям, в чьей душе живут Революция и партия Ленина.

Все они герои. В этом и заключается главный смысл симоновского спектакля, его главная сверхзадача. Потому что крупный, масштабный герой, труженик, человек из народа был и остается главным в искусстве социалистического реализма.

Актер, играющий героя, выходит на сцену, найдя облик, духовные качества героя в самой жизни. Но ведь задача актера не просто скопировать эти качества. Ему предстоит многократно **усилить** их средствами искусства, обогатить за счет своего таланта и мастерства. А также и за счет мировоззрения, поскольку лишь убежденность актера может сделать героя убедительным.

Пустые глаза, еле слышный голос, небрежная походка — эта дань «модным», внешним, якобы «современным» приемам порою еще встречается в некоторых спектаклях Москвы. Но не такие «герои» покоряют сердца. Сцене и актеру, так же как зрителю, всегда требуется страсть и увлечение, заразительная душевная сила. «Безгеройный» спектакль искажает представление о нашей жизни. Тогда как подлинный герой, наделенный истинным гуманизмом и верой в будущее, формирует зрительские души, «подсказывает» людям нечто очень важное об их жизни, о борьбе, о гражданском долге... Достаточно напомнить, скажем, пламенного рыцаря гражданской войны,— начдива Гулевого, сыгранного Михаилом Ульяновым. Или скромного до застенчивости, но в душе неуступчивого, верного своему долгу Марко Бессмертного в замечательном исполнении Николая Гриценко из спектакля вахтанговцев

* * *

Сынам тесны родительские гнезда,
От доброго тепла привычных рук
Они уходят к женщинам и звездам,
В туман дорог и таинства наук.
Сынам взлетать в неведомые выси,
К своей заветной голубой звезде,
А матерям все ждать случайных писем
И молча в небо звездное глядеть...
И мне грустить об улетевшем сыне,
И письма редкие у сердца греть,
И мужеству учиться у России —
У самой любящей из матерей!

* * *

Сказал мне однажды
Приятель,
Ценитель словечка острого:
— Одну любить —
Значит жить
На необитаемом острове!

А если вокруг одной
Вселенная чувств
Вращается,
А если в любви одной,
Как в сердце,
Весь мир
Вмещается?

* * *

А что такое
Верная любовь?
Наитье,
Наважденье,
Ослепленье,

Когда душа полна одним тобой
Всегда одним тобой,
Без измененья.
С такой легко,
Она — подобье шор,
Ей не с кем
Ни сразиться,
Ни сравниться,—
А если без потерь,
Измен и ссор
Она вдруг
В равнодушье превратится?

* * *

А что такое
Трудная любовь?
Наука,
Озаренье,
Вечный бой,
Где только тот,
Кто боль потерь изведал,
Вкусит однажды
Горький мед победы!

* * *

Стыдиться ли
Кипения страстей,
Огонь желаний
Медленно беречь,—
Огонь украл однажды
Прометей,
Чтобы сердца
Любовью нам обжечь,
Я не таюсь,
Не прячу рук и губ,
Листву костров осенних
Жадно жгу,
Но бабочке,
Летящей на огонь,
Ты милосердно
Протяни ладонь.

* * *

Боюсь я одиночества души,
Что мне останется от мирозданья,
Когда твой голос властно заглушит
Осенней непогодью расставанья?
Всего страшнее на исходе дня
Одной остаться у порога ночи,—
Во имя всех печальных одиночеств,
Любимый мой,
Не покидай меня!

* * *

Я б согласилась
Раньше умереть,
Когда бы знать:
Меня ты не разлюбишь,
Я — навсегда,
И в женщине другой
Меня,
Одну меня
Ты видеть будешь!

* * *

Уйдет из жизни,
Но не из любви,
И скажет, уходя:
«А ты —
Живи!»
Она ушла.
Вам ветер слезы вытер,
Она ушла,
А вы,
А вы живите,
Ведь в вашей жизни
И она жива.
О, будьте счастливы,
Других любите,
И им при жизни,
Не скупясь, скажите
Все
Недосказанные ей слова!

* * *

Смеркается.
Поставлю два бокала
И хлеб в старинной хлебнице резной.
Стихи и ты
Приходят, как бывало,
Осенний вечер коротать со мной.
Присядь поближе, мне сегодня зябко,
Рукой дрожащей
Дождь стучит в окно,
Вино горчит...
Мой друг,
Прости хозяйку
За осени печальное вино!

* * *

По улицам воспоминаний,
По памяти живым мостам,
Иду из дальних расстояний
По сердцу дорогим местам,
И мне и радостно и больно
Встречаться, го́дам вопреки
С непозабытою любовью,
С наивной свежестью строки
В том первенце-стихотворенье,
Взволнованном, как крик души,
Которому хранишь ты верность,
Хоть сколько книг ни напиши!
Как важно снова возвратиться,
Дорогам подводя итог,
Хотя на миг, на тот порог,
Откуда начиналось житься!
На землю отчую,
На детство,
На все, чем память дорога,
Вдруг оглянуться,
Оглядеться,
Потом опять вперед шагать!

Сочи.

«Правда и кривда»... А как хороша Лариса Пашкова, играющая Катерину Михайловну в премьере вахтанговцев «Память сердца» А. Корнейчука!

Но разве одна только вахтанговская сцена знает образы столь масштабные! Не сходит со сцены Малого театра спектакль «Твой дядя Миша» Г. Мдивани, где большой душевной силой отличается образ старого большевика Ермакова, созданный В. Хохряковым. Его дядя Миша все время стремится уйти в тень, остаться незаметным. Зато мы, зрители, все более пристально и внимательно следим за ним: он становится для нас близким, родным человеком... А сколько замечательных образов создала на сцене Малого театра замечательная актриса-коммунистка Елена Николаевна Гоголева — человек величайшей творческой активности, неутомимая общественница, воспитательница молодежи!

С какой огромной силой внутренней, творческой отдачи живет на сцене МХАТа актриса-коммунистка Алла Константиновна Тарасова, играя совсем «простую» будто бы роль нашей современницы, женщины-матери в спектакле «Чти отца своего» В. Лаврентьева! Героиня Тарасовой связывает и укрепляет все отношения большой рабочей семьи Кичигиных. Мудрую «домоправительницу» эту Тарасова наделяет добрым и сильным сердцем: она становится на наших глазах настоящей хозяйкой жизни, а не рабой сложных обстоятельств...

Можно назвать еще роли, еще спектакли... Нельзя обойти молчанием «Мое сердце с тобой» Ю. Чепурина на сцене Театра имени Моссовета. Герой спектакля — председатель колхоза Мефодьев — наш современник, коммунист. Он тоже выступает не просто как хороший, добрый человек, а как устроитель и организатор жизни, неутомимый проводник идей партии, связанный с нею всеми помыслами. Театр имени Моссовета продолжил этим спектаклем свои лучшие традиции, напомнив зрителям о «Шторме», «Далях неоглядных», «Ленинградском проспекте» и многих других значительных постановках.

В театре «Современник», которым руководит одаренный Олег Ефремов, любовью зрителей неизменно пользуется артист П. Щербаков. Всегда радуют удачи А. Миронова в Театре сатиры, В. Золотухина — в Театре драмы и комедии, А. Хотченкова — в Центральном детском театре... Нет, невозможно перечислить творческие удачи, базирующиеся на фундаменте высокой духовной жизни актера...

* * *

К сожалению, афиша юбилейного сезона далеко не полностью отвечает своим задачам. Есть в Москве и «проходные», есть и откровенно «кассовые» спектакли. То тут, то там появляются пьесы, не отличающиеся ни высотой идейного содержания, ни художественной полнотой образов, явно рассчитанные на «моду», на вкусы нетребовательного зрителя. А ведь столичным коллективам нельзя забывать, что по их постановкам «равняются» иногда театры других городов....

Следовательно, первейшей задачей партийных организаций театров Москвы как была, так и остается упорная идеологическая работа. Такая работа, которая была бы направлена одновременно и на воспитание зрителя и на воспитание тех, кто этого зрителя воспитывает. То есть на воспитание самих работников театра, художников сцены...

Только так, полностью отдавая себе отчет в необходимости весьма сложной, идеологической работы, театры могут достойно встретить великую юбилейную дату. И многое еще надо сделать, многое успеть всем театрам Москвы, всем партийным и непартийным большевикам московской сцены.

Все до единого театры Москвы примут самое деятельное участие в ленинском субботнике. А это — мероприятие поистине грандиозное. Каждый московский театр обязался дать в день ленинского юбилея один из своих лучших спектаклей. Сборы целиком поступят в фонд пятилетки.

Кроме этого, театры столицы проведут творческие отчеты,— разумеется, в самой живой и интересной форме — на предприятиях, в институтах, учреждениях, носящих имя Владимира Ильича Ленина. Выступят с юбилейными концертами артисты Москвы и там, где приходилось бывать Ильичу, а это в общей сложности опять-таки несколько десятков предприятий... Предстоят творческие встречи актеров с тружениками тех коллективов, которые получат юбилейные ленинские грамоты за успехи в соревновании, проходящем накануне великой даты.

Все это еще более укрепит дружбу творческих деятелей московской сцены со зрителями, а значит, еще более повысит тонус партийной работы...

Московский городской комитет партии видит свою задачу в том, чтобы постоянно помогать партийным организациям театров поднимать все выше и выше звание коммуниста, партийность и идейность спектаклей.

Салют, компаньера Аль

Новелла ЦВЕТКОВА

...Певец был немолод. Смуглое и худое лицо его рассекали глубокие, словно шрамы, морщины. Полузакрыв глаза, он ласково касался струн гитары, и люди, сидевшие вокруг за грубо сколоченными столами, покачиваясь в такт песне, повторяли вслед за ним: «Завтра, едва ночь украсится звездами, я увижу тебя и скажу «люблю». Но это будет только завтра, а сейчас я одинок, и в сердце моем печаль».

За старинной мексиканской песней он спел меланхоличную испанскую балладу, потом задорную кукарачу и вдруг замер, прислушиваясь к глухому рокоту тамбора. Рокот приближался, нарастал, и вот уже в душный полумрак ворвались огненные африканские ритмы. И заплясал, заметался по стенам, вырвавшись из дрогнувших рук старика мулата, что сидел в будке осветителя, оранжевый сноп света. Казалось, в этот миг все сорвалось с места и пустилось в немыслимый танец, и, не выдержав натиска его, вот-вот рухнет, рассыплется этот легкий, укрытый тростниковой крышей домик.

Отбросив в сторону гитару, которую он только что ласкал так бережно и нежно, певец запрокинул голову и, воздев вверх руки, запел что-то удивительно трепетное, ликующе-тревожное.

Взбудораженная, потрясенная, молча сидела я в полумраке маленького придорожного ресторанчика. Впервые за дни моего путешествия по острову Свободы, только сегодня, здесь, сейчас, раскрылось передо мною сердце этой страны.

Я рассказываю об этом Альбе, и она задумчиво кивает в ответ.

— Да, да, понимаю... Знаешь, а ведь со мною тоже было такое. Примерно через два года после того, как я приехала учиться в Киев. Однажды начала по-русски читать «Петра Первого» Алексея Толстого. Читала — и у меня было такое чувство, будто вдруг поднялся занавес и я увидела наконец самое главное — душу русского народа. Потом, во второй раз, то же я испытала на целине: это было для меня новое открытие Советского Союза.

В соседней комнате, осторожно позвякивая посудой, Мария-Луиза накрывала на стол.

— Знаешь, что мне больше всего нравится в вас? Вы умеете жить широко. Не помню, у кого из советских поэтов есть удивительные строки: в них говорится о том, что и в бою приходит весна...

Легким движением Альба поправила сбившуюся прядь волос.

— Когда я ехала к вам учиться, мне думалось: какие же они все-таки, советские? Что же дало им силу выстоять в той страшной фашистской буре? Выстоять и победить! Теперь знаю: вы не умеете жить вполсилы, оставляя что-то на потом. И даже когда невыразимо трудно, умеете мечтать и бороться за мечту, и вот это, по-моему, и есть советский характер.

— Дочка,— позвала Мария-Луиза,— зови-ка гостью чай пить, а то остынет совсем.

— Чай! Чай! Чай!— весело отозвалась Альба и тут же потащила меня в соседнюю комнату, к столу.— Учти, чаепитие в доме — мое достижение. Мы, кубинцы, не очень-то увлекаемся чаем, но своих — и маму и Ильяса — я все-таки к нему приучила.

И мечтательно, со вкусом добавила:

— Эх, самоварчик бы сейчас сюда! Мне ребята в институте подарили настоящий тульский пузач, еще дореволюционный. Но тяжеленный был, ужас, и пришлось его оставить. И вот до сих пор жалею об этом...

Мать и дочь внешне совсем не похожи друг на друга. Смуглокожая, длинноногая Альба вся в отца. А Мария-Луиза, накинь ей на седые волосы черное кружево, настоящая испанская сеньора со старинной картины. Посмотришь на нее — и ни за что не придет в голову, что сеньора эта вот уже почти сорок лет в рядах коммунистов Кубы и что не так уж давно, всего одиннадцать лет назад, за ней охотились батистовские ищейки.

...Однажды они все-таки выследили ее. Альба помнит тот день.

— Ночью к нам постучали. Я открыла дверь. «Мария-Луиза дома? Быстро одеться и следовать за нами!» Ее увели, и несколько дней мы ничего не знали о ее судьбе. Потом она вернулась, чтобы, как и отец, на долгие годы уйти в подполье. А перед уходом мать отвела меня к друзьям: «Вот моя Альба. Она уже большая, и ей можно доверять наше дело». Тогда мне только исполнилось четырнадцать и я была членом организации Социалистическая молодежь Кубы.

Да, внешне они совсем не были похожими друг на друга. Но чем ближе, чем больше узнавала я Альбу, тем больше понимала, отчего же все-таки в моем представлении они всегда были вместе — мать и дочь. С той, самой первой нашей встречи.

...Это было на второй день моего приезда в Гавану. Разыскивая кубинцев, окончивших советский институт, я получила адрес одного из них. И вот светлый двухэтажный дом с пальмами у входа.

Я оказалась в комнате, заполненной книгами. На стене висел большой портрет Фиделя. Рядом — цветная репродукция: Рауль Кастро выступает на митинге. Другая стена комнаты была «русской», с портретом Ильича, фотографией студенческой группы Киевского политехнического института и пришпиленной к стене кнопками почетной грамотой, выданной студентке Альбе Солер «за добросовестное отношение к труду и хорошую работу в совхозе имени Фрунзе, Сакского района, Крымской области». На столике, перед дверью, серьезно и задумчиво смотрела на меня с портрета темноглазая девушка в вязаном платке.

— А журналисты, я вижу, зря время не теряют, уже собирают материал!

Я обернулась. Передо мною стояла девушка, похожая и не похожая на ту, в вязаном платке. Оранжевые ситцевые брюки и такая же кофточка...

— Знаю, знаю, сейчас пойдут расспросы: «Ваша любимая книга, как вы представляете себе счастье?»— с ходу обезоружила она меня мягкой иронией. И, забравшись с ногами на диван, пояснила: — Секреты ваши я хорошо знаю потому, что мой муж — журналист.

Убедившись, что не будет ни интервью, ни блокнотов, Альба обрадовалась:

— Давай поговорим просто так, для души. Ты бывала когда-нибудь в Киеве? Это такой город...

Но беседы не получилось. Помешал очень молодой «компаньеро профессор». Он явился на очередное занятие английским языком к своей ученице.

— Извините, но занятия она никак не может отложить,— сказала мать Альбы.— К ним на завод пришла на английском языке документация на новое оборудование. И пришлось дочке засесть за учебники.

Вот так и получилось, что в первую встречу с Альбой мне рассказала о ней Мария-Луиза.

Она принесла откуда-то коробку любительских фотографий дочери и высыпала их на стол. Больше всего в коробке оказалось целинных снимков.

— О, целина — это целая эпоха в ее жизни!— перебирая снимки, вспоминала мать.— Я получала тогда от Альбы восторженные письма. Знаете, сколько у нее там друзей?

Я слушала ее и вспоминала тех, с кем когда-то сидела на лекциях в Большой коммунистической аудитории Московского университета: чеха Мирослава, болгарку Светлу, словака Владо... Теперь они уважаемые люди, авторы учебников и книг. У них уже школьники-дети. Но когда выпадает командировка в Москву, они, встречаясь с друзьями студенческих лет, снова перечитывают советскую страничку своей биографии, вспоминают коллоквиумы, вечера в общежитии на Стромынке, культпоходы в театр, потому что все это для них не просто юность, а время открытия мира.

...Через несколько дней я приехала к Альбе на завод. Кончился день, невыносимо душный даже в эту зимнюю гаванскую пору. В проходной, за воротами с надписью «Кубана де асеро» («Стальная кубинка»), нас остановила пожилая мулатка в форме милисиано и сняла трубку: «Компаньера Солер? К вам тут пришли...»

В списке заводских милисиано я увидела знакомую фамилию. Значит, завтра с восьми до одиннадцати вечера инженер Альба Солер возьмет в руки карабин и отправится охранять свой завод, и Ильяс, вернувшись домой, будет ворчать, что жены опять нет дома.

Инженер Солер вошла незаметно, окликнула меня и с деловой поспешностью повела по заводскому двору, заваленному какими-то балками и металлоконструкциями.

— У нас тут в самом разгаре работы по переоборудованию цехов,— перепрыгивая через препятствия, объясняла она,— ведь завод-то нам достался старенький. Его пятьдесят лет назад основала одна американская компания. Здесь делались железоконструкции, а потом в Штатах собирались железнодорожные вагоны. Незадолго до революции хозяин решил закрыть завод: ему невыгодно было обновлять устаревшее оборудование. Он хотел продать часть земли, а на остальной понастроить коттеджи для туристов. Но революция вмешалась в его планы. На другой день после ее победы рабочие пришли на завод и добровольно, без всякого начальства начали работать. Все, что удавалось заработать первое время, делилось поровну... Ну, а теперь мы делаем тут сельскохозяйственные машины для нашей Кубы.

Путешествие по заводу в обществе такого гида оказалось непростым делом. «Салют, Альба!», «Заходи к нам, компаньера!», «Как дела, инженер?»— слышалось со всех сторон, и Альба останавливалась. С одними пошутит, другим улыбнется, третьим принимается что-то серьезно и обстоятельно втолковывать.

Мы ходили из цеха в цех, и Альба знакомила меня со своими товарищами, специалистами, техниками. Я обратила внимание: среди них не было ни одной женщины. В кабинете главного инженера, не выдержав, спросила:

БА!

— Как же так, завод называется «Стальная кубинка», а кубинок среди специалистов что-то и не видно...

Главный инженер развел руками.

— Верно, пока нет. Но будут, непременно будут и инженеры и технологи. А пока,— он обернулся в сторону Альбы,— пока вот она у нас первая и единственная в истории завода женщина-инженер. У нас на Кубе эмансипация женщины не такое простое дело.

Да, это не просто. Об этом я уже слышала от Альбы. «Она молодец, наша Альба,— сказал мне о ней старый инженер, единственный из прежних инженеров, который остался на заводе после революции.— Тридцать лет я работаю на этом заводе. Прежде бывало женщины работали здесь машинистками или где-нибудь в бюро... Но чтобы женщина стала ведущим инженером, да еще к тому же небелая женщина?.. Нет, такого прежде и быть не могло!»

Да, совсем еще недавно женщина здесь была в полной материальной и моральной зависимости от мужчины. Десятки лет мировоззрение кубинских женщин складывалось под влиянием стародавних испанских традиций, воспевающих превыше всего послушание мужчине. «Культ мужчин» долгое время диктовал условия жизни женщинам. Только революция 1 января 1959 года принесла женщине свободу. Добившись законного равноправия, освобожденная экономически, кубинская женщина ведет сейчас борьбу — за полное равенство.

Это совсем не просто — преодолеть психологический барьер, барьер предубеждения, воздвигнутый десятилетиями. И все-таки примета сегодняшней Кубы — жадное стремление женщины острова Свободы к самоутверждению, к осознанию в себе личности, творца, созидателя. И хотя пока еще их, таких, как Альба, молодых и грамотных командиров производства, на Кубе не так много, завтра их будет больше. Пройдут годы, и, кто знает, может быть, диплом № 012501 Киевского политехнического института, в котором записано, что решением государственной комиссии от 4 декабря 1965 года Альбе Агирре Солер присвоена квалификация инженера-механика, станет памятной реликвией истории революционного прошлого острова Свободы.

* * *

Я давно не получала вестей от Альбы. А на днях узнала — у нее родился малыш. Счастья тебе и радости, дорогая мама Альба!

Гавана — Москва.

СЕГОДНЯ — БОРЦЫ

«В великий исторический час вы не должны оказаться слабым полом... Вчера рабыни, сегодня — борцы, будьте завтра победительницами! Вставайте в международные ряды наследников Ленина, тех, кто будет выполнять его бессмертные заветы. Покажите себя достойными учения и дела Ленина!»

Это слова Клары Цеткин. Именно она 60 лет назад предложила отмечать 8 Марта как Международный женский день.

Сегодня женщины планеты — большая сила. Они борются за мир, свободу, за лучшее будущее.

За мир — чтобы вьетнамской учительнице Дин Тхи Луан не пришлось под вой сирен прятаться со своими учениками в бомбоубежище.

За свободу — чтобы изгнать португальских колонизаторов с земли Мозамбика, сражаются бойцы женского отряда, действующего в провинции Тете.

За лучшее будущее — борьбе за эту благородную цель посвятили себя молодые англичанки Лесли Рид (слева) — секретарь комсомольской организации в районе Финчи и Лорин Мэйсон — в районе Баттерси в Лондоне. В обеденный перерыв они продают в центре столицы журнал английских комсомольцев.

Эти три снимка сделаны в разных концах планеты, но говорят они об одном — женщины и матери всей земли хотят чистого неба и счастья своим детям.

Лариса **РУМАРЧУК**

БЫЛОЕ

РАЗГОВОР ОКОЛО СМОЛЬНОГО В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

Какая странная судьба
У дома этого большого.
Следит лаптями голытьба,
Где царь ступал
И где бедово
Стучал девичий каблучок
Все тише, тише по ступенькам,
И легкий свечки язычок
На потолке метался тенью.

Какая странная судьба,
Какая горькая обида.
Была музыка,
но пальба
Все заглушила деловито.

Последней институтки бант
Пошел на бинт.
Да для солдата.
Какая странная судьба,
Какая грустная утрата!

И в миг ужасный днем одним
То зеркало, что ей служило,
Сапог солдата отразило
И звякнуло, разбито им.

Где раньше в тишине немой
Звучала трепетно молитва,
В тот коридор, как в поле битвы,
Несут оружье. Боже мой!

И тот, представьте, господин
Крестьянина в лаптях навозных
С собой сажает
и, как сын,
С ним разговор ведет тревожный.

Чего-то ждет, чему-то рад,
Как будто будет манна с неба.
А говорят, что с ним солдат
Последним поделился хлебом.

И не труслива, не слаба
Та женщина, что рядом с ними.

...Невероятная судьба
У Ленина
и у России!

СТОЯЛА МОРОЗНАЯ ПОЛНОЧЬ...

Стояла морозная полночь,
И женщина, встав от стола,
Сказала тихонько: «А помнишь?» —
И лед на стекле поскребла.

И, голову вскинув от круга,
Что лампою вычерчен был,
Он встал осторожно
и руку
На плечи ее положил.

...Вот так же метель бушевала
В Сибири в тот год и в тот миг,
Когда эта женщина встала
От стопки зачитанных книг.

На певчий таинственный голос
Метели
к окну подошла.
Там белые хлопья, как пчелы,
Летели на свет от стекла.

И в эту белесую замять,
Во тьму, в огоньки за рекой,
К стеклу приникая губами,
Сказала она: «Дорогой...»

Им розами путь не устлали,
И поезд их к морю не мчал.
В сибирской завьюженной дали
Сурово их поп обвенчал.

И в ссылке, далеко от дома,
Тот месяц они провели.
Но месяц медовый —
медовый
В любом закоулке земли.

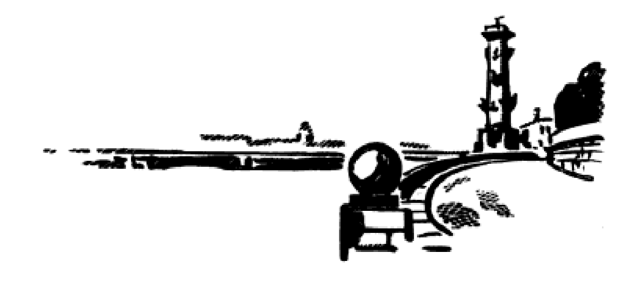
...Когда говорят мне резонно
О праве любить
и забыть,
Я вижу огнем опаленных
Людей, начинающих жить.

Вовеки не знавших измены
В работе, в любви и в бою.
Там с дедом моим неизменно
Я бабку свою узнаю.

Я вижу, под снегом и солнцем
Там двое шагают вдали.
Их медленный путь к горизонту
И шаг
за пределы земли.

Фазу **АЛИЕВА**

ЛЕНИНГРАДУ

Прекрасный город островной,
Твердыня доблести и славы,
Над зимней скованной Невой
Восходит в небо величаво.
И непреклонности печать
Лежит на рукотворном лике,
И трудно слезы мне сдержать,
Аварке, в городе великом.
Мне гром «Авроры» в ноябре
Все слышится над Летним садом.
Я та, что встала на заре,
Разбуженная этим залпом.
Стихи читаю здесь теперь,
И сердце бьется жарко-жарко.
Любая мне открыта дверь:
Входи, пожалуйста, аварка!

И ночи мало, мало дня,
А время мчит неудержимо.
Так близко все здесь для меня,
Как будто в доме я родимом.
О, этим дружеским теплом
Мы запаслись не в час досуга.
Ведь не за свадебным столом —
В беде находит горец друга.
О Петроград! В учителях
Твоих нуждались горцы наши.
Отсюда к нам пришел в Хунзах
Хизроев, человек бесстрашья.
Был пламенный борец Махач
«Авроре» предан беззаветно,
И вот над остриями мачт,
Над Каспием стоит бессмертно.

Встречаю горцев имена
На боевых твоих скрижалях.
О золотые письмена!
В комок я перед вами сжалась.
...В те годы я была мала,
Я даже букв не различала,
Но, помню, о тебе молва
Горами нашими шагала.
Она из уст в уста текла,
Я слышала сама от горцев:
Ты неприступен, как скала,
И ты неугасим, как солнце.
Мне с болью говорила мать
О ленинградцах и бледнела!..
А что могла я понимать?

Лишь плакать вместе с ней умела.
Мне представлялось: Ленинград
Увенчан снежными горами,
И гордые орлы парят
И точат клюв за облаками.
И по лугам пчелиный рой
Несется весело и гулко,
Пронзительный и золотой,
Как возле пасеки аульской.
И рой поет, что другу — мед,
А жало — недругу извечно,
И в небе реет самолет,
И кони мчатся бесконечно.
И словно ночь черным-черна,
Летает бурка над плечами,
И сабля, коннику верна,
Сияет жаркими лучами.
А жены конников лихих
Глядят под перезвон капели
С крылечек на мужей своих,
Раскачивая колыбели.
Воображенье детских лет!..
О Ленинград, теперь я вижу:
Нет гор высоких здесь и нет
Орлов над снеговою крышей.
И в бурке черной, в башлыке
Я никого здесь не встречаю,
Но мне на русском языке,
Как на родном, здесь отвечают.
О город Ленина! Ты мне
Открыл, как горцы, двери настежь,
Ты дорог мне самой вдвойне,
Как дважды виденное счастье.

Перевела с аварского
Инна **ЛИСНЯНСКАЯ**.

И. Тартаковский. ПЕРВЫЙ ОКТЯБРЬ.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖНИКОВ КИЕВА И КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ К 100-ЛЕТИЮ В. И. ЛЕНИНА.

А. Китаев. В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ В ГОРКАХ.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ.

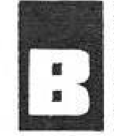

В. Прибыловский. В. И. ЛЕНИН.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГЕРОЯ

Михаил АНДРИАСОВ

В комнате боевой славы майкопской школы № 8 имени Жени Попова. В центре — мать героя.

В январе прошлого года пришло из Майкопа нежданное письмо: «Долго искала Ваш адрес, не знала, живы ли Вы? Ведь прошло двадцать шесть лет после того, как Вы, будучи военным корреспондентом, пришли в наш дом, когда был освобожден наш город от фашистских захватчиков, пришли, чтобы расспросить меня о сыне моем, Жене...

Приезжайте,— писала Мария Степановна Попова,— семнадцатого января день рождения Женечки. Теперь ему исполнилось бы сорок лет. В школе, где он учился, день рождения Жени стал школьным праздником».

Вслед за письмом пришла телеграмма директора майкопской школы № 8 Евгения Александровича Пушкарева: «Приглашаем Вас на традиционный школьный праздник «За честь школы». Он устраивается у нас ежегодно в день рождения пионера-героя Жени Попова»...

...В августовский день 1942 года в Майкоп ворвались нацисты.

В доме Поповых остановился обер-лейтенант Франц Грендель. В один из ноябрьских вечеров, дымя сигаретой, подвыпивший офицер на ломаном русском языке стал рассказывать о том, как он приказал солдатам хватать на Кирпичной улице всех прохожих и отводить их в огромный пустой амбар, держать без пищи...

Женя слышал слова офицера. Гневом наполнилось сердце мальчика. Ему хотелось вбежать в комнату, броситься на фашиста, задушить его.

— Мамочка, ты послушай, что он говорит! Вот если бы папа был дома!.. Ночью, когда гитлеровец будет спать, подожжем дом, убежим к партизанам...

Мария Степановна гладила голову сына, успокаивала:

— Не надо... Возьми себя в руки. Наши скоро вернутся, придет и папа. Они спасут нас, Женя!..

...У Жени был товарищ Миша Панкратов. До прихода оккупантов они учились в одном классе.

— В нашей школе немцы устроили конюшню,— сказал Миша.

— Пойдем туда,— предложил Женя.

Мальчики вышли на пустынную улицу и направились к зданию школы. Издали ребята заметили, что железная ограда разбита. Широкие входные двери сорваны.

Они подошли ближе. Ступени и пол коридора были загажены.

Их окрикнул немецкий часовой. Мальчики убежали. Когда они вернулись домой, Женя повел Мишу в свою маленькую комнату.

— Миша! Мы с тобой пионеры,— шепотом сказал Евгений.— Ты помнишь клятву?

— Помню, Женя.

— Давай повторим ее, давай скажем друг другу, что мы никогда не сдадимся врагам!..

На рассвете 19 декабря 1942 года Женя Попов, Миша Панкратов и третий их товарищ, Вася Зарецкий, тайком пробрались к немецкой комендатуре и в нескольких местах перерезали телефонную линию. Уходили ребята в переулки привокзального района. Неожиданно впереди показался патруль. Солдаты заметили ребят и теперь шли прямо к ним.

— Уходите, немедленно уходите! — проговорил, не повышая голоса, Женя.

Товарищи замешкались. Уходить? Оставить Женю одного?

— Уходите! — снова сказал Женя.— Они не возьмут меня.

Немцы приближались.

Миша и Вася свернули в переулок и тотчас исчезли в сумерках декабрьского утра.

Солдаты остановили Женю, принялись обыскивать его. Из кармана пальто достали кусачки. В это время охрана комендатуры уже подняла тревогу. Мальчика схватили, стали жестоко избивать...

Окровавленного, с разбитой щекой, со связанными за спиной руками, немцы проволокли Евгения по Краснооктябрьской улице в гестапо. Мальчик потерял сознание. Когда очнулся, его стали допрашивать и снова избивать.

Женя молчал, выплевывая сгустки крови, крепился.

— Если ты не назовешь своих товарищей, мы расстреляем тебя.

— Провода перерезал я один,— сказал Евгений. И как ни били мальчика, как больно ни выкручивали руки, он больше ничего не вымолвил.

Соседи, видевшие на улице, как солдаты избивали Женю, рассказали об этом его матери Марии Степановне. Она побежала в гестапо. Ее задержали.

Гестаповец отвел Марию Степановну в камеру. В полумраке она увидела двух мужчин, девушку, рядом виднелась фигура мальчика... «Не Женя ли?» — тревожно забилось сердце Марии Степановны. Она порывисто кинулась к этому четвертому обитателю камеры, пристально вглядeлась в него. Но это был не Женя.

Незнакомый белокурый мальчик, ростом пониже Жени, в разорванной рубашке, с запекшейся на губах кровью, поднял на Марию Степановну большие грустные глаза.

Она спросила, не видел ли он мальчика в черном пальто, в коричневой капелюхе.

— Нет, не видел,— ответил тот и, приглашая рукой Марию Степановну к противоположной стене, сказал:

— Вот, тетя, прочтите. Может быть, это ваш сын написал...

Мария Степановна внимательно всмотрелась в указанное мальчиком место, и дрожь охватила ее. На стене, видимо, ногтем, было написано: «Мама, крепись. Женя Попов».

Вечером Попову вызвали на допрос. Высокий тощий следователь говорил через переводчика.

— Ваш сын — большевик. Его ждет суровое наказание. Если вы назовете имена его товарищей, мы, может быть, отпустим его. Кто его друзья?

Мария Степановна ответила:

— Я не знаю товарищей моего сына.

Выслушав переводчика, следователь побагровел.

— Вы тоже большевичка! — закричал он.

Мария Степановна встала.

— Ну что ж,— сказала она,— вы, пожалуй, не ошибаетесь. Мы все большевики!

— Забрать! — затопал ногами следователь. С размаху он ударил Марию Степановну по лицу.

Когда ее вели по коридору, в полумраке ей показалось, что она видит сына. Сначала она подумала, что это призрак, но в ту же секунду сомнение рассеялось. Знакомый, дорогой голос позвал ее:

— Мама!..

Мать бросилась к сыну, но сильный удар отбросил ее.

— Не трогай маму! Фашист! Убийца! Я один все сделал, не трогай маму... Мамочка, не плачь, крепись, мама!

Женя быстро выкрикивал слова, рвался к матери, но два солдата тянули его в противоположную сторону. Захлопнулась дверь, и Мария Степановна больше ничего не услышала.

Вскоре Марию Степановну выпустили. О судьбе Жени она ничего не знала.

Гестаповцы предлагали мальчику деньги, уговаривали его, били, просили, снова уговаривали, снова били, но ни одного своего товарища Женя не назвал.

Пораженный стойкостью пионера, лейтенант озлобленно бросил:

— Да кто тебя такого воспитал?

Евгений поднял голову. Глаза его засветились:

— Меня воспитала Советская власть!

— А сколько тебе лет, мальчик?

— Семнадцатого января будет четырнадцать,— ответил Женя.

— Семнадцатого? Очень хорошо. Очень мило. Так ми семнадцатого января поздравим тебя, дорогой Евгений,— ядовито прищурился следователь.— Обязательно поздравим тебя с днем рождения. Будем делайт, так сказайт, тебе подарочек.

Семнадцатого января фашисты расстреляли мальчика.

* * *

Тогда, в феврале сорок третьего года, я написал очерк о подвиге Жени. Его опубликовала «Комсомольская правда», а потом перепечатала «Пионерская правда».

Спустя двадцать шесть лет Мария Степановна Попова показала мне множество писем, которые присылали ей и ныне все еще пишут люди из разных концов страны.

Во дворе школы я увидел скульптуру — бюст Евгения. А рядом на вывеске было написано: «Майкопская средняя школа № 8 имени Жени Попова».

Школьники все несли венки, букеты цветов и бережно опускали их у бюста героя.

Был митинг. Выступали учителя, школьники, с сердечными словами обратилась к ребятам Мария Степановна, пришли в школу и бывшие соклассники Жени, его товарищи. Они рассказывали ребятам о том, как хорошо учился Женя и каким бесстрашным солдатом оказался этот паренек.

День рождения героя, героя, воспитанного школой. Как хорошо, что в майкопской средней школе № 8 имени Жени Попова этот день стал традиционным праздником!

Майкоп — Ростов-на-Дону.

Таким был Женя.

СОЛНЦЕ В ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

А. БОЧИНИН,
Н. ВЕРИНА

Нечего сказать: славной погодой встретил нас город Тарту! С серого неба сыпалась какая-то мерзкая, колючая крупа — то ли снег, то ли дождь. Ветер набрасывался на прохожих. Каково же было наше удивление, когда заведующая детсадом Эви Хейдо, встретив нас на пороге, сочувственно улыбаясь, сказала: «Замерзли, бедняги? Сейчас согреетесь в бассейне». И мы увидели золотой песок и зеленоватую воду бассейна, просвеченную солнцем...

Таково было первое впечатление от детского комбината на улице Анно, а потом мы увидели на песке ребят, нежащихся под лучами кварцевого солнца, и нам действительно стало тепло. Когда раздалась команда: «Пора вставать. Одевайтесь»,— малыши нехотя накинули халатики, и в зал сразу же вбежала другая группа, постарше. И тут уж ребята не мешкали — быстренько разделись и бултых в бассейн, в теплую, ласковую воду. Плавали они неплохо, старались вовсю. И видно было, как им это нравится. А вот вылезать из воды никак не хотели.

— Каждый раз так,— вздохнула Эви Хейдо,— не выгонишь из бассейна.

А как влияют занятия плаванием на здоровье ребят? На этот вопрос нам ответила врач детсада Анна Захаровна Титова:

— Сначала мы поставили небольшой эксперимент. Взяли две группы ребят, ровесников. Все условия у них были одинаковы. Только одна группа систематически занималась плаванием, а другая в бассейн не ходила. Через полгода провели детальное обследование, и выяснилось, что у пловцов заметно исправилась осанка, грудная клетка расширилась на целых два сантиметра, кожа стала эластичной, розовой, ножки выпрямились и окрепли. А главное, что пловцам не страшна зима. Никто из них не болеет.

После этого эксперимента питомцы детсада, исключая, конечно, самых маленьких, ясельных, два раза в неделю посещают бассейн. С ребятами занимаются три тренера. Все они отдают малышам свободное время, сотрудничают здесь на общественных началах. Инге Пинд работает на кафедре водного спорта в Тартуском университете. Тию Орас — тоже выпускница университета — сейчас инспектор гороно. А Майю Ягомяги — тренер в школе спортивного мастерства. Когда ребята из детсада перейдут в школу, тренеры не расстанутся со своими питомцами, и кто знает, может быть, сегодняшние дошколята станут чемпионами и завоюют новую славу советскому спорту... И не только в плавании — в детском комбинате на улице Анно, открывшемся два с лишним года тому назад, все 360 ребят получают хорошее физическое воспитание. Здесь они занимаются гимнастикой, начатками акробатики, учатся танцевать. А где танцы, там, естественно, музыка. И как только мы коснулись музыки, речь пошла совсем о другой стороне воспитательного процесса.

— Да, наш комбинат с самого начала получил физкультурный уклон,— рассказывает Эви Хейдо.— Но ведь дети должны развиваться разносторонне, воспитывать их нужно гармонически. И начинать это воспитание необходимо с самого, так сказать, нежного возраста. Поэтому мы стараемся привить малышам любовь к музыке, песне, рисованию. Развиваем у них трудовые навыки. И, наконец, готовим старших к школе — учим считать, писать, читать, воспитываем направленное внимание. И с самого начала стремимся привить им хороший вкус, тягу к прекрасному...

Нужно сказать, что в детском саду на улице Анно не так уж и трудно развивать у детей хороший вкус. Здесь, в новом, современном здании, малышей окружают только красивые вещи: цветы в изящных вазах и горшках, эстампы, великолепные игрушки, хорошая мебель и посуда.

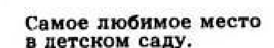
— Нам повезло,— продолжает свой рассказ Эви Хейдо.— У нас чудесные шефы — коллектив Тартуского завода железобетонных изделий. Директор завода Каллам Мейлис — человек молодой, энергичный, очень отзывчив к нашим нуждам. Что ни попроси, все сделает. Мебель, игрушки, спортивный инвентарь — это подарки шефов.

Да, шефы у ребят действительно отличные. Но когда мы вникли во все мелочи быта в этом детском царстве, то поняли: малышам здесь повезло не только с шефами. Все тут продумано до мелочей, все продиктовано любовью к детям. Семнадцать воспитателей, повара, уборщицы, прачки не жалеют сил, умения, выдумки для того, чтобы сделать жизнь малышей как можно более интересной и счастливой.

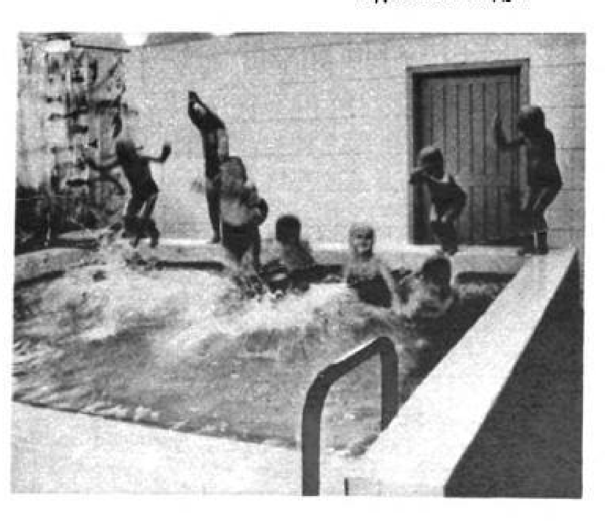
Комбинат на улице Анно мы покидали в тихий час. В белоснежных кроватях уютно сопели краснощекие малыши. А на кухне, сверкающей никелем и эмалью, колдовала любимица ребят, шеф-повар Марта Немела. Пекла вкусные булки к вечернему чаю...

Как в Сухуми!

Самое любимое место в детском саду.

Все в полном порядке!

А. СОФРОНОВ

ЗОЛ

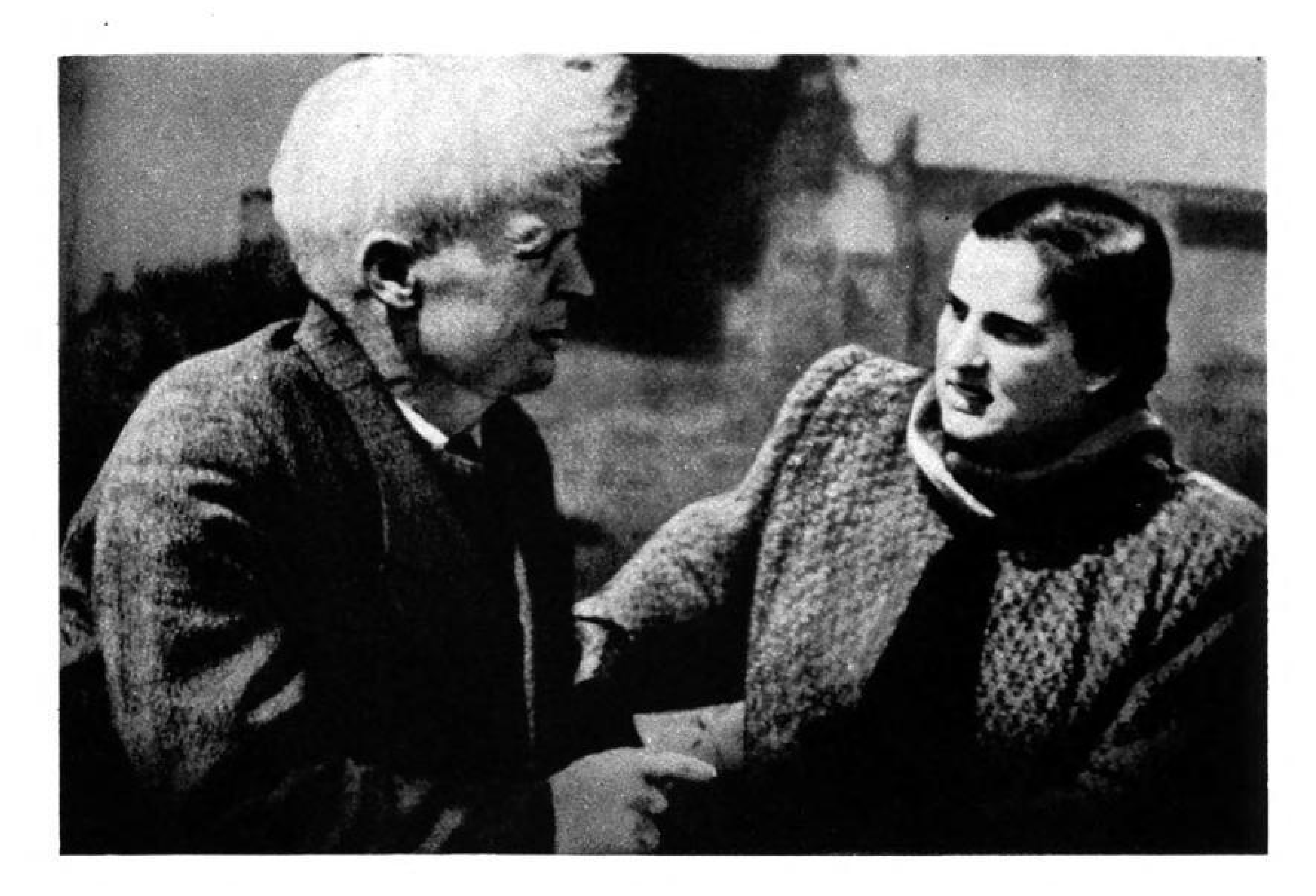
Может быть, редко, смотря кинофильмы, испытываешь желание не только еще и еще раз увидеть недавно виденное, но и услышать глуховатый голос, по первому разу, как тебе показалось, невероятно похожий на голос самого Александра Довженко.

«Как хорошо тут, среди простых людей тружеников, среди песков и виноградных нив. На берегу широкого и глубокого Днепра. И как будто никуда меня не тянет. Трудился бы тут над родною рекою до конца дней моих вместе с народом, строил бы плотины с ним, лечил бы Днепр, каналы б рыл, ставши за руль могучих и разумных машин, что дало мне мое государство. Радовался бы чужой молодости, любви юных, их работе, ссорам и согласию, любовался бы их красивыми детьми и плодами их великих дел и сам бы слился с чистым потоком людских сил, творя свое посильное дело».

Звучат «из-за кадра» эти вещие слова, когда-то оставленные на бумаге Александром Довженко, и кажется, что произносит их не спеша, таким неповторимым и особенным голосом, в тембре которого словно всегда слышалось размышление о жизни, сам автор этих раздумий. Но это только кажется. Слова Довженко «из-за кадра» произносит Сергей Бондарчук. И ты знаешь это и все же не можешь отделаться от впечатления, что говорит сам Александр Довженко.

Но и слушая эти слова и вдумываясь в смысл каждой плавно льющейся фразы, ты вдруг ловишь себя на том, что есть некое противоречие между произносимыми словами и их содержанием, как бы обращенным в будущее. Ибо слова эти не будущее, а сама жизнь Александра Довженко, жизнь, прожитая именно так, как бы желал Довженко для себя. Для него и для нас **это прошедшее, бывшее. Осуществленное** всей жизнью прекрасного художника советской эпохи.

И можно только быть благодарным Юлии Ипполитовне Солнцевой, верному другу Довженко и его товарищу по жизни, что она не только воспроизвела задуманные Довженко, но по разным причинам не реализованные при жизни художника «замыслы», но и создала на студии «Мосфильм»

Юлия Солнцева и Александр Довженко. 1945 год.

ОТЫЕ ВОРОТА

монументальную картину «Золотые ворота» о жизни Довженко. О произведениях, осуществленных самим Довженко удивительных по самобытности и художественной глубине.

Новый фильм Юлии Солнцевой * это своеобразный документально - художественный очерк с глубокой философской **довженковской** сердцевиной. В фильме есть и биографическая канва, но не она главное. Главное в фильме — воспроизведение основных положений довженковского восприятия истории мира, его взглядов на искусство, на соотношение искусства и жизни.

«Приготовьте самые чистые краски, художники. Мы будем писать отшумевшую юность свою.

Пересмотрите всех артистов и приведите ко мне артистов красивых и серьезных. Я хочу ощутить в их глазах благородный ум и высокие чувства... Не надо обыденных слов, бытовых телодвижений, правдоподобных подробностей, уберите все пятаки медных правд. Оставьте только чистое золото правды...» — звучит голос Александра Довженко.

И в это время на экране поднимается декорация «народной школы» из фильма «Щорс». Богунец ведет коня через декорацию. Бойцы готовят сабли и винтовки. Черная классная доска наполовину закрыта висящими ремнями и патронташами. Шинели, сапоги и папахи...

И снова, как многие годы назад, возникают потрясшие когда-то зрителей кадры из «Щорса». И звучит все тот же глуховатый голос: «Сейчас мы будем вкладывать в уста артистов мысли, которые даже не приснились бы на черниговских равнинах ни героям, ни их потомкам. Целые, быть может, столетия, не призови их к подвигу гром пролетарской революции».

Чистое золото правды... Не медяки мелких «правд». В этом был всегда весь Александр Довженко.

Таким он и выглядит. Таким выглядит и он сам и все, что сделано им, и все, что воспроизведено в фильме «Золотые ворота».

Перед глазами проходят драматические, прочно стоящие на эпическом восприятии художника события прошедших десятилетий, во время которых шло бескомпромиссное сражение за нового человека. Без снисхождения Довженко воспроизводил на экране не только тех, кто своими жизнями, честной кровью, преданностью революции защищал революцию, но и тех, кто противостоял ей, кто пытался со всей идейной убежденностью разрушить, пустить под откос содеянное силой пролетарской революции.

Перед глазами проходят кульминационные эпизоды из фильмов «Земля», «Аэроград», «Арсенал»...

Нет возможности пересказать (да и надо ли?) этот талантливый фильм, потому что он **непересказываемый**, как, впрочем, и все **довженковские** кинокартины. Важно отметить в нем, так же как и в предыдущих фильмах Юлии Солнцевой, поставленных по литературным материалам Довженко, полное проникновение в образный строй довженковской кинопрозы, прозы, в которой прочно слит дух реализма с революционной романтикой. Фильм «Золотые ворота» не цепь хорошо смонтированных эпизодов из фильмов, а духовное раскрытие сокровенных замыслов Довженко, отмеченное единым, совпадающим полностью с истоками, взглядом на жизнь и искусство.

Мы знаем, что путь Довженко был насыщен борениями мыслей и чувств, не всегда завершенных замыслов, над развитием и совершенствованием которых Довженко работал до последнего дня своей многотрудной, беспокойной жизни. Довженко искал пути к созданию близкой ему по духу, я бы сказал, обобщенной комедии. Он сам говорил об этом: «Великое дело смех и веселье. Когда народу в чем-нибудь трудно, если есть талант, можно сделаться шутом и крутиться перед ним колесом, чтобы развеселить, развлечь его.

Это великая правда, и подлинные художники где-то несут в своих душах эту готовность... Как бы мне хотелось сделать веселую комедию. Ведь в кино, я хорошо помню это, пошел я много лет назад с единственной целью — делать комедийные фильмы». И дальше: «Любовь к комедии — неосуществленная мечта жизни».

В фильме поставлены эпизоды не осуществленного при жизни Довженко комедийного фильма «Царь». Все это снято щедрыми мазками, крупным планом, сочно, как и могло быть сделано самим Довженко.

Фильм, созданный Юлией Солнцевой, является впечатляющим памятником Александру Довженко. Уже нет художника, но осталась летопись его трудов и раздумий: фильмы, сценарии, рассказы, сокровенные дневники, из которых дополнительно возникают черты человека, рожденного в простой украинской хате, всеми корнями связанного со своей землей и своим народом; художника глубоко национального и вместе с тем по духу своему интернационалиста, вложившего в уста любимого им Щорса знаменательные слова: «...Пройдут года, завершится революция и заживут люди-братья на земле, сколько же сказок о нас перескажут, сколько песен о нас пропоют! Тихими вечерами да зоряными ночами где-нибудь под Черниговом, над прекрасной нашей Десной, будут петь интернациональные хлопцы с дивчатами...»

Восхищаясь созидательным трудом на родной ему земле, причисляя себя к вечным труженикам этой земли, Довженко мечтал о золотых воротах коммунизма: «Юность мечтает выстроить их посреди степи и чтобы сквозь них текли воды Днепра по степям Украины...»

Великий, подвижнический труд Александра Довженко вошел в эти Золотые Ворота.

* Сценарная композиция Ю. Солнцевой и В. Карена.

МАСТЕР

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

МАРТИРОСУ САРЬЯНУ 90 ЛЕТ

Судьба даровала мастеру долгую и творчески щедрую жизнь!

Мы произносим его имя — и перед глазами, даже если не случалось человеку бывать в Армении, встает ее обожженная и обласканная солнцем, словно бы сочащаяся жаркими, пряными красками земля.

Путь живописца Сарьяна начинался тогда, когда в муках противоречий, в смелых догадках и вдохновенных открытиях рождалось новое искусство современности, по сей день живое в творчестве советских мастеров. «Когда я побывал в Армении,— писал А. В. Луначарский,— почувствовал, что Сарьян реалист в гораздо большей мере, чем я предполагал.

Едучи долгими часами по каменной равнине Армении... я внезапно увидел перед собою сарьяновские картины в живой действительности».

Сарьян писал то, что видел вокруг и что безмерно любил.

«Моя цель — простыми средствами... достигнуть наибольшей выразительности... Кроме того, моя цель — достигнуть первооснов реализма,— писал Сарьян еще в молодые годы. Я говорю о той силе выражения, которая есть во всех настоящих произведениях искусства, начиная с древнейших времен и кончая нашими днями. Вернее — о той силе очарования, которой достигали разными путями во все времена».

И неизменно силой и очарованием современности дышат сарьяновские полотна. Его натюрморты, портреты, пейзажи, анималистические сценки, жанровые картины о жизни армянских тружеников, декоративные панно — это всегда мысль, непосредственное ощущение времени, любовь к родине, к жизни. Дивясь и радуясь, зрители вот уже нескольких поколений замирают перед будто вовсе не многословными, крайне простыми, скупыми в отборе изобразительных средств картинами Сарьяна на разных выставках, в музеях, галереях. Начиная с тех экспозиций «Московского товарищества художников» девятисотых годов, где Сарьян впервые выставлялся как самостоятельный мастер и откуда сразу же — что весьма редко случалось с начинающими! — его картины были куплены Третьяковской галереей по выбору Серова.

В наши дни желание познакомиться как можно с большим числом произведений великого варпета (звание варпет — мастер всегда считалось в Армении выше княжеского титула), поглядеть на вдохновенное и мудрое лицо, послушать живописца привлекает толпы зрителей в дом художника в Ереване. Его мастерская стала давно музеем, но таким непохожим на все другие...

Здесь не только собрано множество картин — стены мастерской заполнены ими до потолка. Но число их продолжает увеличиваться. И как бы на глазах у посетителей дома-музея с каждым мазком сарьяновской кисти набирает глубину, выразительность, поэтичный и правдивый, вдохновенный и нисколько не приукрашенный портрет его солнечной родины, каким сложился он в благодарном и любящем сердце художника. После работы, отложив кисть и оставив мольберт, варпет отправляется на прогулку вместе с самой юной представительницей семьи, путешествующей покуда в детской коляске. А вернувшись, охотно и радушно принимает художник-патри-

Начало рабочего дня.

Художник в своей мастерской.

арх своих гостей, часто прибывающих из очень отдаленных краев земли. А когда приходят художники, а тем более, когда в гостях художник, побывавший в космосе, то, конечно, сама собой затевается нескончаемая беседа об искусстве. И вспоминаются, наверное, тогда старому мастеру далекие времена, когда еще студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества приходил он после занятий в мастерских любимых и великих своих учителей Серова, Коровина в маленькую комнатку к однокашнику Петрову-Водкину поделиться сомнениями, мыслями, послушать других дерзких искателей...

— ИСКУССТВО!..— задумчиво и даже как-то торжественно говорит теперь молодежи старый мастер.— В чем роль искусства? Какой вклад нужен людям в конце концов, что это за искусство, которому я отдался?.. Каждый художник задает себе всю жизнь эти вопросы. Как и я задавал его себе и в молодости и теперь задаю.

— Художнику необходимо владеть техникой своего искусства, чтобы он смог в процессе творчества преодолевать преграды. Лучшая работа всегда и всюду совершается руками мастеров, настоящих специалистов. Нет ничего вреднее дилетантства.

— Изучая природу и жизнь во всех ее проявлениях, мы всегда должны помнить, что только тогда наши произведения будут убедительными, если мы будем постоянно работать над повышением культуры нашего живописного языка. И эта упорная работа должна быть органически связана с внимательным и любовным изучением жизни нашей страны, страны социалистического строительства. Раскрыть эту жизнь в полноценных художественных реалистических образах — почетная и ответственная задача каждого советского художника.

И висящие на стенах мастерской картины убедительнее, весомее любых доказательств подтверждают каждую высказанную Мартиросом Сергеевичем мысль.

Эльвира ПОПОВА

Ереванская картинная галерея. Зал Мартироса Сарьяна.

В гостях у художника летчик-космонавт А. Леонов.

Мартирос Сергеевич с внучкой Рузаной и правнучкой Мариам.

ДИРИЖЕР

В осетинских сказаниях, за блеском подвигов героев народного эпоса — Сослана и Урызмага, за искрящимися силой и ловкостью играми юношей, за победными походами героев вроде бы незаметен образ нартской женщины.

Нартская женщина знаменита тем, что умеет постигать тайны богов и стихий. Умеет растолковать непонятное. Знает язык волшебства. Ее мудрость и чуткость питают силы героев, приносят веру в удачу. Имя ее — Шатана...

Так говорят легенды древних нартов, некогда населявших Северный Кавказ. Это далекие предки наших осетин.

Дочь этого народа — известный дирижер, народная артистка РСФСР Вероника Дударова помнит себя трехлетней девочкой. Помнит, что постоянно сидела в уголке отцовского дома, широко открытыми глазами следила за быстрыми пальцами сестер, извлекавших из белых и черных клавиш рояля завораживающие девочку звуки... В четыре года она уже сама умела повторить на слух сыгранные сестрами пассажи.

Весь мир детских игр так или иначе запомнился в звуках... Протяжные и заунывные песни девичьих хороводов. Воинственные песни мальчишек, расхаживавших по маленьким улочкам Орджоникидзе с барабанами и трещотками... Веронику тянуло туда, где слышалась музыка, где пели, играли на знаменитой осетинской гармошке...

В том, что музыка ее удел, сомнений не было. Бакинское музы-

Джахан **АФРУЗ**

ПРИВЕТЛИВЫЙ СВЕТ

МАКИ

Мак качался, полный росной тяжести.
Мне казалось — это не случайно:
Он разгневан был, что я отважилась
В алую его проникнуть тайну.

Я пленялась маками в Туркмении,
На полях родного Апшерона,
Я привыкла к ним и тем не менее
Вновь любуюсь ими удивленно.

Мне цветы и травы не в диковину,
Но на свете нет таких, как маки...
Сызмала я вами очарована,
Маленькие огненные флаги!

Я ПОМНЮ...

Я помню наступленье дней осенних
В моем селе, в моем родном селе.
Мне яблоко спадает на колени...
Терн все черней, гранат еще алей.

Я помню шапку белую Шахдага
И зелень, тронутую желтизной,
Следы джейранов, росяную влагу,
Цветов и трав густеющий настой.

Я помню состязания ашугов
И Алескера [1] мерные гошмы [2],
Их похвалы невестам и подругам
В голубизне вечерней полутьмы.

Я помню горы, спуски и подъемы
Петляющих, почти отвесных троп.
Гремит родник средь каменного лома.
И опьяняют мята и укроп.

Я помню аромат садов фруктовых —
Я до сих пор, как счастьем, брежу им —
И смех девчонок на качелях новых,
Подвешенных к чинарам вековым.

Я помню все. Иначе кем была бы
Та, что зовет себя Джахан Афруз?
Что говорит, что эти нити слабы?
Нет крепче связи, нет нетленней уз!

Перевел с азербайджанского
Вл. **ПОРТНОВ**.

[1] Алескер — знаменитый азербайджанский ашуг.
[2] Гошма — форма стиха, характерная для азербайджанской народной поэзии.

ДЖЕЙРАН-БАТАН

Не в горах — в апшеронских степях
Над водой розоватый туман.
Ты полынью и солнцем пропах,
Голубой мой Джейран-Батан.

Волны в пене, как в легком снегу,
Капля каждая блещет огнем.
Это озеро возле Баку
Апшеронским Гек-Гелем зовем.

кальное училище, Ленинградская консерватория — и вот уже перед ней открыт путь пианистки. Педагоги хвалили молодую артистку, а ей самой все казалось: нет, не может выразить она всего, что слышит, читая ноты. Играла на рояле, а в голове звучали и скрипки, и валторны, и контрабасы, и литавры...

Принято считать, что дирижирование не женское дело. И действительно, когда видишь за кулисами дирижера, только что вернувшегося со сцены, раскрасневшегося, тяжело переводящего дыхание, можно подумать, что сейчас в его руках была не дирижерская легкая палочка, а пудовые гири силача! И сравнение не преувеличено: это тяжелый физический труд. Дирижер много часов работает у пульта, пока оркестр достигнет той предельной силы выразительности, той отточенности музыкальных нюансов, которые наконец сделают исполняемое произведение таким, каким хотел бы его слышать автор. И какая же нужна эмоциональная сила, чтобы творчески настроить, организовать предельно чуткое внимание сотни музыкантов, превратить их всех в один стройно звучащий организм, вобравший в себя мощь и разнообразие звуков, призванных выразить тончайшие замыслы композитора.

Для Вероники Борисовны Дударовой, как она сама рассказывает, наиболее увлекательная работа — давать жизнь новым, только что написанным произведениям. Ей невольно передается, ее вдохновляет то взволнованное, полное надежды и веры, но и сомнений и страха состояние автора, который отдает свое детище в ее руки... Просматривая партитуру нового, никогда еще нигде не звучавшего произведения, Дударова внутренне собирается для борьбы за его жизнь. Для этого она и мобилизует всю свою энергию.

Так к ней приходит смелость, даже отвага. А за ними, разумеется, стоит мастерство дирижера, умеющего глубоко прочесть в партитуре главную мысль, никогда не лежащую на поверхности.

Уроки замечательного педагога и дирижера Николая Аносова, пестовавшего некогда Веронику Дударову в Московской консерватории, годы упорного труда, примеры старших товарищей-дирижеров — все это превратило ее в большого художника.

В ореоле музыки Рахманинова, Скрябина, Хренникова предстает в фильме о Дударовой (режиссер И. Венжер) главный дирижер Московского государственного симфонического оркестра. Вот она в момент репетиции разговаривает с музыкантами. Вот просто женщина, уютно устроившаяся на широкой тахте с нотной тетрадью в руках. А вот она ведет машину по лесной просеке, будто прислушиваясь к таинственным звукам леса... И снова концертный зал. Взмах гибких рук, и будто по мановению волшебной палочки мы перенеслись к фиордам и горам знаменитого «Пер Гюнта».

Музыка Грига в его «Пер Гюнте» полна сказочного, романтического пафоса. Она заворожила юных слушателей: концерт идет в Колонном зале для старшеклассников. Притихшие, будто видят они и горькие переживания старой матери Пера и верную любовь Сольвейг.

— Мне доставляет величайшую радость открывать для молодых людей, еще не прикоснувшихся к чуду музыкальных образов, необъятный мир звуков,— говорит В. Б. Дударова.

Наверное, именно это стремление широко отдать свое искусство людям привело ее в кинематограф. В «Сорок первом», «Дневных звездах», в фильме «Идиот» и многих других фильмах звучит музыка. Дирижирует, сказано в титрах, В. Б. Дударова.

На вопрос, какому композитору Вероника Борисовна отдает предпочтение, она отвечает не сразу. Может быть, Шостакович... Но и в творчестве классиков и в произведениях только начинающих композиторов Дударова неизменно находит то главное, что звучит в ее собственной душе.

Московский государственный симфонический оркестр, которым руководит Дударова,— один из самых значительных музыкальных коллективов страны. И вместе с тем один из самых беспокойных. Он всегда куда-то едет. Ждут его всегда с нетерпением.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: дирижирует Вероника Дударова...

Фото Л. Бородулина.

В тишине неподвижна вода,
Вся как парус, крутой, голубой...
И лучами ночная звезда
Прикасается к влаге живой.

Как вскипает волна на ветру,
Захлестнуть все готова собой!
Здесь найдешь ты прохладу в жару,
Радость отдыха — в день выходной.

Наш Гек-Гель апшеронский красив,
Доброй силой могуч и богат...
Здесь и косы мохнатые ив
И в багряных прожилках гранат,

Здесь ромашек приветливый свет
На добротных плечах берегов...
Это озеро, словно поэт,
Что не может прожить без стихов.

А струя и чиста и ясна,
А луна — как задумчивый страж...
Набежавшая сразу волна,
Словно мягкий и теплый лаваш.

Как улыбка на смуглом лице,
Ты средь наших горячих степей...
Словно камень на звонком кольце
Хурдаланских рабочих огней.

И воркует, как голубь, вода
И мерцает лиловым костром...
Это озеро мы неспроста
Апшеронским Гек-Гелем зовем.

Перевела Варвара **КОНСТАНТИНОВА**.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

В № 27 за 1969 год «Огонек» опубликовал в порядке обсуждения письмо кандидата медицинских наук Этери Квицаридзе «Не надо идти против природы». В этом письме, тоже, в свою очередь, откликающемся на репортаж «Сначала надо родиться» (№ 10, 1969 год), автор высказывается за создание семьи в молодом возрасте и поднимает также ряд других животрепещущих вопросов. Редакция, получив многочисленные отклики на это письмо, продолжает разговор на затронутую тему и публикует отдельные короткие выдержки из читательских писем.

СЕМЬЯ, ПРИРОДА

...У меня такое понятие, конечно, не посчитайте мое понятие за недовольство, но я иногда задумываюсь, что вот у меня восемь детей, а у Сидоровой, например, один или два. У кого же потрачено больше сил и здоровья? Ведь мало родить ребенка, надо его еще и вырастить. А сколько на это уходит сил, думаю, что понятно каждому. Правда, уже многое сделали для нас партия и правительство, но все же если б для многодетной матери убавили срок работы до пенсии, она, может, еще и пожила просто для себя.

А еще есть и такие люди, которые смеются над нами, многодетными, спрашивают, зачем и для кого мы плодим столько детей. Не надо далеко идти за примером. В нашем селе живет молодая женщина, ей 20 лет, имеет 7-месячного ребенка, и, представьте себе, он ей не нужен! Хочет выйти замуж за другого, а ребенок ей мешает. Она этого ребенка сдаст в Дом малюток, государство будет воспитывать ее ребенка, и эта женщина тоже будет по достижении пенсионного возраста получать пенсию так же, как и та, которая, возможно, возьмет и вырастит ее ребенка. Справедливо ли это? Думаю, что нет.

М. АЛЕКСЕЕВА,
санитарка

Тюменская область,
Ханты-Мансийский район,
с. Реполово.

●

Мне хотелось бы видеть наших матерей, жен и дочерей гордыми женщинами, а не сломленными на всю жизнь от невоздержания «по требованию природы». Конечно, рецептов тут не может быть, но пусть юноша или девушка крепко обдумают свой первый шаг к супружеству. Пусть любовь будет одна и на всю жизнь. Пусть меньше будет кинокартин с многократными женитьбами и замужествами. Но если требования природы все же невозможно преодолеть, пусть девушки наши не стесняются стать рано матерями, а парни — отцами. Тогда меньше у нас на земле будет пороков.

Н. НУРОВ

ст. Всесвятская,
Чусовской р-н,
Пермской области.

●

...Некоторые вопросы меня просто задевают за живое. Мне без малого 55 лет. У меня трое детей. Меньшему сыну было 10 месяцев от роду, когда моего мужа, человека, который прошел всю войну, коммуниста, стахановца, отличного спортсмена и прекрасного семьянина, убили бандиты. Когда малыш подрос, я пошла работать. Трудно было одной поставить на ноги всех троих детей. Я горжусь тем, что вышли они настоящими советскими людьми: двое старших работают инженерами, третий служит в рядах Советской Армии. Я уже работаю последний год и скоро уйду на отдых. За 20 лет труда на производстве государство дает мне пенсию. Но меня беспокоит другое: не смогла я помочь своим детям иметь по трое детей, они имеют по одному. А вот если б пенсии работающим женщинам назначались с учетом числа их детей, если б не требовался при этом 20-летний стаж, то молодые еще бабушки смогли бы помогать своим детям растить третье поколение. Я понимаю: вопрос этот сложный, трудный. Его разом не решишь. Но подумать об этом надо. Нужно, чтобы бабушки были помоложе, тогда внуков будет побольше, а детских яслей и садов потребуется меньше. Таково мнение многих наших женщин, а их у нас на производстве более 500 человек.

Е. БЕЗМОЛИТВЕННАЯ

Белая Калитва,
Ростовской области.

●

Жаль, что нет у нас наставлений по семье и браку. Если где и промелькнет брошюра на эту тему, через два-три дня ее нигде не достанешь. Печатаются и в специальных журналах хорошие статьи, полезные молодоженам, но ведь статьи эти разбросаны, да и кто будет их искать по знакомым и библиотекам. Предлагаю издать такое сжатое пособие-наставление, книгу, содержащую хотя бы самые необходимые сведения для молодых людей, и вручать эти книги в загсе при регистрации брака.

И. ВОЛОДИН,
член КПСС с 1919 года

Куйбышев.

●

...Когда человек делает первые шаги к созданию семьи, здесь могут быть и ошибки и разногласия. Но некоторые придают им слишком большое значение, не пытаются найти пути к примирению, делают поспешные выводы. Не лучше ли претерпеть сначала трудности совместной жизни двух людей с разными характерами? Ведь в течение какого-то времени люди взаимообогащаются, перенимают друг у друга то, чего недоставало им, и постепенно семья становится устойчивой. А иногда кажущуюся невыносимость совместной жизни полезно проверить разлукой, поразмыслить в отдельности над своим поведением. Иногда после этого отношения становятся крепче. Но я согласен, что в тех случаях, когда один из супругов опустился морально, пошел по наклон-

ной и не считается ни с каким мнением, остается только один выход: развод.

ВЯТКИН

Архангельск.

•

...Создать семью — значит решить и государственное дело. Но некоторая часть молодежи не очень-то склонна к семейной жизни: «Поспею!» А ведь поздний брак чреват серьезными последствиями.

Бывает и так, что люди, отдавая себя полностью служению какому-нибудь делу, скажем, науке, забывают все. Они и не думают о будущей семье. А финал порой оказывается печальным. Нет, нельзя идти против природы. Надеюсь, что наша молодежь поймет: семьей нужно обзавестись вовремя. Здоровая семья даст и здоровое потомство.

М. ТЕРТЕРОВ,
учитель-биолог

Боржоми, Грузинской ССР.

•

Сейчас слишком бездумно и безответственно обзаводятся детьми молодые родители, а они сами еще дети. Обзаводятся детьми и садятся, грубо говоря, на шею родителям.

Бабушки и дедушки, конечно, вынуждены бывают оставлять около себя своих неразумных детей, рано ставших отцами и матерями, нянчить и их и их детей. За плечами у этих бабушек и дедушек своя большая трудовая жизнь. Они заслужили отдых. А теперь иные молодые родители рассуждают так: бабки и дедки вырастят и наших детей!..

Я работаю в институте. Уже на четвертом курсе больше половины девушек выходит замуж. И многие из них рассчитывают так: нянчить детей наших будут бабушки и дедушки. У нас не должно быть родителей-иждивенцев. Сами родители обязаны воспитывать своих детей! А воспитывать, когда тебе самому 18 лет, когда за плечами ничего нет и сам-то ты еще иждивенец, невозможно. Вот над чем стоит призадуматься молодежи.

В. ЛУКАШОВА,
преподаватель

Хабаровск.

•

Мне кажется, что и поздние браки и ранние разводы могли быть не столь частыми, если б крепла моральная, духовная зависимость детей от родителей. Дети всегда должны чувствовать, что у них есть отец и мать. Это чувство не должно покидать их и тогда, когда они становятся самостоятельными, когда у них у самих появятся дети. И для этих детей дедушка и бабушка остаются самыми дорогими, даже если внуки находятся в детских садах или школах-интернатах.

А когда девушка идет на то, чтобы родить ребенка, не имея ни родителей, ни супруга, ей нужно создать благоприятные условия, а не осуждать ее.

В. ГРАБЦЕВИЧ

Рига.

•

Я тоже считаю, что в брак надо вступать раньше, что с семьей не нужно медлить. Это дисциплинирует, повышает чувство ответственности за жизнь, за свое поведение. Но, к сожалению, не всегда и не везде у нас заботятся о молодых семьях.

Моя дочь в 18 лет окончила техникум и вместе с дипломом об окончании преподнесла мне свидетельство о браке. Что делать? Поздравила молодых, а жить-то им негде... У меня одна комната, сын — студент вуза. Лето ютились вместе, а потом, когда дочь уехала работать в город, производство не обеспечило молодую семью жильем. Второй год дочь работает мастером цеха и кочует с мужем по разным частным углам. Какая же может быть речь о детях?

Н. ПРОКОШЕВА,
пенсионерка

С. Березовка,
Новосибирской области.

МУЗЕЙ КОСМИЧЕСКОЙ СЛАВЫ

Когда-то это здание украшало одну из улиц Хиросимы, но было изуродовано взрывом атомной бомбы в 1945 году... Искусно сделанный макет этого здания трудящиеся Японии подарили первой женщине, побывавшей в космосе,— Валентине Николаевой-Терешковой. И, словно песню о мире на земле, жители Львова преподнесли «Чайке» макет украинской избушки с аистом на крыше — символом счастья.

Эти и многие другие подарки космонавтам хранятся в доме, что находится на одной из улиц Звездного городка. Этот дом стал своеобразным музеем.

Работа и жизнь советских первооткрывателей космоса неразрывно связана со Звездным городком. Здесь жил, трудился, учился, а затем учил других сын планеты Земля, советский гражданин Юрий Алексеевич Гагарин. Отсюда космонавты уезжают на космодром. И здесь зримо представлены многие вехи освоения космоса.

В адрес Звездного городка идут письма и подарки от коллективов заводов и фабрик, из колхозов и совхозов, от учреждений и организаций, из городов и сел нашей страны и из зарубежных стран. Все собранное здесь — свидетельство большой любви и уважения к нашим летчикам-космонавтам.

Большинство подарков собрано в светлом зале. На стенах — портреты космонавтов, снимки, на которых запечатлены их встречи с нашими соотечественниками и трудящимися других стран. Тут и большой портрет К. Э. Циолковского, который подарил космонавтам художник П. Г. Плахов.

Подарков очень много. Рассматриваешь их и как бы ощущаешь сердечное тепло миллионов людей.

...Кузнец за работой, макет бензопилы «Дружба», миниатюрная гарпунная пушка. Рядом модели яхты, теплохода. Неподалеку — ткацкий станок, который свободно умещается на ладони. Вазы, великолепные шкатулки, куклы в национальных нарядах. Здесь же стеклянный, изумрудного цвета буй, сделанный руками норвежских студентов, и макет ракеты — подарок Джавахарлала Неру отряду советских космонавтов, и прекрасная ваза — от узбекского народа славным экипажам «Союза-4» и «Союза-5». Великолепно сделана модель первого спутника Земли. Коллектив 1-го Государственного подшипникового завода преподнес ее Валерию Быковскому. Очень много подарков от народов Индии, Японии, Болгарии, ГДР — изделия из дерева и хрусталя, слоновой кости и стекла, пластмассы и металла...

Рядом с центральным залом размещены еще два: мемориальная комната-музей и рабочий кабинет Юрия Алексеевича Гагарина. В кабинете скромная, деловая обстановка. На столе — лампы, календарь, авторучка, глобус. Большая карта Советского Союза на стене, а напротив бюст К. Э. Циолковского и портрет Н. П. Каманина — друга и наставника космонавтов.

Очень интересен и своеобразен этот музей космической славы, созданный в Звездном городке.

В. ФИЛАТОВ
Фото автора.

Бося САНГАДЖИЕВА

ОГОНЕК

Как я счастлива бывала
В стороне степной,
Если в детстве разжигала
Огонек ночной!

В темный вечер с кизяками
В кожаной суме
Выйду в степь — и вспыхнет пламя
В беспредельной тьме.

Огонек веселый, прыткий
Заиграет вдруг,
Озаряя все кибитки
И простор вокруг.

Он в ночной степи обширной
Видится везде,
Уподобленный надмирной
Молодой звезде.

Мне дарил такую смелость
Мной зажженный свет,
Что бежать, кричать хотелось:
«Люди! Ночи нет!»

За снегами, за полями
Скрылась та пора,
Но храню я в сердце пламя
Детского костра.

СТАРАЯ ТРУБКА

Чем былое дальше и древней,
Чем новей забавы и привычки,
Тем сыскать становится трудней
Трубку прежних, отошедших дней,
Что курили некогда калмычки.

Было так: невестка и свекровь
После ссоры подружились вновь,
Предаваясь тихому досугу,
Трубку крепким табаком набьют
И почтительно передают —
Мирную, дубовую — друг другу.

Будто не с невесткою свекровь —
Две подружки в редкие мгновенья,
Вспомнив несчастливую любовь,
Откровенничают без стесненья,

Две подружки, чья судьба горька,
Наслаждаясь разговором вволю,
Отравляют ядом табака
Женскую безрадостную долю.

Постарались наши мастера,
Трубку сотворили, песне вторя:
Верх покрыли блеском серебра,
Проложив внутри тропу для горя,

Провели узор по чубуку,
Чтобы люди век ее курили:
Затаив незримую тоску,
Видимую радость всем дарили.

Перевел с калмыцкого
С. ЛИПКИН.

Героям-космонавтам от военных моряков.

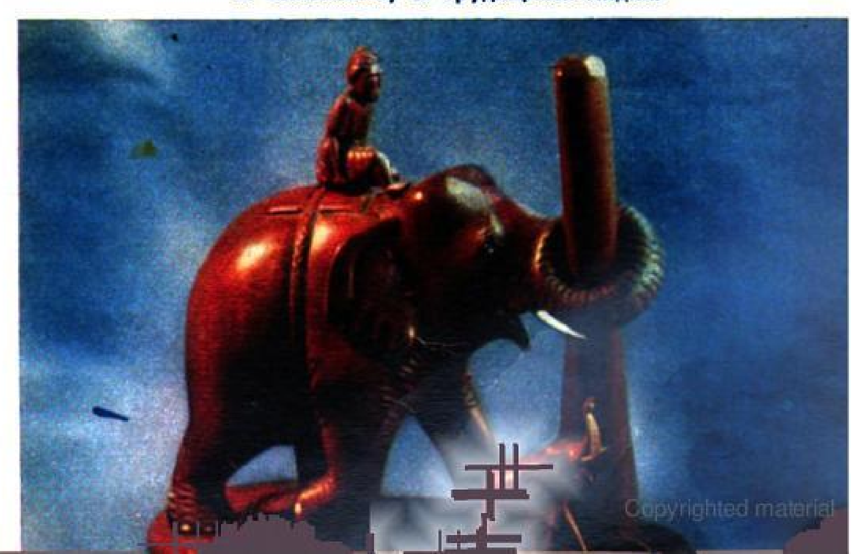
Подарок трудящихся Вологды — ключи от города — П. Беляеву и А. Леонову.

Мемориальная комната-музей Ю. Гагарина.

В. Николаевой-Терешковой от трудящихся Ленинского района города Львова.

В. Быковскому от трудящихся Индии.

Куклы в национальных костюмах — подарок трудящихся Болгарии Ю. Гагарину.

В. Николаевой-Терешковой от японских работниц.

Подарок рыбаков Ростока (ГДР) П. Беляеву.

Ю. Гагарину от коллектива Ярославского автозавода.

Г. Титову от работников милиции.

Подарок комсомольцев Молдавии В. Быковскому.

Оказывается, существует

Рассказ

Леонид ЛЕНЧ

Давайте простим герою этого рассказа, симпатичному молодому человеку с круглым лицом мягкого славянского типа, в шубе, в шапке из меха нерпы, появление перед читателями в несколько возбужденном состоянии.

У него — особые обстоятельства, о которых вы сейчас узнаете.

Итак, герой рассказа вваливается ночью, точнее, уже под утро, в салон «Ила», отлетающего из Москвы на восток, с бутылкой крымского муската в одной руке и с пузатым портфелем в другой. Он бесконечно весел и бесконечно счастлив. Пожалуй, даже можно сказать, что он больше пьян от счастья, чем от вина.

С широкой, блаженной улыбкой на лице наш герой обращается к хорошенькой белокурой стюардессе, с осиной талией и высокой грудью, стянутой почти до удушья синим форменным пиджачком, и с пьяной обстоятельностью громко, так, что все в салоне его слышат, говорит:

— Девушка, я вас очень прошу... сейчас появится моя жена, ее зовут Катя... Она, собственно, еще мне не жена, свадьба будет дома, но все уже обговорено и железно решено. Любовь до гроба и... порядок в танковых частях!

— А где она, ваша Катя? Надо бы ей поторопиться!

— Она... в общем, прошу показать моей Кате, где я сижу... то есть еще не сижу, а сяду, согласно взятым билетам.

— А как я ее узнаю?

— Высокая красивая блондинка. Принцесса из детской сказки. Только у вас глаза голубые, а у нее карие.

— Хорошо, хорошо, гражданин, хватит вам болтать, идите садитесь, не задерживайте посадку.

Стараясь держаться твердо и прямо, герой рассказа проходит между рядами кресел, находит свое место у окна, забрасывает пузатый портфель на сетчатую полку и садится, вытянув длинные ноги и поставив на пол между ними свою бутылку с мускатом. Сначала он ерзает в кресле, ежесекундно оборачивается, смотрит, не появилась ли его Катя в проходе, но потом запас нервной энергии, который он начал растрачивать, видимо, еще с прошлого утра, катастрофически кончается, и с героем происходит то, что у поэта выражено одной емкой строкой: сон сломил богатыря! Уронив голову на грудь, герой рассказа засыпает сладким, беспробудным сном. В проходе между кресел появляется девушка, блондинка, не высокая и не очень красивая, а так... ничего. Не принцесса, а Золушка, не уехавшая в золотой карете на бал, во дворец к своему принцу.

Она садится рядом со спящим героем рассказа в свободное кресло.

Самолет выруливает на взлетную полосу. Рев турбин, разбег, и вот «ИЛ» уже оторвался от грешной земли и летит со скоростью семьсот километров в час навстречу поднимающемуся с востока солнцу.

Через час после взлета герой рассказа просыпается и видит в окне чистую огнистую лазурь небесного океана и розовые ватные вершины облачных гор под крылом самолета. Урча, как довольный кот, еще не совсем проснувшийся, он наклоняется к своей соседке и целует ее в щеку. А соседка возмущенно его отталкивает.

— Вы что, гражданин, с ума сошли?!

Герой рассказа очумело смотрит на нее и хлопает глазами. Сон и хмель мгновенно отлетели от него, лицо выражает растерянность, даже ужас.

— Извините! А где же моя Катя?

— Я Катя, но я не ваша!

— А где моя?

— Не знаю.

Герой рассказа поднимается одним рывком с кресла и бежит по проходу — ищет свою Катю среди спящих пассажирок. Но Кати нет! В полном отчаянии, не соображая, что делает, он начинает трясти ручку входной дверцы. Появившаяся стюардесса с трудом оттаскивает его от этой двери в никуда.

— Гражданин, что вы делаете?! Во-первых, вы все равно дверь не откроете, а во-вторых, внизу все-таки десять тысяч метров при пятидесяти с лишним градусах мороза!

— Где моя Катя?!

— Сидит рядом с вами. Я ее спросила: «Вы — Катя?» Она сказала: «Да».

— Она не моя Катя! Где моя Катя?!

— Не знаю. Другие Кати в Москве не садились.

Герой рассказа возвращается на свое место. Вид у него несчастный, пожухлый. Куда девалась вся его предутренняя молодецкая удаль!

Катя-соседка изнемогает от любопытства и полна сочувствия.

— Что там у вас случилось?

— Если бы я сам знал, что случилось!

— Расскажите! Проанализируем, разберемся.

Внимательные, жалеющие женские глаза располагают к себе и внушают доверие.

«Успокойтесь, голубчик! — просят глаза.— Возьмите себя в руки и расскажите все связно и по порядку. Мы дадим вам хороший совет».

Взяв себя в руки, бедный жених без невесты начинает свой рассказ.

— Понимаете... в прошлом году приехал в Москву со своей стройки в отпуск. Познакомился в одном доме с Катей... с этой... со своей. Она работает в библиотеке. И мамочка ее тоже библиотекарша. И вот... в общем, влюбляюсь вдребезги. И она в меня тоже вдребезги. А что?! Разве в меня нельзя влюбиться?

— Почему же нельзя? Наверное, можно!

Тут в разговор бесцеремонно вмешивается пассажир, сидящий впереди. Лица его не видно, поэтому точнее будет сказать, что в разговоре участвует лишь его спина — тяжелая, авторитетно-подавляющая.

Спина, иронически хмыкнув, говорит:

— Ни с того ни с сего взяла и влюбилась в тебя?!

— По-моему, влюбляются всегда ни с того ни с сего. Влюбилась, голубушка — и все! Хорошо! Уезжаю к себе, и начинается у нас бешеная переписка. До того дошел, что стал писать ей стихами. Плохими, но своими. Отвечала тоже стихами. Хорошими, но чужими. Снова приезжаю в Москву — вот теперь с железной целью: увезти ее к себе. Смотрю, возле Кати вьются два приятеля — Шурик и Юрик. Шурик — чепуха, не соперник. А Юрик... тот, вижу, серьезные виды на нее имеет!

— Кто он такой, этот Юрик?

— Такой... с усиками. И с кооперативной квартирой. Племянник какого-то директора чего-то там галантерейного. Веду честную борьбу с Юриком в энергичном, атакующем стиле. Юрик получает полную отставку. И мы с Катей железно решаем: она берет отпуск в библиотеке за свой счет, летим ко мне, играем свадьбу. Потом она одна летит назад в Москву, все оформляет на работе и дома и возвращается ко мне как полновластная жена и хозяйка. Мудро?

— Мудро! — соглашается с героем рассказа Катя-соседка.

— Даю комбинатским дружкам телеграмму: «Прилетаю Москвы невестой встречайте музыкой». У нас комбинатские ребята сколотили самодеятельный джаз — будь здоров!

Спина смеется:

— Поторопился ты с музыкой! Не говори гоп, как говорится, пока не перескочишь.

— Ничего смешного тут нет! — обрывает его Катя-соседка.— Ну, а что дальше-то было у вас с Катей?

— Приехали с ней в Домодедово, все шло честь по чести...

Спина деловито спрашивает:

— Багаж она с собой взяла?

— Нет, только ручной чемоданчик. Поднялись в ресторан, а там уже сидели Шурик и Юрик. Оказывается, приехали ее проводить и проститься. Ну, посидели, выпили. Хорошо выпили, поскольку вылет самолета был отложен по метеорологическим условиям.

— Платил кто в ресторане?

— Кажется, Юрик. Он заказывал, он и платил.

— Понятно! Дальше давай! — командует спина.

— Объявили посадку. Мы поднялись из-за стола. Вдруг Катя сказала: «Мне нужно маме позвонить, я забыла ей кое-что очень важное сказать. Ты иди в самолет, занимай места, я позвоню маме, а мальчики меня потом проводят. Время еще есть».

— А ты что?

— Я все понял. Отдал ей билет и пошел как рыцарь. А потом... проснулся уже в воздухе!

— Суду все ясно! — объявляет спина.

— Что суду ясно?

— То, что ты, братец, извини, но форменный лопух. Они же тебя нарочно напоили, а потом он ее увел!

— Кто увел? — взвивается жених без невесты.

— Юрик с усиками. Который с кооперативной квартирой.

— Куда увел?

— К себе, в кооперативную квартиру!

— Но она же меня любит, а не Юрика!

— Ой, лопух, лопух! У тебя — тайга далеко на востоке, а у него — кооперативная квартирка в столице нашей родины. И плюс дядя — директор чего-то там галантерейного. Ну-ка, прикинь на весах трезвого женского расчета!

— А любовь? — возмущается Катя-соседка.— Куда вы любовь-то дели?

— Любовь?! — Спина иронически хмыкает.— Знаем мы вашу сестру и вашу, с позволения сказать, любовь!

В словах и во всем тоне Спины есть какая-то жестокая подловатая убедительность. Герой рассказа подавлен ею. Обернувшись к окну, он лихорадочно ворошит в своей памяти события минувшей ночи. И все, что произошло, становится ему подозрительным, полным зловещего тайного смысла. «Как он на нее смотрел в ресторане! И как она на него глядела! Боже мой, кажется, я действительно лопух и романтический дурень!»

В Свердловске — первая посадка. Хорошенькая стюардесса объявляет, что по техническим причинам остановка продлится полтора часа, и пассажиры могут, кто хочет, погулять.

Самолет садится и подруливает почти вплотную к зданию аэровокзала.

Герой рассказа первым вскакивает со своего кресла, нахлобучивает на голову свою роскошную шапку из меха нерпы и стремительно убегает.

Спина говорит:

— Через час его принесут в виде мертвого тела!

— Что вы хотите этим сказать? — пугается Катя-соседка.

— То, что он мертвецки напьется и своими ногами до самолета не дойдет.

...Герой рассказа возвращается в самолет через сорок пять минут. Он трезв, как стеклышко. И снова от него так и пышет счастьем. Он достает с полки свой портфель, берет бутылку с мускатом.

— Вы остаетесь в Свердловске? — спрашивает его Катя-соседка с радостным удивлением.

— Остаюсь! Только ступил под своды аэровокзала, дикторша ангельским голосом объявила, что меня просят пройти в радиоузел. Бегу! Вручают телеграмму от Кати: «Милый прости заговорилась мамочкой опоздала посадку вылетаю следующим самолетом рейс такой-то целую тысячу раз». Уже дал телеграмму в Москву, что буду ждать ее в Свердловске. И все оформил в смысле багажа и билета. Аэрофлот пошел навстречу. Посмеялись, но сделали. Даже ночлег обещали. Так что... порядок в танковых частях. Прощайте! Спасибо вам за сочувствие. Желаю вам, милая не моя Катя, счастья такого же, как у меня и у моей Кати!

Он уходит.

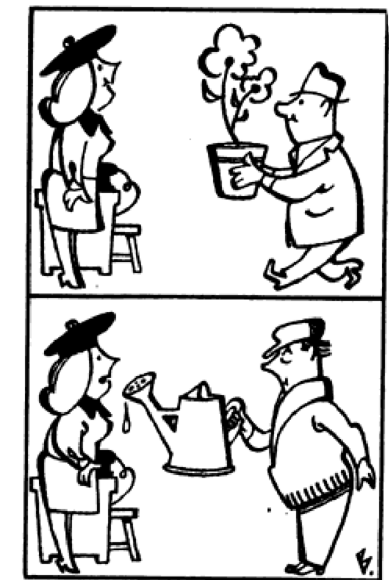
Его соседка — теперь она уже его бывшая соседка — говорит, усмехаясь:

— Товарищ Спина, а любовь-то, оказывается, существует!

Спина — тяжелая, подавляюще-авторитетная — молчит.

Возвращение...

Праздничный набор.

Без слов.

Рисунки М. Вайсборда, В. Воеводина, Ю. Черепанова и Е. Шабельника.

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—9.

8

Давно такое не случалось в практике Птицына. Всякое с ним бывало — как-то целый месяц плутал он по ложному следу. Но уже после того, как нащупал правильную дорогу, тут уж никто не мог сбить его с курса. А с «Доб-1», как он выражался, черт те что получается. Вчера вечером, кажется, все неоспоримо свидетельствовало: иностранная студентка, Ольга. И вот с утра...

Снегирев не подтвердил:

— Нет, не похожа! Фигура вроде бы та же, а лицо? Есть что-то общее... И все же нет, это не она... И прическа у той, в ГУМе, была совсем другая.

Значит, цепочка, связывавшая студентку Ольгу, врача-практиканта в подмосковном городке, с Зильбером, с девушкой из ГУМа и «Метрополя», рвется. Что же остается на чаше весов Ольги? У нее на приеме в поликлинике были пять молодых горожан из числа 11, получивших по почте газеты-листовки... Не густо!

И нельзя же забывать об исходной позиции, о главном: «Доб-1»... Адрес получателя «Медицинской газеты»... При чем тут Ольга? А если такой вариант: доктор Васильева дает прочитанные газеты студентке-медичке? Да, она и сама может взять их... Впрочем...

И снова раздумья: Ольга или Марина? И вдруг звонок из приемной...

— Сюда явился гражданин Победоносенко...

...Птицын поднялся из-за стола навстречу Аркадию Семеновичу, протянул руку, поздоровался, пригласил сесть, а сам занял свое любимое место на подлокотнике большого мягкого кресла в углу комнаты.

— Будете курить?

— Благодарствую. Воздержусь.

— Кофейку?

— Благодарствую. Предпочел бы перейти к делу.

Птицын улыбнулся.

— Не торопитесь... Я ведь ждал вас, Аркадий Семенович. Никому не говорил об этом, даже ближайшему помощнику, но был почему-то уверен, что придете.

— Странно... Почему вы меня могли ждать?..

— Мы с вами знакомы...

— Не имею чести... Правда, как поется в песне, Одесса очень велика...

— Нет, мы не в Одессе встречались с вами, а в этом же доме... Хотя и не без посредничества Одессы... По делу шайки одесских контрабандистов...

— А-а-а, вспоминаю, вспоминаю. У вас, чекистов, плохая привычка — извините за откровенность. Вы всегда изволите усаживаться таким образом, что ваше лицо с трудом разглядишь, а собеседник — как на ладони. Теперь я вижу, что лицо знакомо... Да, встречались.— И он опустил глаза.— Грехи молодости. Но я, кажется, искупил свою вину. Ведь в этом доме я бывал и после войны. Вам известно?

— Да, известно. Поэтому я и ждал вас. Верил в вас. Хотя тут недавно дрогнула моя вера. И все же ждал.

— Спасибо...

Минуту-другую гость молчал. Упершись локтями в стол, он обхватил лицо ладонями.

— Ну что же... Слушаю вас, Аркадий Семенович.

Одессит достал из маленького чемоданчика, поставленного им у ног, изящные дамские туфли и положил их на стол.

— Как понимать прикажете?

Победоносенко все так же молча взял в руки правую туфлю, недолго повозился с ней, отвинтил четыре маленьких, тщательно замаскированных шурупа и легко, даже несколько грациозно, с претензией на артистичность, отделил каблук.

— Вот полюбуйтесь... Отлично сработанный тайничок... Хотите — кладите золотые, хотите — зелененькие...

— И что же? — невозмутимо спросил Птицын, окинув беглым взглядом тайник.— Вернулись к старому, а потом рудименты совести появились? Бывает...

— Не надо так говорить, товарищ начальник. Зачем обижать старого человека?

— Я бы вас еще не зачислил в старики...

— Слышать комплименты в таком доме очень приятно. Но, увы, мне за шестьдесят. Это уже возраст, когда человек должен быть таким, как он есть... Без камуфляжа...

— И что же? — тем же невозмутимым тоном спрашивал Птицын.— Какой вы есть?

— Победоносенко давным-давно сказал себе: «Забудьте думать, Аркаша, про старое. Вы не найдете там счастья...» Я пришел к вам с открытой душой. Поверьте, что эти туфли с тайником попали ко мне случайно. Соседка по дому знала, что я иногда...

Он запнулся.

— Не буду таить от вас. Готов понести наказание... Иногда Победоносенко тряхнет стариной и берет в руки изящную туфлю, чтобы навести полный порядок. Я знаю, что этот вираж налево карается законом. Каюсь... Но не могу удержаться... Поверьте: меньше всего для заработка. Больше для души... Узкий круг клиентов... Принимаю только экстрамодельные. И всегда предупреждаю хозяйку: «Вы мне не объясняйте, что надо делать. Победоносенко знает это лучше вас. Туфли должны вернуться к хозяйке в наилучшем виде. И все, что нужно для этого, Победоносенко сделает. Рубчики, набойки — это не моя стихия». Я и ее предупредил...

— Кого ее?

— Соседку... Дочку докторши... Марину... Ту, что эти туфли дала в починку.

— Что вы о ней знаете?

— Слухи ходят разные.

И он долго рассказывал о семье Марины. Рассказал все, что Птицыну и без того было известно. Потом снова о туфлях, которые он, согласно своему кредо, должен был вернуть в наилучшем виде и потому тщательно проверил каблук, стельки, подметки.

— А глаз у Аркадия Победоносенко, слава богу, как рентген. Это знала вся Одесса. И вы

СНОТВОРНОЕ

Е. МОСКОВСКАЯ

— Нужно выходить не за рыбака, а за охотника.

Всю ночь Иван Максимович мучился бессонницей. Ему уже надоело смотреть в синее ночное окно, надоело слушать гул проходящих мимо грузовиков и беседовать с лимонной, глуповатой луной, повисшей в тесном для нее окне.

Он было собрался обратиться к своей сухопарой, высокой супруге Марии Ильиничне, сжавшейся в комочек на соседней половинке тахты, но вспомнил, что они поссорились. «Глупо,— думал Иван Максимович,— но все-таки я прав».

Причиной ссоры было лекарство. Мария Ильинична целый день проездила по неотложным делам. Она заезжала к косметичке, приятельнице, а уж совсем падая с ног, добралась в прачечную. День она закончила у дочери, на другом конце города, играя с внучкой Мариной. И, конечно, только возвращаясь домой, вспомнила, что не купила мужу снотворного и что аптека уже закрыта.

Вечером Иван Максимович вернулся домой, лег спать, и между ними произошла сцена.

Теперь они лежали спиной друг к другу и не спали. Мария Ильинична уже отлежала бок, ей очень хотелось повернуться, но она боялась, чтобы муж не истолковал это как шаг к примирению.

Иван Максимович собрался было уже заговорить, но, вспомнив о ссоре, начал направлять мысль свою в рабочее русло и вспоминать, как он сделал сегодня доклад на областном совещании и что изложение доклада этим утром должно быть напечатано в газете.

«Хорошо, хорошо»,— думал Иван Максимович и ворочался во все стороны, сбивая одеяло и простыню. Тут он опять вспомнил о буднях, о жене и о том, что она даже не спросила, как был встречен доклад, обиделся и совсем затих.

Остаток ночи прошел мучительно: Иван Максимович бегал в ванную, мочил большой клетчатый платок в холодной воде, обвязывал им голову, постанывал, а в голове у него все скребло и горело. Наверно, давление... Потом в беготню включилась Мария Ильинична, и скоро начало светать.

Утром дочь Ивана Максимовича и Марии Ильиничны завезла им внучку Марину, и Мария Ильинична умиленно кормила внучку завтраком. Раздался звонок, резкий и требовательный. Мариша сорвалась с места, открыла дверь. Шофер Ивана Максимовича, раскрасневшийся от утреннего морозца, в пушистой ушанке, вошел, держа в руках свежие газеты.

— Вот,— сказал он, широко улыбаясь,— напечатали Ивана Максимовича.

Маленькая Марина отнесла дедушке газеты и вернулась завтракать.

Иван Максимович углубился в чтение газеты.

— Так, так,— доносилось из спальни.

Мария Ильинична торопила Марину: надо было докормить ее, потеплее закутать и отправить гулять до обеда.

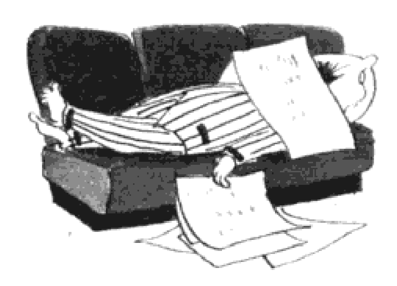
В двух шапках, в шарфе и шубке, перетянутой кушаком, в валенках с калошами, еле поворачивая шею, со щеками и носом, намазанными гусиным жиром, неловко переваливаясь, маленькая Марина поковыляла сказать дедушке «до свидания».

Через минуту Марина вернулась из спальни к бабушке и пролепетала:

— Дедушка спит.

Мария Ильинична, шурша халатом, подошла к порогу спальни. Там, прикрывшись недочитанной газетой, похрапывал Иван Максимович.

Мария Ильинична опустилась на пуф тахты и облегченно вздохнула.

тоже. Вы мне это сказали тогда, на допросе. Я не забыл...

— И что же увидел глаз-рентген?

— Гм... Странный вопрос... Разбудите Аркадия Победоносенко ночью, покажите ему новенькую туфлю, в которой какой-то прохвост смастерил тайник,—и я его сразу же найду вам. Школа одесских контрабандистов, товарищ начальник,— это академия...

— Итак, вы нашли в туфлях Марины Васильевой тайник. Кто еще знает об этом?

— Почему вы задаете такие странные вопросы Аркадию Победоносенко?..— Он уже говорил на высокой ноте.— Кто приходил в этот дом, чтобы рассказать о встрече с Косоглазым? Кто, спрашиваю я вас? Кому одесские шмаровозы чуть не устроили в Измайлове темную за этот визит? Кому, спрашиваю я вас? У кого на спине рубец от ножевой раны и левая рука пошаливает? У кого, спрашиваю я вас?

И он поднялся с места, скинул пиджак, задрал рубашку:

— Вот он, рубец. Били и кричали: «Легавый! Живым не быть тебе!» Смотрите, товарищ начальник... И не задавайте Аркадию Победоносенко странных вопросов.

Птицын подал стакан воды.

— Выпейте, успокойтесь. Все это нам известно. Я знакомился с вашим делом. Потому и сказал, что ждал вас и верил вам... Вы превратно поняли мой вопрос. Ведь могло случиться, что в комнате, где вы, по вашему выражению, даете левый вираж, находился еще кто-то.

— Никого... Я живу один и работаю ночью... Повторяю — для души. Это как у алкоголика... Обнаружив тайник, я сразу понял: «Аркаша, дело жареным пахнет... Это тебе не контрабанда». И еще, товарищ начальник, хотел бы обратить ваше внимание на одно удивительное совпадение.

Победоносенко достал из кармана подаренную ему шофером заморскую коробку от сигарет, раскрыл ее и протянул Птицыну.

— Смотрите... Вам что-нибудь говорит эта цифра?..

— Давайте с вами условимся, Аркадий Семенович: в этой комнате вопросы задаю я, а вы отвечаете на них.

— Простите, память короткая... Вы меня уже однажды предупреждали...— Победоносенко смутился и стал барабанить пальцами по столу.— Я вас слушаю, товарищ начальник, какие будут вопросы?

— Откуда к вам попала эта коробка?

— Подарок дружка — шофера такси. Он знал, что я коллекционирую папиросные коробки...

И Победоносенко рассказал Птицыну все, что слышал вчера от шофера. Коробку эту, очевидно, обронил кто-то из тех «прибалтов» — таксист твердо решил, что миловидная парочка, которую он вез под Можайск,— это «прибалты»: и по внешнему виду и по говору. И вот извольте — бывают же такие совпадения. Недавно шофер увидел ту самую девушку во дворе дома, где живет Победоносенко. Таксист поджидал друга на скамеечке в садике. И вдруг замечает, как из подъезда выходят две девицы и одна из них — та, что на такси с милым под Можайск катила. А навстречу им Аркадий Семенович шествует и учтиво раскланивается. В тот день таксист забыл спросить у друга про девушку. Да и ни к чему она ему. А вчера, когда коробку подарил, вспомнил, хотя и был достаточно «нагружен».

— Бывает же так, товарищ начальник... Говорят, алкоголь обостряет умственную деятельность...

— Возможно... Правда, мне самому не доводилось проверять сию мудрость... Но раз говорят, значит, бывает.— И Птицын сдерживает чуть насмешливую улыбку.— Нет истин, которые можно применить ко всем людям...

Птицын рассматривает коробочку, открывает, закрывает ее, кладет в сторону.

— Пойдем дальше... Много лет назад вы расстались с «Косым». Помните, конечно, такого?

— Ефима Михайловича Плешакова?

— Это его настоящая фамилия?

— Как в метриках записали, не знаю, а в Одессе все больше «Косым» звали...

— Так вот, вернемся к первому моему вопросу: когда вы в последний раз видели «Косого»?

Победоносенко насупился, даже скис как-то.

— Видел несколько лет назад... На очной ставке... А слышал о нем на прошлой неделе. Есть у нас общий знакомый по Одессе. Заходил ко мне и говорил, будто на ВДНХ видел «Косого» в толпе гуляющих. Прискорбно, но факт. Не могу знать, как занесло его сюда — то ли срок кончился, то ли в бегах пребывает. Замечу, однако, товарищ начальник, что побаиваюсь, как бы этот тип со мной чего не сотворил.— И у сапожника слегка задрожал голос.— Мужчина он такой... По части темперамента перебор имеет. Второй раз пойти на тет-а-тет... Скажу вам по совести — это очень неприятно...

— Вы можете не беспокоиться, Аркадий Семенович. Соответствующие меры будут приняты. А теперь еще один вопрос: где работает ваш приятель, таксист?

Победоносенко назвал номер его машины.

— Ну что же, Аркадий Семенович, будем прощаться. Точнее — до следующего нашего свидания. Договариваемся вот о чем — вы посидите в приемной. Вам принесут туда туфли, и вы должны привести их в первородное состояние. Чтобы никаких следов. Туфли не спешите возвращать хозяйке. У вас есть телефон? Отлично. Вам позвонят. Тогда вы тотчас же отнесете туфли. И, конечно, ни гу-гу... Ясно? Можете идти. Впрочем, последний вопрос.

— Слушаю...

Птицын испытующе смотрит на Победоносенко, словно заранее сомневается в правильности его ответа.

— Знаю, что, возможно, и обижу вас своим вопросом, но не задать его не могу: зачем вы ездили вчера в Архангельское?

Победоносенко тяжело вздохнул.

— А говорите, что верили мне, ждали меня... Э-хе-хе... Человек ты с отметинкой, Аркаша.

— Можете не отвечать на этот вопрос, если он вам неприятен... Итак, мы с вами договорились...

— Нет, нет, товарищ начальник, мы еще не договорились. Вы будете слушать Аркадия Победоносенко или что? Победоносенко будет рассказывать вам про Архангельское, про тетю Фросю, которая была для моей покойной супруги больше, чем сестра ее мамы... Если бы вы видели, как эта старая женщина боролась со смертью, что стояла у изголовья моей дражайшей... Разве может Аркадий Победоносенко забыть такое? И он регулярно, раз в неделю, ездит в Архангельское, к тете Фросе. Раз в неделю он привозит тете Фросе ее любимые конфеты... Есть еще вопросы к Аркадию Семеновичу или нет?

— Нет... Спасибо вам, товарищ Победоносенко... Вы не сердитесь. У нас служба такая... Бывайте здоровы.

...В ожидании туфель сапожнику пришлось задержаться в приемной.

Птицына интересует — в какой стране, какой фирмой сделаны эти элегантные туфли. А эксперт, пустив в ход всю свою технику, исследуя сохранившиеся на стельке три (из скольких?) золотистые буквы и стертые очертания какого-то фирменного знака, сразу ответа дать не может. И только перелистав множество каталогов, альбомов зарубежных обувных фирм, смог наконец назвать и страну и фирму. И указал при этом в заключении: «В СССР обуви не поставляет».

...Так, ясно,— значит, Марина не могла купить эти туфли в Москве, значит, кто-то привез ей. Подарок от Эрхарда? Или купила у кого-то? А может?..

Мысль ищет любые возможные ситуации. А если Марина отдавала в починку чужие туфли? Чьи? И еще. Тогда во дворе сапожник раскланивался с Мариной. Но таксист в равной мере мог решить, что поклон галантного Победоносенко адресован Ольге... И снова — Ольга или Марина?

* * *

Из Подмосковья Птицын вернулся к вечеру. Ему без особого труда удалось установить «биографии» остальных пяти адресатов: все они были на приеме у старого, заслуженного врача Веры Петровны в те дни, когда Ольга проходила под ее опекой практику. Они обе вели прием, и студентка могла, конечно, запросто списать адреса приглянувшихся ей пациентов.

Значит, Ольга? А как быть со злополучными туфлями? И еще одно обстоятельство: сообщение Серго, разыскавшего таксиста. Ко всему тому, что уже было известно из рассказа Победоносенко, шофер добавил некоторые детали. «Прибалты» ехали в гости к каким-то знакомым. По дороге несколько раз останавливались, любовались природой, фотографировали друг друга, у речки задержались. Шофер не может утверждать с абсолютной точностью, но ему показалось, что мужчина набрал в бутылку воду. Сигаретную коробку он нашел вечером, вернувшись в парк. Она забилась в угол заднего сиденья. Когда была сделана запись, на каком участке пути,— сказать не может. Не заметил. Что касается существа самой записи, то ее легко удалось расшифровать — номер военной машины N-й части. Есть основание считать, что она встретилась «прибалтам» в пути.

Серго попытался с помощью таксиста нарисовать словесный портрет спутницы иностранца, и получалось что-то похожее на Марину — нос, глаза и...

Его прервал Бахарев — он находился здесь же, в кабинете Птицына.

— Это была не Марина. Я решительно утверждаю...

Сказано это было Бахаревым тоном категорическим, что случалось с ним не так часто. Птицын даже несколько удивился.

— Что с тобой?.. «Утверждаю», «Решительно утверждаю»...

— И тем не менее я остаюсь при своем мнении.

— Только учти, что есть такая опасность:

оставаясь при своем мнении, можно остаться в одиночестве...

— Постараюсь избежать такой опасности. Так вот... Видимо, наш друг Серго, собирая материал для словесного портрета, был одержим навязчивой идеей: Марина, та самая, с которой он сидел за одним столом в ресторане. А я выдвигаю другую и, на мой взгляд, весьма основательную версию — Ольга, та самая Ольга, которая на студенческом вечере постаралась замять явно нежелательный для нее разговор о поездке с мужем под Можайск, в гости к однокурснику. Почитайте мое соответствующее сообщение. Я вам докладывал, Александр Порфирьевич, про перепалку рыжеволосого паренька и Ольги. Вспомнили? Так вот, разрешите провести вторичный опрос шофера...

Часа через два Бахарев вернулся от таксиста. Из пяти предъявленных шоферу фотопортретов, в том числе и Марины, таксист сразу опознал Ольгу. Более того. Сравнительный анализ почерка иностранной студентки — Бахарев уже давно заполучил фотокопии институтских работ и Ольги и Марины — и человека, сделавшего запись на папиросной коробке, подтвердил полную их идентичность.

А поздно вечером на квартире у Птицына раздался телефонный звонок. Звонил Бахарев.

— Прошу прощения за беспокойство в поздний час. Не удержался, Александр Порфирьевич! Спешу доложить,— и у него несколько задрожал голос,— туфли с тайником принадлежат Ольге. Подробности завтра утром. Спокойной ночи.

* * *

Для него она была отнюдь не спокойной. Он по-прежнему весь в трудных раздумьях. И чем ближе развязка дела «Доб-1», тем острее ощущалось, как к приятному чувству примешивалась неясная тревога. Марина! Она оставалась для него загадкой даже после того, как сегодня раскрылась история злополучных туфель с тайником. Однако не все еще ясно. А встречи с «туристом», Кох, Зильбер? А приветы и подарки отца? Почему она, так много рассказавшая ему, Бахареву, о своей жизни, утаивает все эти страницы биографии? Что тут: страх, малодушие или нечто посерьезнее? Говорят, что страх рождает подлость. Нет, не допускаю того... Эта девушка хлебнула в жизни много горя — его хватило бы на пятерых. Но горести не подавили в ней ни ума, ни души, ни силы характера. И того, и другого, и третьего природа отпустила ей вдоволь. Так в чем же дело? Складывалась сложная и запутанная схема взаимоотношений Марины со всеми теми, кто оказался в кругу причастных к «Доб-1», к листовкам в студгородке и Подмосковье. Схема эта пребывала в состоянии неустойчивого равновесия, и каждый день выявлялись новые обстоятельства.

Бахарев вышел из будки телефона-автомата. Подошел поближе к дому Марины. Глянул вверх. Маринино окно, словно светлячок в темноте, светится. Не спит. Что делает, ершистая?

О, это у нее отлично получается — ершиться! Вспомнил их сегодняшний спор. Начался он с обмена мнениями об одной из новинок в толстом журнале, а кончился дискуссией на темы политические: что есть демократия? В разгар словесной перепалки Марина совершенно неожиданно дала «залп» афоризмом: «Мало иметь убеждения, нужно еще уметь и убеждать». И тут же весело рассмеялась. Николай насмешливо спросил:

— Как прикажете понимать вас, сударыня,— полное согласие с убеждениями Бахарева, который, однако, не мастак убеждать других? Вы жестоко ошибаетесь, сударыня.

Потом они болтали о всяких разностях. Бахарев принес Марине польский журнал мод, и когда разговор зашел о модах и модницах, Николай Андреевич решил: теперь самое время сделать тот самый ход, что подготовлен и разработан им был вчера вместе с Птицыным.

— Я глубоко убежден, Марина, что с модой бороться бесполезно. Она всесильна и покоряет всех... Представь, не далее как полчаса назад у вас во дворе встречаю знакомую, Анну Петровну, из издательства. Пожилая, скромно одетая женщина, которую никак не причислишь к модницам. И что же оказывается: буквально помешана на модных туфлях... И в починку отдает их только какому-то своему, особому, частному мастеру, кстати... он в вашем доме живет... Анна Петровна уверяет, что это художник, маг...

Что скажет сейчас Марина? Как будет реагировать? Отмолчится и, возможно, потом попытается проверить Бахарева? На этот случай Птицын предупредил сапожника: «Если кто-то поинтересуется: «Есть ли среди ваших клиентов Анна Петровна?» — отвечайте: «Да, есть такая...» Нет, она не отмолчалась.

— Твоя знакомая права. Это действительно маг. Прекрасный мастер. Хорошо, что ты напомнил о нем. Чуть было не забыла. Я отдала ему в починку Олины туфли...

У Бахарева перехватило дыхание. А Марина продолжает, но теперь уже с раздражением:

— Недавно звонила и просила забрать их у сапожника... Экая барыня! Говорит: «Если ты, Мариночка, не очень занята, привези их мне, пожалуйста». У нее, видите ли, семинар, а туфли срочно понадобились. Я ей говорю, что не могу, жду тебя, а она: «Будет очень приятно видеть тебя вместе с Николас».

Бахареву хочется немедленно звонить Птицыну, немедленно сообщить, что туфли с тайником принадлежат вовсе не Марине, а Ольге, что сейчас... Но сейчас лицо его должно выражать полное безразличие ко всему услышанному. А Марина куксится.

— Придумала барыня: семинар у нее... Ты поедешь со мной? Я не настаиваю. Ну, если ты ничем не занят, тогда другое дело... На, почитай «Литературку», а я спущусь вниз к сапожнику за туфлями.

...Ольга встретила их радушно. Держалась легко, непринужденно, все время щебетала, расточала заученные улыбки, говорила, что рада видеть вместе с Мариной Николаса. На столе появились кофе, печенье, конфеты.

Вскоре пришла Герта, чуть позже — Владик. Он чувствовал себя здесь как дома. Приехал прямо из института. И оживленно рассказывал про какого-то крупного ученого-математика. В «студенческих кулуарах» о нем говорят как о «ниспровергателе основ», «бунтаре».

— Чем же он недоволен? — спросил Бахарев.

Владик удивленно посмотрел на Николая, словно тот задал какой-то очень глупый вопрос.

— Сопротивлением материалов...

— Простите, не понял. Это каламбур?

— Нет, всерьез. Профессор считает, что гайка завинчена чрезмерно туго, без учета предела прочности. Профессор — сторонник некоторой демократизации жизни... Надо ослабить гайку.

— А-а-а... Бывает, бывает... Возможно, у профессора есть для этого основания... Монблан мысли! Говорят, что у летающей мыши тоже есть своя особая точка зрения на проблемы реактивной авиации.

— О, не надо политики, умоляю вас, друзья! — И Ольга умоляюще подняла руки.— Я буду просить — меньше дебатов... Надо находить общий язык... Владик, ну что ты со своим профессором носишься? Кому это интересно?

— Тебе. Ты же сама спрашивала меня, не знаю ли я такого ученого...

Владик не слышит, как Ольга досадливо ворчит: «Несусветный бред, он меня спутал с кем-то»,— и продолжает:— Так вот, недавно я подружился с математическим отпрыском. Сынок очень гордится дерзостью мысли отца. Говорит: «Моего старика не запугаешь». А кого, собственно, ему бояться? Ивана Петровича уважают крупнейшие ученые мира. Через неделю он едет за границу на какой-то большой симпозиум. Не то в Австрию, не то в ФРГ...

— Владик, я буду просить тебя оставить нас в покое с этим математиком. Поставь какую-нибудь хорошую пластинку... Давайте потанцуем, мальчики...— И, обращаясь к Бахареву:— Николас, вы большой мастер твиста. Я заметила это еще тогда, помните, на вечере в институте. У вас прекрасно развита мышца живота...— И теперь уже раздраженно к Владику: — Владик, мы хотим танцевать. Я не привыкла два раза просить...

Владик быстро ставит какую-то пластинку, подхватывает Герту, Бахарев — Ольгу, а Марина, снисходительно улыбаясь, наблюдает за танцующими. Потом Николай галантно целует ручку даме, жалуется на недомогание и теперь уже в обществе Марины и Ольги ведет светскую беседу о том о сем, а по существу, ни о чем. Девушки жалуются на большую учебную нагрузку: почти не остается времени для развлечений.

— О, это никуда не годится. Так нельзя... Кстати, что вы собираетесь делать в воскресенье?

— Студентам трудно так далеко смотреть,— ответила Ольга.

— Я за вас решил. В воскресенье мы едем на ВДНХ. Гарун-аль-Рашид дает обед. Согласны?

Первой откликнулась Ольга — весело захлопала в ладоши:

— Конечно, согласны. Я еще никогда там не была. Иностранцы в восторге от этого райского уголка Москвы. Марина, а почему ты молчишь? Гарун-аль-Рашид может и раздумать. Не так ли?

— Да, он такой. На него это похоже.— И Бахарев подошел к Марине поближе.— Так как, Марина? Договорились?

— Если это тебе доставит удовольствие, то считай, что договорились.

...Пластинка крутилась... Ольга погасила верхний свет маленькой люстры и включила лампу углового торшера, бросившего мягкий свет на журнальный столик. Тут лежали журналы «Смена», «Здоровье», «Наука и жизнь». И два-три номера «Медицинской газеты».

— Вы все это выписываете, Ольга?

— Нет, не все. Не хватает времени проглатывать так много информации. Я выписываю «Здоровье», Герта — «Науку и жизнь». А «Медицинскую газету» просматриваем в институтской библиотеке. Если заинтересуюсь какой-нибудь статьей, прошу этот номер газеты у тети Ани, Марининой мамы...

Бахарев бросил беглый взгляд на газету, освещенную лампой торшера. На белом поле — знакомое, наспех выведенное карандашом «Доб-1-38». И тут же порадовался за Птицына: «Молодцом! Он как-то высказывал такую догадку: «А что если доктор Васильева прочитанные газеты затем дает Ольге?»

Легко представить, как учащенно забилось в это мгновение сердце Бахарева. Все, кажется, становится на свои места...

К дому он приближался уже в полночь, многое передумав, взвесив, оценив каждый из сотен фактов, каждую из сотен бесед, встреч, мимолетно оброненных фраз... Круг начинает замыкаться: Ольга!

И снова все та же тревожная мысль, никогда не оставлявшая его в покое: «А что если и Ольга и Марина? А что если они действуют вдвоем? Как быть с той пока ничем и никем не опровергнутой уликой: почему ее встречи с «туристами», гонцами Эрхарда хранятся в тайне?» И снова вслед за вопросом, задававшимся уже сотни раз: «Почему она утаивает от него эти свои встречи?» — следует логическое предположение: «...А если и Ольга и Марина?.. И кто из них главный?»

С мыслью этой, без сна он провел остаток ночи.

* * *

Бахарев докладывал Клементьеву, Крылову и Птицыну. Докладывал со всеми подробностями. Сообщал только факты, не комментируя, не делая выводов, и против обыкновения старался говорить бесстрастно, «спрятав» подальше свои эмоции.

В заключение он положил на стол протокол повторного дактилоскопического исследования газеты, хранившейся в сейфе Птицына. Криминалисты сличили оттиски пальцев на газете и в разное время собранные Бахаревым оттиски пальцев Ольги, Марины, доктора Васильевой. Полное совпадение.

— Это все? — спросил генерал, когда в комнате наступила тишина.— А выводы? Предложения?

Бахарев волновался. Он не ожидал, что именно ему генерал задаст эти вопросы. Но быстро овладел собой.

— Вывод таков: студентка Ольга — агент иностранной разведки. Прибыла в СССР с заранее подготовленным тайником в туфлях — надо полагать, для хранения и перевоза через границу собираемых ею данных, интересующих вражескую разведку. В частности, ее интересовали номера военных машин, их маршруты. Думаю, что тайник в туфлях подготовлен для хранения чего-то очень важного. Можно полагать, что на пути в Можайск фотографировала заинтересовавшие ее промышленные объекты. Кроме того, она занималась изучением настроений молодежи, главным образом студенческой. Есть основание считать, что она причастна к распространению антисоветских фальшивок в подмосковном городке. В поле ее зрения — ученый, крупный математик, который, видимо, по разным причинам интересует иностранную разведку. Что касается Зильбера, то направление его деятельности очевидно. Остается неясной роль той женщины, с которой он контактируется в Москве.

— Кого вы имеете в виду?

Бахарев слегка покраснел.

— Студентку Марину. При этом нельзя не учитывать и такой вариант: две подруги — Ольга и Марина, выполняя задания вражеской разведки, действуют совместно.

— Вы мне нравитесь, Бахарев.— Генерал откашлялся и продолжал: — В достаточно сложной коллизии вы достаточно стойко держитесь. Итак, что будем делать дальше?

Первым подал голос Крылов.

— Полагаю, что наступила пора арестовать Ольгу. А она уже прольет свет...

— Ваше мнение, Птицын?

— Пора такая может и наступила, но я бы пока от ареста воздержался.

— И я тоже. Излишняя поспешность. Хочу обратить ваше внимание на следующие обстоятельства.— И генерал, взяв лист бумаги, вывел на нем жирную единицу.— Первое: как могла Ольга, будучи разведчицей, отдать в ремонт туфли с тайником? Действие, лишенное всякого разума. И далее, Ольге зачем-то срочно понадобились эти туфли. Зачем? Интересно было бы это знать. По нашим сведениям, уезжать домой она пока не собирается. А Зильбер уедет через несколько дней. Он просил продлить срок своего пребывания в Москве. Ему отказано. Об этом ему сообщили позавчера. А вчера днем Ольге срочно понадобились туфли. В чем тут дело? К сожалению, мы пока не можем ответить на эти вопросы. Второе обстоятельство,— и генерал вывел на листе бумаги двойку,— Зильбер присмотрел место для тайника в Архангельском. Даже «прилепил» контейнер, а потом снял. Пока это нестреляющее ружье. А оно должно выстрелить. Зильбер — человек рассудительный. И третье обстоятельство. Встреча Зильбера и Бахарева. Кто-то должен сообщить разведчику, что в воскресенье Бахарев будет на ВДНХ. Кто это сделает? Марина? Ольга? Мы должны знать, кто подаст Зильберу сигнал. И четвертое. Не по степени важности. Связной Зильбера — толстый, косоглазый человек, подбросивший газеты «Футбол» в студенческом общежитии. У нас есть его фотография, мы знаем и его биографию, а найти пока не можем. Между тем, очевидно, он должен выйти на связь с Зильбером. А возможно, и с Ольгой.

Генерал отложил в сторону белый лист бумаги с четырьмя цифрами.

— Стало быть, если это так, то можно согласиться с Александром Порфирьевичем: не следует спешить с арестом Ольги. Что касается Зильбера, то вопрос о нем будет решен позже. Есть ли другие соображения? Ты продолжаешь настаивать на своем, Ваня?

— Нет... Снимаю... Согласен.

— А вы, Николай Андреевич?

Бахарев ответил неопределенно:

— Пожалуй, что и не стоило бы...

— Значит, полное единодушие «большого совета». Отлично! Надеюсь, что в ближайшую неделю события начнут развиваться в более быстром темпе.

...Генерал ошибся: они стали развиваться намного раньше. «Большой совет» еще не закончился, как раздался телефонный звонок.

— Слушаю... Так, так... Уже расшифровали? Молодцы...— Генерал быстро перелистывает груду бумаг, находит нужную ему и бегло читает.— Одну секунду... Да, «Ландыш»... Ждем. Несите немедленно.

9

В жизни «Ландыша» произошли серьезные перемены. Прежняя, молодая хозяйка дома, вы-

шла замуж за коммерсанта и отбыла в недалекие края, продолжая, однако, свою деятельность на поприще разведки.

В особняк прибыла молодящаяся дама, шагнувшая далеко за пятьдесят. Карл представил ее как свою тетушку Элизабет. Она с успехом заменила племянницу — и как хозяйку дома и как опытную, с большими связями, разведчицу. Тут-то и появились неожиданные осложнения в работе Кати. В прошлом красавица, Элизабет и сейчас привлекала нужных ей людей былым своим искусством кружить головы мужчинам. С годами потускнела, поблекла красота ее тела, но, увы (увы, прежде всего для Кати), в ней сохранилось любовное неистовство. Страшно взбалмошная, эта женщина начала побаиваться «Ландыша». Бывавшие в доме «гости» — заморские и местные — все чаще стали заглядываться на миловидную Катрин, что приводило в бешенство мадам Элизабет. Избалованная вниманием мужчин, тяжело переживавшая неумолимый бег времени, она жестоко мстила всем, кто хоть как-то подчеркивал увядание ее красоты. И вот Катя. Стоило ей показаться в гостиной, когда там были «гости», и взгляд глубоко запавших серых глаз Элизабет обшаривал домоправительницу с ног до головы. И если бы она не побаивалась «племянника» — хозяином все же был он и все связи с резидентами и агентурой шли через него,— то совсем худо пришлось бы «Ландышу». А Карл доверял ей и активно привлекал к разным операциям, не обращая внимания на причуды тетушки. Катя чувствовала неприязнь Элизабет, догадывалась, в чем дело, и старалась все время оставаться в тени, никем не замеченной. Она надеялась, что разум этой хитрой, умной, волевой разведчицы возьмет все же верх. Но, увы, когда бушуют женские страсти, разум частенько меркнет. Элизабет казалось, что даже застенчивая улыбка Кати — западня для мужчин.

Все эти обстоятельства поставили «Ландыша» в условия чрезвычайно сложные. Карл привлекал ее «к делу», а Элизабет под любыми предлогами оттесняла. Так продолжалось до тех пор, пока хозяйке не пришла блестящая, по ее мнению, идея. Как-то она сказала «племяннику», что пора предоставить Кате более самостоятельную работу, с более широким полем деятельности. Она должна поступить на работу переводчицей в организацию, обслуживающую иностранных туристов.

— А почему бы не поручать ей время от времени,— предложила Элизабет,— сопровождать группы наших туристов, отправляющихся в СССР? Не считаешь ли ты, что здесь будет больше пользы?

Карл согласился. Но тут же оговорил право на использование Кати и для других поручений. Элизабет презрительно усмехнулась.

— У тебя дурной вкус, племянник...

Карл вспылил. Они два дня не разговаривали друг с другом. И Катя со страхом наблюдала, чем все это кончится. Кончилось, однако, победой Карла, ибо в мире бизнеса последнее слово за тем, кто платит.

Катя с семьей переехала в уютную квартиру, в центре города, недалеко от особняка Карла. Она стала гидом-переводчиком, не очень-то обремененным заботами. Но по-прежнему часто бывала в доме Карла. Предлог был найден самим Карлом и вполне подходящий: хозяин хочет в совершенстве изучить русский язык.

И вот первое задание Кате. О нем речь идет в гостиной, где собрались Карл, Катя, Эрхард. А в центре всеобщего внимания — лысый, сухощавый джентльмен с протезом вместо левой руки. Собственно, сейчас хозяин уже не Карл, а джентльмен с протезом, хотя гость не очень-то стремится быть в центре внимания. «Ландыш» впервые присутствует в гостиной в качестве будущего резидента, человека, которого готовят к серьезному заданию. Карл представил Катю, и она сразу же блеснула эрудицией. Разговор зашел о русском ученом, математике, весьма интересовавшем лысого.

— Да, очень перспективный человек,— заметила тут же Катя, встречавшая фамилию ученого в русском научно-популярном журнале.— Это один из одаренных математиков, работающих в области радиоэлектроники.

Джентльмен многозначительно посмотрел на Катю, одобрительно улыбнулся Карлу: «У вас смышленая помощница». А Катя словно не заметила ничего, продолжала:

— С какой точки зрения вас интересует этот ученый, господа? Его исследования в...

— Нас интересуют не только его исследования, но и его идеи... Так сказать, мировоззрение... Прошу прощения, что прервал вас.— И человек с протезом почтительно склонил голову в сторону Кати.— Наше внимание, несомненно, привлекут и его исследования военно-прикладного характера. Но в данный момент нас весьма интересуют политические настроения ученого, необычные для советского ученого взгляды на устройство общества... У русских появился новый жупел: либерализация. Это их противник номер один... Они чертовски проницательны, эти кремлевские деятели, и быстро разнюхали, что если «либерализация» — это «А», то за ним последуют «Б» и «В»... Будем трезво оценивать обстоятельства, господа: вся эта философская эквилибристика наших достопочтенных кремлеведов — «единое индустриальное общество», «конвергенция», «эволюция равновесия сил», «деидеологизация» — увы, пока не дает ожидаемых дивидендов... Вы согласны, господа? — И, не ожидая ответа, жестко отрезал: — Итак, к делу!

План операции обсуждался тщательно, в разных вариантах, с разными действующими лицами, с учетом возможностей агентов, находившихся в Москве. И тут Катя впервые услышала об иностранной студентке, которая учится в советском медицинском институте. «Медичкой» — такова ее кличка — подготовлены важные для разведки материалы, которые она должна была доставить сюда лично. Среди этих материалов — данные об интересующем разведку ученом: его сын дружит с любовником «Медички». Находящийся сейчас в Москве Зильбер действует в тесном контакте с нею. Она помогла ему связаться с весьма полезным человеком по кличке «Толстый» — он проживает в маленьком городке центра России и в столице появляется с командировочным удостоверением коммерческого директора какого-то учреждения, занятого сбором утильсырья.

Зильбер отправлен в Москву со свободной и широкой программой действий, нацеленной в первую очередь на молодежь. Многое зависит от беседы с «Медичкой», исподволь изучающей настроения своих сверстников. Возможный вариант: установление контакта, желательно как можно более тесного, с советской студенткой, дочерью врача, женщины, которая в свое время была репрессирована. Зовут студентку Марина,— и тут «Ландыш» не скрывает своего изумления: она неродная дочь Эрхарда. «Ландыш», полагая, что это ее сообщение вызовет особо большой интерес, передает некоторые подробности психологического порядка.

Эрхард был несколько обескуражен, как только человек с протезом повел разговор о Марине. Самодовольный, полный сознания значимости своей персоны в этой штаб-квартире разведчиков, он как-то сразу сник, едва зашел разговор о его дочери. Эрхард жалостливо смотрел на человека с протезом, когда тот, обращаясь к «Ландышу», наставлял ее:

— Если упомянутого советского ученого русские, несмотря на его вольнодумство, все же отправят в заграничный вояж, вам надлежит поработать с ним в качестве переводчицы и...— На лице джентльмена появилась похотливая улыбка.— Вы сами знаете свое оружие, мисс Катрин. Но возможен и такой вариант: русские не пошлют математика на симпозиум. И тогда мы отправим вас в Москву вместе с туристской группой студентов-математиков. Вам надлежит, мисс Катрин, найти ход к профессору, действуя в контакте с «Медичкой», используя собственные возможности и связи. Кажется, ваш дядюшка что-то преподает в университете?

Человек с протезом, не ожидая ответа, поднялся с места, окинул взглядом сидевших за столом и в несколько проникновенной тональности продолжал:

— Я хотел бы, господа, обратить ваше внимание на одну категорию советских людей. До войны, да и в первые годы после войны, любой советский гражданин, имевший родственников за рубежом или связанный родственными узами с репрессированным, находился под наблюдением карательных органов. Потом, как вы знаете, наступила «оттепель» — так, кажется, принято сейчас писать в России. Повышенная подозрительность уже была не в моде. Ее публично осудили. И мы не можем не воспользоваться этим обстоятельством.— И он снова повторил: — Я имею в виду эту самую Марину, дочь врача...

И тут Эрхард взмолился. Кто его знает, какая струна зазвенела в душе его! Может, вспомнил, как маленькая большеглазая девочка ласково обвивала ручонками его шею, ласково просила рассказать ей сказку; или подумал о том, что девчушку-то он полюбил по-настоящему, без маскировки; или мечтал каким-то образом заполучить ее сюда, к себе, в свое логово, и не хотел подвергать риску там... Или попросту — бывает же и такое — нечто человеческое пробудилось и у этого субъекта. Так или иначе он дерзнул сказать:

— Сэр, я буду иметь честь убедительно просить вас оставить мою дочь вне поля вашего... Простите, вне поля нашего зрения...

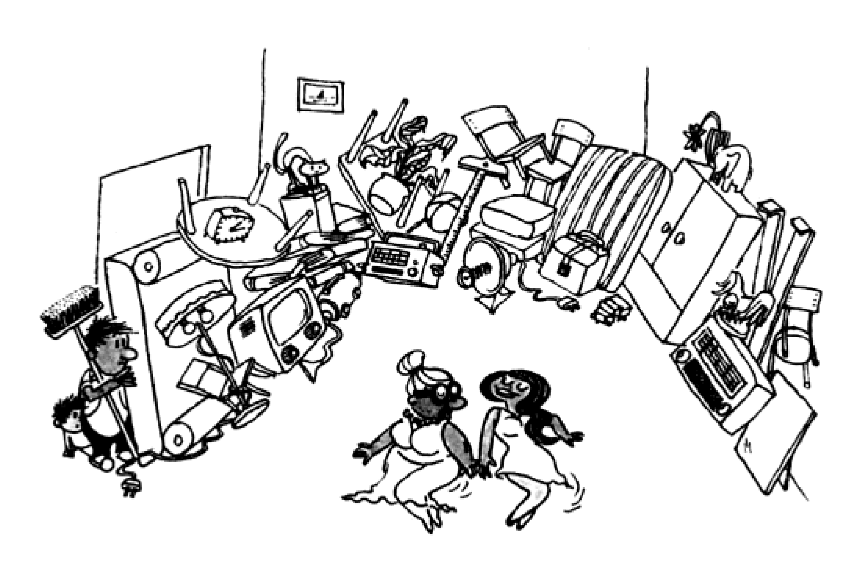
Сэр иронически улыбнулся:

— Вы слишком сентиментальны, господин Эрхард... Нас не интересует, кто является отцом девушки, которая сможет помочь человечеству в борьбе с тоталитаризмом. И не надо больше напоминать мне об этом.— И тоном, не терпящим возражений, объявил: — Итак, господа, вариант первый: профессор приезжает на симпозиум. Катрин знает, как ей в этом случае действовать. Об организации дела позаботится Карл. Вариант второй: профессора не послали за границу на симпозиум. Катрин с группой туристов студентов-математиков едет в Москву. За организацию дела отвечает господин Карл. Более детальные инструкции, пароль, явку Катрин получит в канун отъезда...

Продолжение следует.

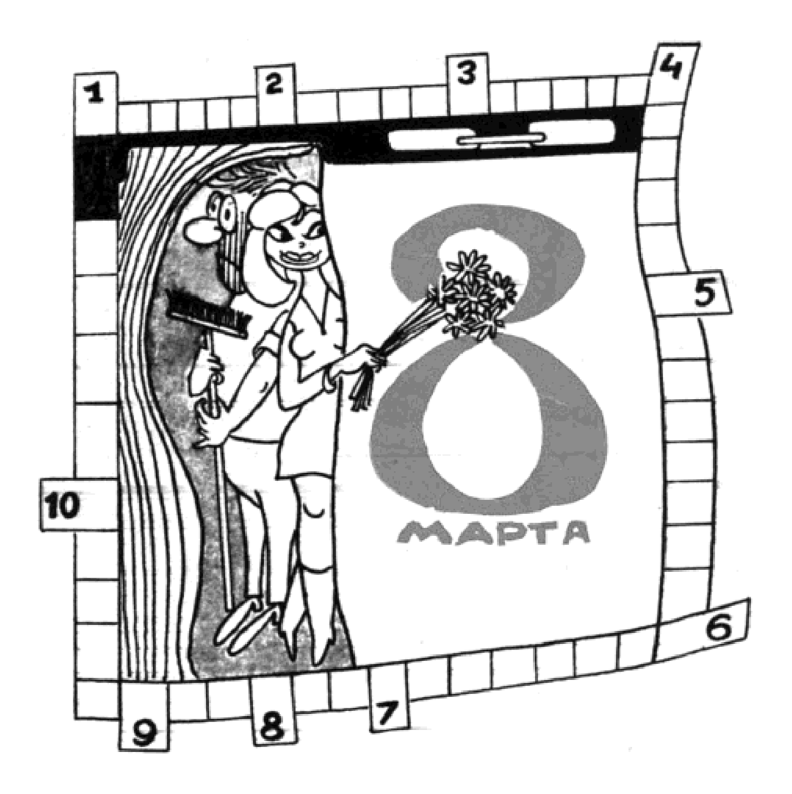
ИЗО-ЧАЙН-ВОРД

1

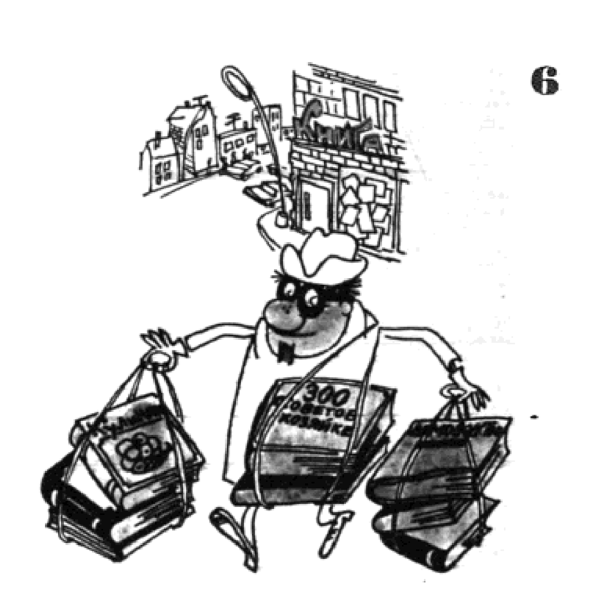
2

Ответы на изочайнворд «Снежки», напечатанный в № 1

1. Елка. 2. Автограф. 3. Финиш. 4. Шапка. 5. Арфа. 6. Амур. 7. Риск. 8. Каток. 9. Колумб. 10. Болельщик.

Первыми правильные ответы прислали: М. Попова, М. Лепчикова, В. Романова, А. Платонов, Н. А. Седых, семья Смешных, Л. И. Насонова, А. А. Чураков, семья Гусевых, Л. А. Любимов, Т. С. Мадорский, А. И. Эпштейн, Сероус, семья Ясинских, семья Кузнецовых, Р. Н. Рогачев, Г. Н. Черноусов, В. Шпорт, И. В. Проскурин, Н. Д. Попов.

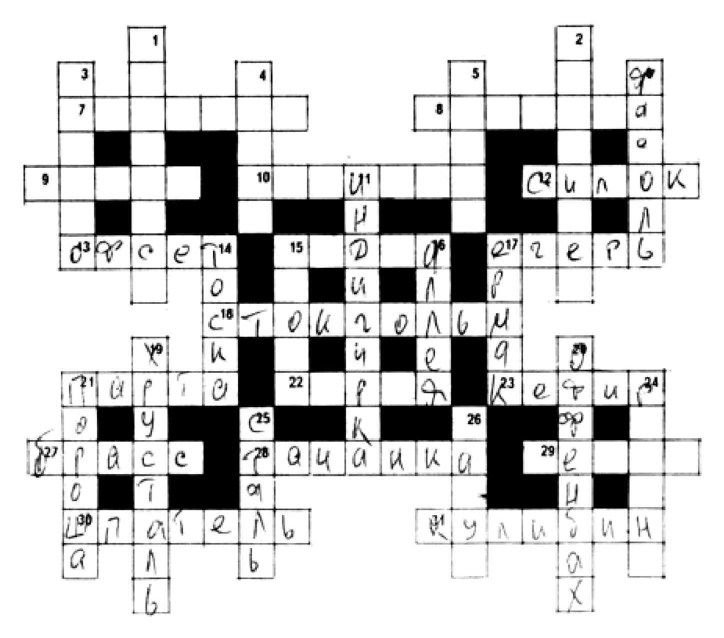

6

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником В. Тильманом. Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы, будут опубликованы в журнале.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Басня И. А. Крылова. 8. Птица отряда куриных. 9. Экваториальное созвездие. 10. Русский поэт. 12. Сетка для ловли рыб. 13. Способ печатания. 15. Трагедия Ж. Расина. 17. Специалист в охотничьем хозяйстве. 18. Столица европейского государства. 21. Школьная мебель. 22. Государство в Западной Азии. 23. Молочный продукт. 27. Стиль плавания. 28. Картина М. Б. Грекова. 29. Несущая конструкция. 30. Инструмент живописца. 31. Русский механик-изобретатель.

По вертикали: 1. Город в Челябинской области. 2. Химический элемент. 3. Музыкальная пьеса. 4. Время года. 5. Горная коза. 6. Бобовое растение. 11. Река в Якутской АССР. 14. Опера Дж. Пуччини. 15. Цветок. 16. Дорожка в парке, в саду. 17. Старейший ледокол советского арктического флота. 19. Сорт стекла. 20. Автор оперетты «Перикола». 21. Только что выпавший снег. 24. Музыкально-поэтическое произведение. 25. Металл. 26. Шерстяная пряжа для вышивания и вязания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 4. Шоколад. 7. Самара. 8. Аренга. 11. Склонение. 12. Родари. 14. Карась. 16. Дилижан. 18. Цицерон. 19. Декабрь. 21. Борозда. 22. Бушлат. 24. Картер. 25. Амбразура. 26. Пирога. 28. Гравий. 29. Барибал.

По вертикали: 1. Роща. 2. Гортензия. 3. Фата. 5. Нанси. 6. Терек. 9. Кронциркуль. 10. Эксперимент. 13. Реприза. 15. Атакама. 16. Денеб. 17. Недда. 20. Можайский. 23. Тагор. 24. Карат. 27. «Абай». 28. Грач.

3

4

5

7

9

8

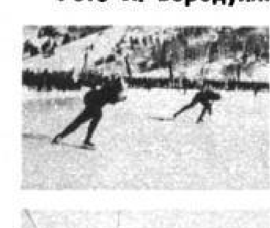
БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ

10

На первой странице обложки: Лариса Домашевич, сборщица Минского часового завода, с сыном Колей.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: На ледяной дорожке чемпионка Европы Нина Статкевич. Внизу — канатная дорога в горах Заилийского Алатау (Казахстан).
Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Н. ШУМАНА.

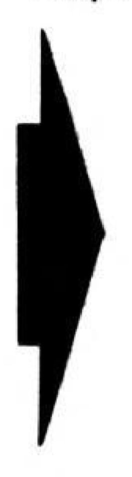
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/II-70 г. А 00343. Подп. к печ. 3/III-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 426. Тираж 2 186 000 экз. Заказ № 490.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Принимай, весна, эстафету!

И сразу столько событий: и Дед Мороз на пенсию уходит, и Снегурочка-зима свои полномочия складывает, сдает дело весне-молодайке, да не просто сдает, а с почтением, хлебом-солью! Тут ведь и намек запрятан — прошлый-то год льговцы хоть и не балованы были погодой, а хлебушко получили знатный, невиданным доселе урожаем наполнили закрома, почти на два государственных плана дали зерна Родине. Вот и смекай, весна новая, помоги-ка людям в их славном земледельческом труде. А народ на земле Курской трудиться горазд. Но и веселиться тоже умеет: посмотрите-ка, какой праздник звонкий — и с певицами, и с гармонистами, и с балалаечниками. А уж пляшут — земля дрожит.

Прощай зима-матушка,
здравствуй, весна-красна!

Ю. Михайлов

Начало на стр. 1

ПРОЩАЙ, ЗИ

Ох, Емелюшка, Емеля...

МА!

На богатырской заставе.

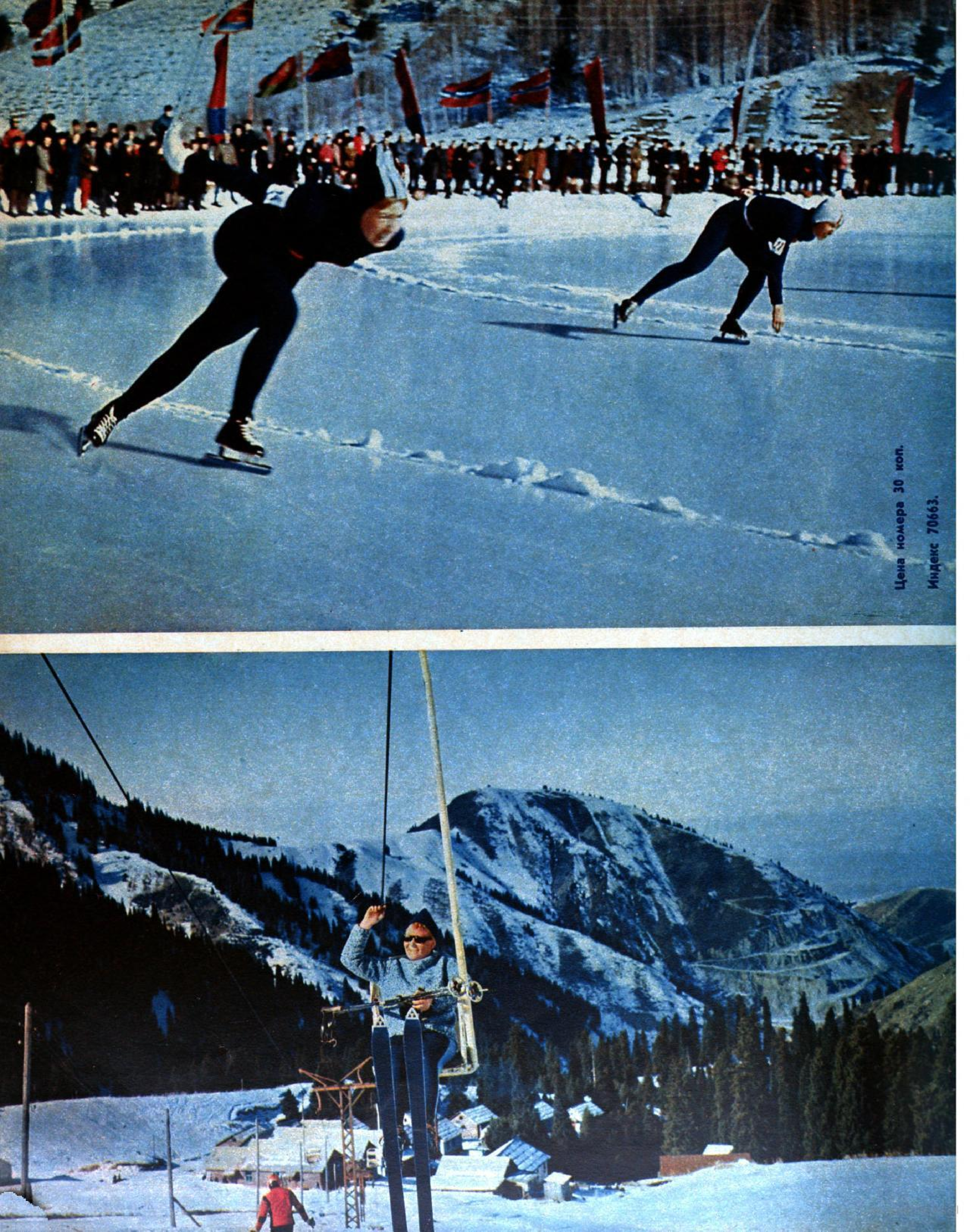

Аж земля дрожит!

Какой же праздник без глашатая!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.